

— GADGET —
ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛОВА

ДМИТРИЙ ДАЛЬ
**ЧУЖАЯ
ВОЙНА**

РОМАН-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
НЕ ИГРАЙ В СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ!

ДМИТРИЙ ДАЛЬ

ЧУЖАЯ ВОЙНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д15

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на первой стороне — Александр Руденко

Иллюстрация на четвертой стороне — Елена Диденко

Серийное оформление — Василий Половцев

Внутреннее оформление — Ирина Гришина

Д15 **Даль, Дмитрий.**
Гаджет. Чужая война : [фантастический роман] / Дмитрий Даль. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Гаджет).

ISBN 978-5-17-105806-7

На улицах Петербурга развернулась настоящая война. Появление нейрофона, генерирующего виртуальные миры наяву, раскололо мир на два лагеря. «Охваченные», использующие новый гаджет, преследуют его противников, самые стойкие из которых объединились в отряды сопротивления.

Роман Корнев по прозвищу Гладиатор тоже «охвачен» нейрофоном, но что-то пошло не так. Роман использует гаджет в своих целях, так как нейрофон по неизвестной причине не может управлять им. Гладиатор становится командиром отряда повстанцев. Но среди них завелся предатель... Нужно выяснить, кто он. И кто является «кукловодом», планирующим при помощи нейрофонов поработить человечество.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105806-7

© Д.О. Силлов, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

ГЛАВА 1

—Заканчиваем галдёж! Разбредаемся по койкам. Утром подниму всех рано. Работы много. Да и цель может уйти. Степаныч, заступай на дежурство. Борода, сменишь его, — распорядился я.

Время, конечно, детское. Но завтра бойцы мне нужны свежие и сильные, а не сонные, как зимние мухи. Знаю я их. Если не взять бразды правления в свои руки, то до часу ночи будут в карты резаться да байки травить. Такое чувство, что утром их не боевая операция ждет, а увеселительная прогулка.

— Гладиатор, ты чего такой смурной? Расслабься. Завтра все сделаем в лучшем виде, — довольно осклабился Василий Ремнев, бывший оперуполномоченный Московского района, а ныне наш человек, сопротивленец.

Я бросил на него мрачный взгляд и направился в спальню, которую делил с тремя бойцами. Дважды повторять приказ не в моих правилах. И мои ребята это знают. Еще пара минут, и установятся мир и тишина.

Конспиративная квартира не отличалась габаритами. Не хрущевка, конечно, но и не царские хоромы, поэтому в тесноте, да не в обиде. Я как коман-

дир группы лег спать на единственной кровати, двое ребят — на полу. Они так решили, значит, так тому и быть. Берегут командира.

Стоило мне прилечь, как сморило. Неудивительно. Три дня в нервном напряжении. Операция по захвату оружейника, который нелегальные стволы «куклам» толкал, серьезный вопрос. Мы этого козла две недели выпасали, пока на его контору не вышли. Три дня исследовали все входы и подходы, каждый закоулок, чтобы в ответственный момент что-нибудь не сорвалось. Укачало меня на этих американских горках, вот и отрубился, словно питание одним щелчком отключили.

Очнулся я от громких хлопков из соседней комнаты. Для шампанского по-гусарски в потолок еще рано. Миссия не выполнена. Тело отреагировало само. Я скатился с кровати на пол, выхватывая из-под подушки пистолет. Снять с предохранителя. Активация нейрофона. Загрузка происходит моментально. Хорошо, что я спать в одежде лег. Сил на раздевание не осталось. А то сейчас бы в одних труселях бандитов пугал.

В голове слышался тихий отдаленный шепот, словно звучащий за стеной. Можно, конечно, сделать погромче. Достаточно дернуть колесико в настройках нейрофона. Только вот нет необходимости. Итак, все понятно. К нам в гости пожаловали «охваченные». Кто-то нас явно сдал, иначе как они на нашу конспиративную квартиру вышли?

Из соседней комнаты слышался грохот, отборный мат и глухие удары.

Пошла потеха. Отсидживаться за спинами своих бойцов я не привык и ринулся им на помощь.

Распахнув дверь, я увидел следующую картину. В гостиной царил кавардак. С десятков «кукол» набилось в тесную комнату, так что не развернуться. Мельтешение рук и ног. Мои ребята пытаются отбиваться. Но «кукол» слишком много. Пустые бездушные глаза, яркие попугайские наряды, бритые головы и белые коробочки со скалящимися рожицами на ушах. По виду не скажешь, к какой группировке принадлежат эти «охваченные».

Двое клоунов зажали Бороду в угол и методично обрабатывали деревянными битами. Серега пытался закрываться, отражать удары, но поломанным стулом много не навоюешь, а перейти на короткую дистанцию, чтобы достать противника ножом, зажатым в левой руке, не получалось. «Куклы» работали слаженно, и, судя по хищным улыбкам, получали от этого удовольствие. Вероятно, сейчас они проходили какую-то очередную миссию в одном из сотни миров, сгенерированном нейрофоном. Когда-то и я вот так бегал по реальным улицам, видя перед собой виртуальную игровую реальность — улицы Древнего Рима, заполненные плебсом, легионерами и патрициями. Засосало меня тогда знатно. С трудом выбрался из этого болота. Как потом оказалось, я один такой, кто смог преодолеть влияние нейрофона и остаться самим собой.

Васе Ремневу пришлось хуже. Одной «кукле», высокому плечистому мужику с бритым черепом и металлической цепью с знаком анархии на шее, он сломал шею. Другому противнику, крепкому коротышке с большими кулаками и густой черной бородой, он разбил лицо и отправил его в полет на журнальный

столик, который, не выдержав столь грубого обращения, развалился. Но на этом его везение кончилось. Двое «охваченных» забили его в угол, точно сломанную игрушку. И тут на свет появился клинок. Одна из «кукол», вероятно, играла в рыцарский мир, вот и вытащила из-за спины легкий острый меч. Короткий взмах. Еще секунда, и Ремнева рассекут на части.

Я успел вовремя. Вскинул руку с пистолетом и, особо не целясь, нажал на спусковой крючок. Раз. И еще раз. Пистолет глухо кашлянул дважды, и «кукла» с мечом завалилась на пол. На ее спине разливались два кровавых пятна. Ремнев бросил на меня благодарный взгляд. Гладиатор, как всегда, пришел вовремя на помощь. Но в ту же секунду вторая «кукла» ударила его выскользнувшим из рукава коротким клинком. Стальное жало вошло аккуратно в грудь в районе сердца. Василий широко раскрыл в удивлении глаза, сделал два шага навстречу смерти, еще глубже насаживаясь на клинок. «Кукла» успела выдернуть жало, обернулась ко мне, довольно улыбнулась и прыгнула навстречу.

Я выстрелил несколько раз и промазал. Разлетелась вдребезги ваза, стоящая на буфете. Осыпался стеклянными брызгами на пол телевизор. И в меня ударил тараном «охваченный». Вместе мы влетели в спальню и упали на кровать. Пистолет отлетел куда-то в сторону. И я наткнулся челюстью на кузнечную наковальню. Перед глазами на мгновение померкло. Наковальней оказался кулак «куклы». Бугай оседлал меня сверху и начал охаживать. Еще с минуту подобной процедуры, и от моего лица останется толь-

ко маловразумительная отбивная. В голову заползал разьедающий сознание кровавый туман.

С трудом мне удалось сконцентрироваться и стряхнуть с себя «охваченного». В игре «Укроти дикого буйвола» бугай проиграл на первой же минуте, вылетел как пушечное ядро из седла. Стальной клинок с короткой черной ручкой и без гарды звякнул и улетел куда-то под кровать.

Я скатился с кровати, и тут же пробил по поднимавшемуся «охваченному» с ноги. Удар пришелся в голову. Он сдавленно хрюкнул и упал на пол.

Я схватил пистолет и бросился назад в комнату.

За то время, что я отсутствовал, ситуация только ухудшилась. Борода висел на двух клинках, прищипленный к стене, словно редкая бабочка. Из его раскрытого рта на черную бороду лилась густая кровь и собиралась на полу в лужу.

Семеныч, самый старый и опытный боец в нашей боевой группе, рубился с двумя «куклами». Клинок в его руках мелькал с сумасшедшей скоростью. Он отлично фехтовал. Кто-то специализируется по горячему, а Семеныч у нас все больше по холодному оружию. И на дело он всегда брал с собой солидный запас колюще-режущего. Двое «охваченных» наседали на него, но он успевал отражать их удары и не давал им расслабиться, выискивая слабинку. Вот один из них раскрылся и тут же оказался насажен на клинок Семеныча. Но этот выпад ослабил его позиции, и второй «охваченный» ударил. Он бил сверху с прицелом на рассечение груди. Но Семеныч отделался легким испугом. Кофта и футболка разделились на две части. На коже показалась кровавая царапина, но ничего

страшного. Пациент жив и готов надрать задницу кому угодно.

Я зацепил краем глаза Рубика, молодого парня, второй месяц с нами работает. Прозвище свое получил за то, что в любую свободную минуту доставал из кармана кубик Рубика и начинал его вращать в руках с бешеной скоростью, соединяя цветные квадратики. Он, казалось, даже не задумывался над тем, что делал. Каждое движение у него было отработано до автоматизма. Но в бою, к сожалению, от него было мало толка. Парнишка все больше по компьютерному железу специализировался. Вот и сейчас в первые минуты боя его вырубили и в бессознательном состоянии тащили к дверям. «Охваченным» нужен язык. В их задачу входила не просто зачистка конспиративной квартиры повстанцев, но и захват пленных. Значит, «охваченные» интересуются, что мы затеяли.

Я бросился им наперехват. Рубика надо вырвать из рук бездушных «кукол». Но не успел. Дорогу мне преградил крепкий мужик с бульдожьим лицом и рыжим ежиком волос. Левое ухо его улыбалось смайликом нейрофона. В руках он держал бейсбольную биту, которую тут же обрушил на меня. Я уклонился от первого удара. Ушел в сторону от второго. Чуть было не пропустил третий, который нацелен был в корпус. И словил удар рукояткой биты в лицо. Перед глазами поплыла картинка. Меня закачало, как во время качки. Из разбитого носа хлынула кровь. Я утер нос. Черт, больно, твою ж дивизию. И выстрелил от живота.

В глазах «куклы» появилось дикое удивление. Рыжий будто очнулся от спячки. Он скосил глаза вниз на расплывающееся кровавое пятно на белой футбол-

ке с принтом «Делай деньги. Остальное дребедень» и пьяным лицом пирата. В ту же секунду я оборвал его мучения выстрелом в голову.

Но пока я возился с ружьем, мы потеряли Семеныча. Он сидел возле стены, зажимая дырку в животе. В глазах еще теплилась жизнь, но надежды не было. Он дожидался прибытия скорого поезда на тот свет. Рядом нелепо лежали трое «кукол». Бездыханные пустые оболочки. Семеныч все-таки не за просто так отдал свою жизнь. Кое-какую плату получил, будет чем расплатиться с суровым Хароном.

Из дверного проема в соседнюю комнату виднелись голые ноги с задранными брючинами. В них я опознал Храброе Сердце, нашего маленького горца, который по отцовской линии и правда имел шотландские корни, чем необычайно гордился. Даже зимой время от времени выходил в килте на прогулку.

Вся моя команда полегла. От осознания этого факта хотелось взвыть на луну и броситься в бой на вражескую орду, ни на что не оглядываясь. Сколько заберу с собой, столько заберу. Остальное пусть идет лесом. Только вот это неправильно. Глупо и неправильно. У меня есть цель, есть задание. И, несмотря на гибель команды, я не должен отчаиваться и искать легких путей.

Стало быть, надо уходить. Я обратился к нейрофону. Перед глазами появился квадратик оперативного окна. Вызвал программу «Схема». Ее я загрузил несколько недель назад на всякий непредвиденный случай, который, похоже, наступил. В программе заранее я проложил маршрут отступления. План предусматривал тактическое отступление всей группы, а не

одинокий побег из могильника. Но мне выбирать не приходилось. Что есть, то есть.

В гостиной один за другим появлялись новые «куклы». Они тотчас бросались ко мне. Казалось, я раздвоился. Одна часть меня продолжала рукопашный бой. Вторая — прокручивала маршрут отступления. Дольше ждать нельзя. Промедление смерти подобно. Я сшиб с ног очередную «куклу». Вырубил другую и словно камнем в кегельбане сбил «куклой» наступающего противника. И метнулся в спальню. Спешно забаррикадировать дверь. Для этой цели идеально подошел комод. Долго он не продержится, но мне долго и не надо.

На полу зашевелился Рыжий. Я отправил его ударом ноги в царство сна и бросился на балкон. «Схема» предлагала мне подняться на крышу, откуда и начинался мой маршрут отступления. Но главный вход занят «охваченными». Остается только через окно.

Рядом с балконом проходила водосточная труба. Я специально выбрал для нашей берлоги предпоследний этаж, чтобы недалеко было ползти. Крепление у трубы хлипкое. Но несколько дней назад мы с Бородой его укрепили, чтобы, случись что, не сорваться вниз вместе со всем железом. Конечно, таким путем вывести весь наш отряд из квартиры — гиблое дело. Но я и не предполагал, что нас вслепую забаррикадируют в берлоге. Предполагалось, что у нас будет возможность воспользоваться лестницей, чтобы выбраться на крышу. Для этого во дворе Рубик установил датчики слежения, которые по факту не срабатывали. А выход через балкон был на самый крайний случай. Я обязан постараться предусмотреть все.

Я перелез через перила, вцепился в трубу и полез. Крепления трубы предательски закрипели и стали выходить из стены. Еще немного, еще чуть-чуть, и я у цели. Только бы не сорваться. Вот впереди показалась крыша, я ухватился за край одной рукой, потом другой, подтянулся и вкатился на крышу.

Времени разлеживаться нет. Я поднялся. Теперь надо открыть схрон и достать оружие. На квартире у нас хранился солидный запас оружия. Все-таки мы планировали силовую акцию по захвату оружейника. Тут с голыми кулаками делать нечего. Только вот воспользоваться им никто не успел. Нас, конечно, застали врасплох. Я уже не узнаю, кто допустил ошибку. Степаныч заснул, или Борода отвлекся. Но факт остается фактом: «охваченные» взяли нас голыми и сонными. И только поэтому все так быстро и плачевно для нас закончилось. Иначе мы бы повоевали. Но поздно идти в атаку, когда твоя душа уже отлетает в рай, догоняя отстающих. Вся команда полегла, не считая Рубика и Танюхи. Да, мне удалось выскользнуть из капкана в последний момент. Хреновый расклад партии. Это не просто провал, это грандиозный провал.

В бетонной трубе, привязанный веревкой, висел спортивный рюкзак. Я вытянул его, развязал тесемки, достал пистолет, несколько обойм, которые распахал по карманам, и большой нож в ножнах, который тут же прикрепил к брючному ремню. Рюкзак забросил за спину.

Теперь я готов к отступлению. Когда я выбирал конспиративную квартиру, то остановился на этом доме в том числе и потому, что он тесно стоял к другим домам. Плотная застройка. Поэтому так удобно,

перескакивая с одной крыши на другую, уйти незаметно, когда улица находится под полным контролем противника. Но я и подумать не мог, что в спину мне будут так назойливо дышать «охваченные».

Первая тройка «кукол» уже появилась на крыше.

ГЛАВА 2

Я припал на одно колено и открыл прицельный огонь по «охваченным». Вот, нелепо взмахнув руками, сорвался с крыши высокий седой бородач. Упала на железо стройная белокурая красавица с аккуратной дыркой во лбу. Рядом рухнул скошенный пулей подросток лет шестнадцати, в футболке «MANOWAR», с густой гривой черных волос. Но я не видел в них людей. С того момента как нейрофон пустил корни в их мозг, овладел сознанием и подчинил себе, они перестали быть людьми. Всего лишь безвольные «куклы», биороботы, исполнители чужой воли. Срезав последнего «охваченного», я бросился бежать по крыше в сторону соседнего дома.

Мог ли я себе представить еще пару лет назад, что буду стрелять в людей, бегать по крышам, рискуя сорваться с высоты восьмого этажа, и всячески рисковать своей жизнью, влезая во всевозможные авантюры. Да ни в жизнь. До эпидемии нейрофонов я был обыкновенным человеком, работал в строительной компании, отдыхал в пабах с друзьями, на даче и в Крыму, и вообразить не мог, как кардинально изменится вся жизнь вокруг.

Край крыши. Я прибавил скорости, оттолкнулся и прыгнул. Жесткое приземление. Перекат. И вот я

снова на ногах. Еще одна крыша, и можно будет спускаться вниз. Там я окажусь, если верить «Схеме», на соседней улице, которую «охваченные» не должны контролировать. Впрочем, они и к нам на квартиру не должны были заявиться, однако что-то пошло не так.

Кто-то сдал нас. И это явно кто-то из своих. Других объяснений разгрому быть не может. Но об этом я подумаю потом, когда будет вокруг поспокойнее.

Край крыши уже виднелся впереди, когда ближайшая дверь чердака распахнулась и показались первые «куклы». В голове неприятного зашелестело. Невидимые кукловоды отдают команды своим марионеткам. Я приглушил звук, сведя его до минимума. Ничто не должно мне помешать. А на этот шепот я постоянно отвлекаюсь. И хотя я слышу его как раздражающий посторонний шум, который не властен надо мной и который я могу контролировать, но все равно он воздействует на меня. По чуть-чуть, капля за каплей, но, как известно, вода камень точит. Нельзя сбрасывать со счетов, что однажды этот шепот усилится и возьмет надо мной власть, и тогда я стану такой же бездушной марионеткой, как и остальные. Не дай бог дожить до этого времени. На этот случай в воротник куртки вшита капсула с ядом. Если я почувствую, что начинаю меняться и это необратимо, тогда я применю это последнее средство.

Но сейчас я должен сражаться. Я должен выбраться из этой передраги, чтобы рассказать остальным о предательстве. Ибо пока из рядов повстанцев не вычищена крыса, угроза сохраняется. А эта угроза ставит под вопрос существование всей нашей организации и нашего мира в целом.

Двое «охваченных» бросились мне наперерез. В моих правилах не бить представителей противоположного пола, но девушка, которая с ходу съездила мне по физиономии, не подходила под это описание. В ней ничего не осталось от человека, по крайней мере пока она под управлением кукловодов. Интересно, она сейчас видит картины вымышленного мира и воображает, что сражается с огнедышащим драконом или средневековым варваром? Я попытался дотянуться до нее, но кулак вспорол пустоту. Девушка легко уклонилась. И в ту же секунду мне в голову прилетел удар. Это атаковал второй «охваченный», лысый крепыш в деловом костюме с пластиковой коробочкой нейрофона в левом ухе. Я отшатнулся в сторону. Уловил краем глаза движение слева и предупредил его. Новое уклонение и удар ногой в живот. Девушка отлетела в сторону. И я тут же схватился с крепышом. У меня не оставалось возможности дотянуться до пистолета, это мигом бы решило все мои проблемы. Крепыш оказался серьезным бойцом. Он ловко уклонялся от моих ударов, словно всю жизнь провел на боксерском ринге. Может, он играет в чемпионат мира по боксу и сейчас мы участвуем в финальном поединке? Правда, следующий мой шаг явно был не спортивным. Я выхватил нож и ударил крепыша. Он отшатнулся, но я все же зацепил его. Удар пришелся в живот по касательной. Это малость остудило крепыша. И я достал его ударом ноги в голову. Крепыш не удержался на ногах и покатился по крыше.

Тем временем девушка уже пришла в себя и напала на меня с новой силой. А все-таки хороша чертовка.

Каждое движение четко отточенное и в то же время изящное. Залюбуешься. Если бы она была из «неохваченных», я бы попробовал с ней замутить. Рыжеволосая красotka, мечта, а не девушка.

Я перехватил ее удар, придал ускорения и толкнул в сторону края крыши. Девчонка попыталась устоять на ногах, но споткнулась о крепыша и сорвалась вниз.

Я выхватил пистолет и следующих трех «охваченных» встретил прицельным огнем. Первый выстрел прямо в сердце, и парнишка лет шестнадцати падает на крышу. Второй выстрел, и бородатый мужик, похожий на лесоруба, катится вниз по ступенькам на чердак. Третий выстрел, и женщина лет сорока в джинсовой одежде, раскинув руки, падает на первого парнишку.

Каждый раз, когда я отнимаю жизнь у «охваченных», я убеждаю себя, что это «куклы», бездушные оболочки, в которых не осталось ничего человеческого. Но в то же время каждый из них — это судьба, индивидуальность, и у каждого есть семья, родные и близкие, которые больше их не увидят. Но это война, а на войне нет жалости к противнику. Тут либо ты, либо тебя. И других вариантов не дано.

Я бросился бежать. Новый край крыши. Прыжок, и я на соседнем доме. На карте местности, выведенной в левом отдельном окошке моего зрения, зеленым пунктиром проложен маршрут, а красным крестом помечена точка перехода. Оно в самом дальнем углу. Там открытая дверь, ведущая на чердак.

Я добрался до нее без помех. Больше ни одного «охваченного». Неужели они от меня отстали или это временное затишье перед бурей?

На чердаке темно и грязно. Паутина по стенам. Бетонный пол с песком, пустыми пивными бутылками и окурками под ногами. И ни одной живой души. Это замечательно. Я рад любой передышке. Маленькая пауза в этом вечном сражении. Надо убратся отсюда подальше и привести себя в порядок. Видок у меня сейчас еще тот. Такого на улице в темной подворотне увидишь и сразу без разговоров отдашь всю наличность и сотовый, чтобы не огрести новых проблем.

Дверь чердака открыта, если верить «Схеме». В этой крошечной темени не то что дверь, себя самого не увидишь. Я прибег к помощи нейрофона. Смена световых фильтров, и предметы вокруг обрели очертания. По поводу «ни одной живой души», я явно промахнулся. Вдалеке слышался тонкий писк и неясное копошение возле стены на полу. Я добавил резкости, и увидел двух крыс, которые поедали какие-то помои.

Дверь я нашел без проблем. Она оказалась открытой, и я выскользнул на лестничную площадку. Теперь надо не попасться на глаза жителям этой парадной. Народ сейчас бдительный, а у меня не самый презентабельный вид, надо полагать. Я заправил рубаху в штаны, застегнул куртку, чтобы в глаза не бросался порез на животе, и начал неспешный спуск. Торопиться некуда. Излишняя поспешность привлекает нежелательное внимание. А так усталый мужчина, задержавшийся допоздна у друзей в гостях, возвращается домой. Привычная картинка, не несущая в себе угрозы.

Улица встретила меня сентябрьской прохладой. Еще не очень холодно, но в то же время уже не лето. Где-то вдалеке гроыхнул гром. Небо прочертила

молния, и пошел дождь. Я поднял повыше воротник куртки, засунул руки в карманы и пошел торопливым шагом прочь со двора.

Вдалеке, за моей спиной, оставалась парадная нашей конспиративной квартиры, возле которой сутились выжившие «охваченные». Их было много, и они меня не видели. Иначе погоня бы продолжилась, и не факт, что я вышел бы из нее победителем.

Я свернул в кирпичную арку и вышел на Бухарестскую улицу. Впереди по правую руку виднелись двери Сбербанка, круглосуточный банкомат, затем аптека и продуктовый магазин. С наличностью у меня туго, но потрошить сейчас банкомат опасно. Если нас накрыли плотным колпаком, то могут меня вычислить, и тогда отставший уже хвост вновь ко мне прилепится. На проезд же и бутылку водки с немудреной закуской, чтобы снять последствия стресса, мне хватит. Осталось только решить, куда мне податься. До родной квартиры далеко, к тому же там живут родители, а увидев меня в таком виде, ударятся в панику, и спокойной ночи мне точно не видать, как, впрочем, и в ближайшие несколько дней. Они не знают, чем я занимаюсь, и им не обязательно это знать. Все эти новомодные штучки, типа нейрофонов, обошли их стороной. И слава богу. Они отдыхают на пенсии, и «охваченные» не преследуют их за то, что они не такие, как они. Мои предки выпали из информационного поля социума и перестали быть ему интересны. И это скорее благословение, чем проклятие. На съемную квартиру, где я живу последние полгода, ехать опасно. Во-первых, она на другом конце города. Во-вторых, если крыса слила наш конспиративный

угол, то могла засветить и индивидуальные убежища. Я туда загляну в гости, только когда приведу себя в порядок и поднакоплю силы. В гостиницу в таком виде не пойдешь, да и какие гостиницы в спальном районе. Остается только упасть к кому-нибудь в гости неожиданно-негаданно. Сюрприз, конечно, запоздалый, но у меня нет другого выхода.

Пока я шел к автобусной остановке, перебирал в голове кандидатуры, кто бы мог приютить меня на пару ночей. К нашим идти нельзя. Это опасно. Пока я не выясню, что творится в среде повстанцев, я не имею право так рисковать. Значит, надо идти к кому-то из противоположного лагеря. После того как я разобрался в том, какую опасность представляет собой нейрофон, я порвал с прежним окружением. Все те, с кем я когда-то общался, вместе проводил время, зависал в виртуальных мирах, сгенерированных нейрофоном, оказались по другую сторону баррикад. И я прекратил общение. Потом, когда я осознал, что все-таки отличаюсь от них, могу управлять собой, неподвластен влиянию нейрофона, я аккуратно возобновил общение. Это нужно было для дела. Тогда я уже вовсю сотрудничал с повстанцами, и такие контакты нужны были для правдоподобности моей легенды. Находясь среди «охваченных» я мог больше узнать о них, их мире, их планах и целях. Тогда это казалось правильным путем. Никто среди сопротивленцев и предположить не мог, что все «охваченные» всего лишь безвольные «куклы», исполнители чужой воли.

Перебрав в голове старых товарищей, живущих поблизости, я остановился на кандидатуре Кати Пономаревой по прозвищу Эльфийка. Когда-то мы не-

плохо вместе отрывались. Я еще тогда искал свое место в виртуальном мире и баловался фэнтезийными проекциями. Она же уже вовсю процветала в онлайн-игре «Темный мир», где была известна под именем Лафаниэль, владычица темного царства эльфов Тригорна. Кажется, ее с тех пор уже пару раз свергли, но имя за ней прочно закрепилось, и иначе как Эльфийкой ее уже никто не представлял себе.

Жила она недалеко. Всего каких-то минут пятнадцать на машине, в районе метро «Московская». Я остановил маршрутку, расплатился с водителем и сел на самое дальнее кресло, чтобы не привлекать чужого внимания. Впрочем, никто даже и взгляда на меня не поднял, когда я забрался в маршрутку. В машине было мало народу. Парочка лет восемнадцати сидела с закрытыми глазами. Она положила ему голову на плечо, а он слушал музыку через нейрофон, судя по ритмично дергающейся в такт музыке правой ногой. Обычная, ничем не примечательная влюбленная парочка, только из «охваченных», а это значит, потенциальные враги. В любой момент, если кукловоды засекут мое местонахождение, они отдадут приказ, и тогда эти двое превратятся в машины для убийств. Быть может, плохо обученные, однако сути это не меняет. На одиночном месте через проход сидел пожилой седоусый мужчина и читал книгу. Редкое зрелище в последнее время. Он не был подключен. И это радует. Значит, минус одна потенциальная угроза. Сразу при входе лицом к салону сидели две женщины предпенсионного возраста. В ногах сумки с продуктами. Они увлеченно о чем-то болтали, но так тихо, что и не разобрать, и они тоже из «охваченных». Это

плохо. Вероятно, подсадил кто-то из родных. По виду этих дамочек не скажешь, что они увлекаются новыми технологиями.

Сиюминутной угрозы я не видел, поэтому уткнулся взглядом в проплывающий за окном пейзаж вечернего города, заполненный огнями, машинами и людьми. И сам не заметил, как пригрелся, и дремота завладела моим сознанием.

ГЛАВА 3

— Ну и видок у тебя. Ты что, не вылезая из виртуалки, в зоопарк забрался в клетку с тигром? — открыв дверь, не смогла сдержать возглас изумления Катька Эльфийка.

— Не приютишь на одну ночь потрепанного Гладиатора? — устало спросил я, призывно звякнув пакетом с бутылками.

— Ты пытаешься подкупить девушку на какое-то дешевое пойло? Ты, смотрю, совсем утратил навыки общения с прекрасным полом, — ехидно заметила Катя. — Придется учить тебя заново, как с девушкой общаться. А то ведь стыдно за тебя будет. Чего встал на пороге? Проходи.

Она отступила в сторону, и я вошел в квартиру.

Эльфийка жила одна. Жилище ей досталось в наследство от скоропостижно скончавшейся тетушки, с которой она общалась в последний раз в далеком сопливом детстве. Но тетушка ее помнила и все имущество по завещанию оставила Кате. Та обрадовалась, переехала от родителей и вот уже лет пять как наслаждалась самостоятельностью. Родители в ее

жизнь не лезли, хотя им и не нравилось, как проводит свое время их единственная дочка. Но они могли себе позволить только легкую критику в ее адрес, иначе Катька могла применить репрессивные меры и выставить их за дверь. С предками она особо не церемонилась. Работала системщиком в какой-то серьезной конторе. Денег имела прилично, поэтому могла всему миру ставить свои условия.

На вид Кате Пономаревой можно было дать лет двадцать, но внешность обманчива. Эта миловидная эльфоводобная девушка со светлыми прямыми волосами, благородным лицом и озорным взглядом была старше меня на пару лет, а мне в прошлом месяце исполнилось тридцать три. Вот так, одних время не щадит, другим дарит вечную молодость.

Катька тряхнула волосами, подмигнула мне, отобрала пакет с бутылками и направилась на кухню.

— Тапки в прихожей. Дуй сначала в ванную, а то от тебя воняет, словно ты предыдущую ночь в свинарнике ночевал.

Я приняхался к себе. Ничего не чувствую. Но, впрочем, Катьке виднее. Да и понятное дело, откуда взялся запашок. Попрыгаешь по крышам резвым козлом, не такими духами разживешься.

Я стряхнул с ног ботинки, забрался в уютные теплые тапки и направился в ванную комнату. Рюкзак прихватил с собой, на всякий случай. Экипировка повстанца не для посторонних глаз. Надо привести себя в порядок и заняться оказанием первой помощи. Взглянув на себя в зеркало, я присвистнул от удивления. Хорошо мне досталось, нечего сказать. Лицо все в синяках и кровоподтеках. Нос распух и стал похож на кусок

гнилой картошки. Верхняя губа надулась, в уголках рта запеклась кровь. Если не обращать на это внимание, то из зеркала на меня смотрел черноволосый мужчина с резко очерченными чертами лица, болотного цвета глазами и густой щетиной, скрывающей всю нижнюю часть лица. Ничем не выдающаяся внешность, но девушкам нравится, а это самое главное.

Я разделся и забрался в ванную, включил воду, отрегулировал необходимую температуру и переключился на душ. Встав под лейку, я с наслаждением подставил измученное тело под теплые струи. Когда вода омывала раны, неприятно щипало, но надо перетерпеть. Раны промыть, а потом, когда мы отправимся на боковую, я применю один секретный препарат, который в считанные минуты излечит меня. Завтра утром проснусь как новенький, свежий и бодрый, готовый к подвигам и приключениям.

Выбравшись из душа и отключив воду, я вытерся махровым полотенцем и оделся. Сменную рубашку и штаны я достал из рюкзака. Эвакуационный комплект не может быть полным, если не включает в себя свежую одежду, в которую оперативник может переодеться после боя. Этому меня еще старые учителя научили, которые у самых истоков повстанческого движения стояли. Роман Маркович и Кузьмич, как жаль, что их давно нет в живых. Полегли в неравной схватке с «куклами».

В кухне меня уже ждала Катька. На столе стояла тарелка с макаронами и сосисками, бутылка водки, пакет сока мультифрукт, соленые огурцы и два стакана.

— Рассказывай, в какие неприятности ты опять влез? И что нам всем за это будет? — предложила Эльфийка, садясь напротив меня.

— Слушай, да нет никаких неприятностей. Это я с тренировки. Готовимся к чемпионату, вот и спарринговали до потери пульса, — уклончиво ответил я, набрасываясь на чуть теплые оставшиеся с ужина макароны.

Катька наблюдала за мной с ехидной усмешкой. Скорее всего, она не поверила в мою историю, но лезть в душу не собиралась.

Притушив первый голод, я взял бутылку, свернул пробку и наполнил водкой стаканы.

— Ну, за встречу, — предложил я тост.

— Почаще надо встречаться. А то, если верить статистике, в следующий раз ты ко мне через полгода заглянешь, — ехидно заметила Эльфийка, но от водки не отказалась.

Мы выпили. По телу разлилось приятное тепло. В голове чуть-чуть зашумело, но тут же улеглось. Между первой и второй, как говорится, и я вновь наполнил стаканы.

— Ребята из «Рима» говорят, ты в последнее время редкий гость на турнирах. Готовишься к триумфальному возвращению? — спросила Катька, намекая на мои синяки и ссадины.

Похоже, на этот раз она все-таки решила залезть ко мне в душу.

«Рим-онлайн» — многопользовательская виртуальная игра с эффектом полного присутствия, разработанная специально для нейрофона. Можно сказать, целый отдельный мир, в котором пропадали «охваченные» с утра и до вечера. Даже выполняя повседневную работу, они предпочитали ее делать, не вылезая из привычных игровых костюмов и пейзажей.

Когда-то я так же большую часть жизни проводил в этом мире, сражаясь на гладиаторских аренах. Это было в самом начале распространения нейрофонов, но потом, когда разобрался в том, что это такое, все меньше и меньше появлялся на гладиаторских ристалищах. Постепенно фигура таинственного Гладиатора обросла легендами в игровом мире. Я все еще выходил в игровое пространство, но только по служебной необходимости да ради того, чтобы поддержать легенду, не дать ей исчезнуть.

— Вовсю тренируюсь. Я им еще покажу, кто король арены. А у тебя как дела в Тригорне? Ты все еще королева или опять за трон борешься?

Налили по третьей.

— Очередной дворцовый переворот. За мою голову объявили солидную награду. И я вот уже второй месяц собираю сторонников, чтобы вернуть себе трон.

— Не надоело? — искренне поинтересовался я.

— Ты что? С каждым разом все интереснее и интереснее, у нас там столько нового функционала открылось, закачаешься.

— Не хотелось поменять образ и сыграть во что-то другое?

— Меня всегда тянуло к фэнтези, так что пока не наиграюсь до отрывки, не вылезу из образа эльфийской принцессы. И вообще, давай загрузимся, мне твоя помощь сейчас совсем не помешает.

— Извини. Я сегодня совсем вымотался. Давай завтра с утра с утрачка прогуляемся по твоему королевству. А сейчас еще по чуть-чуть и на боковую, — я заразительно зевнул, старательно прикрывая кулаком рот.

Эльфийка смерила меня насмешливым взглядом, но ничего не сказала. Мы снова выпили, и она предложила постелить мне в гостиной на диванчике. Я не стал возражать. Может, Катька и рассчитывала на что-то посерьезнее, мы все-таки очень старые друзья и периодически наша дружба перерастает в постельные игры, но сегодня я был выжат как лимон, да и надо было подлечиться в стороне от посторонних глаз. Даже если Катька была разочарована таким поворотом событий, она и виду не показала. Ушла в гостиную, где зашелестела простынями.

Я налил себе еще чуть водки и выпил.

Напряжение этого дня рассосалось. Мне все еще было хреново от осознания того, что вся моя команда полегла в неравном бою, но это чувство ушло куда-то на второй план. Я старался ни о чем не думать. Ни о предательстве, которое совершил кто-то из своих, ни о гибели команды. Я об этом подумаю завтра. Завтра я начну искать крысу, а сегодня я должен успокоиться и отдохнуть. С подранной шкурой и душой в клочья не много навоюешь.

Катька позвала из гостиной.

— Все готово. Можешь ложиться.

Как хорошо, что есть люди, к которым можно без предупреждения завалиться в любое время дня и ночи и тебя с радостью примут. Пусть даже эти люди, как Эльфийка, из числа «охваченных». Синяя пластиковая коробочка с нейрофоном время от времени улыбалась из гривы ее непослушных светлых волос.

— Обещаю, громко храпеть не буду, — сказал я, появившись в гостиной.

— Мне это вряд ли помешает, я собираюсь провести эту ночь в «Темном мире», — сказала она.

Это облегчало мне задачу. Я уместил рюкзак возле диванчика, разделся и забрался под одеяло. Самое сложное, как оказалось, дожидаться, пока Эльфийка отключится от реального мира, и самому при этом не заснуть. Сознание, расслабленное несколькими рюмками водки, так и норовило погрузиться в сон. Но я все же держался.

Катька еще какое-то время побродила по квартире: сначала в кухне шелестела вода, это она помыла посуду, затем в ванной комнате — вечерние девичьи процедуры: смыть макияж, почистить зубы. После чего она закрылась у себя в спальне. Я выждал минут десять, выбрался из кровати (все тело ныло так сильно, словно я угодил под асфальтовый каток и чудом остался жив) и прошлепал в ванную, прихватив с собой рюкзак. Запершись, я извлек из рюкзака походную аптечку и извлек шприц-тюбик с маркировкой «Р-2». Забойная эта штука «Регенрон-2», очень сильная и чертовски дорогая. Такой тюбик стоил баснословных денег. Мне его по случаю притаранил старый друг из Чернобыльской зоны. Конечно, можно было обойтись и без него. За неделю все раны заживут, а синяки спадут, но это было очень долго. Столько времени у меня не было.

Из чего гонят эту штуку, даже думать не хотелось. Поговаривали, что из крови какого-то болотного чудовища, у которого все раны затягивались в считанные минуты.

Я нашел вену на руке, ввел иглу, нажал на шприц-тюбик и ввел чудодейственное лекарство. Нет, мне, конечно, говорили, что «Р-2» дрянь редкостная, но что

настолько, я не ожидал. Меня скрутило, словно в приступе жесточайшей ломки. Все кости заломило. Зубы выбили нервную дрожь, как бы их не раскрошить, я не удержался на краешке ванны, и упал на колени. Дикая боль пронзила все тело, я с трудом сдержался, чтобы не заорать. Катьке, конечно, в ее эльфийском царстве сейчас до всех моих криков по фиг, но все же нельзя привлекать лишнее внимание.

Я думал, что не выдержу, но вскоре боль сменилась приятным теплом. Начался отходняк. Я смог подняться на ноги и взглянул на себя в зеркало. Жуткое, надо сказать, зрелище. Ссадины на лице срастались на глазах, словно их кто-то невидимый сшивал. Синяки напухали, краснели, потом желтели и опадали. Через какие-то полминуты мое лицо вернулось в исходное непокалеченное состояние. Правда, случился один побочный эффект. Борода и ногти на руках и ногах отросли, словно у лихого перевертыша в полнолуние. Это все оттого, что организм под воздействием препарата разогнался и прожил несколько недель за пару минут. Пришлось бриться и приводить себя в порядок. Катька утром не поверит, что у меня за ночь отросла борода лесоруба. Заподозрит неладное, а мне ее подозрения ни к чему. Когда с бритьем и стрижкой ногтей было покончено, я прибрал за собой и отправился спать.

ГЛАВА 4

— Сводка происшествий за ночь. Наш постоянный корреспондент Сергей Истомин с места событий, — бубнил телевизор, настроенный на канал «Питер».

— Ромка, ты завтракать будешь? — слышался голос из кухни.

Это Катька ко мне обращалась. В миру меня зовут Роман Корнев. Это в виртуальности меня все больше кличут Гладиатором. Хотя гладиаторов много, но Гладиатор с большой буквы один.

— Я голоден, как волк, — ответил я.

Хотел было выключить телевизор, но сменившаяся картинка привлекла мое внимание. Показывали утренний двор возле нашей конспиративной квартиры: полицейские машины, толпа зевак, несколько карет скорой помощи, и люди в синих халатах, выносящие на носилках тела, укрытые с головой черными простынями.

— Этой ночью в одной из квартир по улице Бухарестской случилась настоящая бойня. Несколько человек убито. Приехавшей по вызову оперативной группе не удалось задержать преступника. Что здесь произошло? Что не поделили эти люди? Версий много. По нашим источникам, одна из отрабатываемых сейчас рабочих версий заключается в том, что здесь произошел передел территорий. Две группы распространителей наркотиков сошлись не на жизнь, а на смерть. Никто из мирных жителей не пострадал. Как нам стало известно, все погибшие были из числа «неохваченных». Мы будем следить за развитием событий.

Я выключил телевизор, встал и прошел на кухню. Тут аппетитно пахло яичницей с беконом. Катька для меня расстаралась.

Интересный получается поворот событий. Властям удалось списать серьезную кровавую бойню на разборки наркомафии. Удобная ширма, ничего не ска-

жешь. Теперь им потребуется козел отпущения, на которого легко будет повесить все трупы и лучше всего прикончить при задержании. Надо связаться с Шахматистом и доложить ему о провале операции, но это не сейчас, сперва пусть уляжется все.

Шахматист, один из координаторов боевых групп повстанцев, под чьим непосредственным подчинением ходила моя команда. До вчерашнего вечера.

— Рома, слышал страшную историю. Ее сейчас все на игровых форумах обсуждают, про «Охотника на нечисть»? — неожиданно повернулась ко мне Катка, в руках она держала сковороду с поджаренными желтыми глазами яичницы и скворчащими призывно ломтиками бекона.

— Нет.

Она переложила половину яичницы и бекона ко мне на тарелку, сковороду же с оставшейся половиной поставила на деревянную доску перед собой. Вооружившись вилкой, она с аппетитом приступила к завтраку.

— В общем, говорят, в городе псих завелся. Он сам из «охваченных». Только почему-то ненавидит нас люто. В чем уж причина его ненависти, никто не знает. Быть может, его из игровых локаций повыкидывали, никто с ним играть не хочет. Но он устроил настоящую охоту на нечисть. Нечисть — это мы с тобой — и все остальные «охваченные». Он ходит по улицам, сам весь из себя такой же как мы, и по одному убивает наших братьев и сестер по игре. Вот такая штука. Может, это, конечно, и легенда, одна из городских страшилок. Но мне как-то не по себе стало, когда я в первый раз это услышала. Кто вот может

меня ненавидеть? Я же никому не мешаю. Живу, как мне нравится. Кому я могла помешать?

— Не бери в голову. Раньше про черные простыни рассказывали да про руку-убийцу, а теперь про охотника на нечисть. Это просто городской фольклор, — попытался я ее успокоить, хотя в образе Охотника без труда узнал себя.

— Хорошо, если так. У тебя какие планы на день? Ты обещал помочь мне в «Темном мире», — вопросительно посмотрела на меня Катька.

Стоило все-таки немного задержаться у Эльфийки. Кто бы ни натравил на наше логово «кукол», они знают, что один из повстанцев ушел, и, вероятно, сейчас на меня объявлена охота, так что лучше переждать смутное время.

— Сейчас доем и посмотрим, что у тебя там и как.

Я активировал нейрофон, вызвал рабочий интерфейс, запустил поисковик и выбрал игровую платформу «Темный мир». Я редко посещаю эту площадку. Меня больше привлекают игры по реальным историческим локациям, но по просьбе друзей можно заглянуть на огонек, если не сильно напрягает. Сейчас этот шаг был сделан из стратегических соображений. Для безопасности надо задержаться у Эльфийки хотя бы еще на сутки. Будет время все основательно обдумать и просчитать дальнейшие действия.

Перед глазами появилось меню управления игрой «Темный мир», наложенное прямо поверх изображения реального мира. В левом нижнем углу висело рабочее меню и виднелось настроенное колесико. Я привычно крутанул его, и реальность вокруг растворилась, уступив место средневековой сказке.

Я сидел за большим дубовым столом, уставленным всевозможными яствами в деревянных мисках. На первый взгляд — мечта любого вегетарианца. Ничего мясного я перед собой не видел. Но это-то как раз понятно: разве бывают эльфы-мясоеды? Помнится, Катька первое время все жаловалась, что ей виртуальные пиры в эльфийском дворце порядком надоели. Одна сплошная зелень: фрукты да овощи. Никаких тебе шницелей и отбивных да шашлыка с грилем. На что я всегда ей отвечал, что всем этим она может наесться в реале, а в виртуальность мы не за этим ходим. С годами Эльфийка смирилась с этим. Зато вино у них знатное. Я ухватил ближайший кувшин и наполнил стеклянный бокал, овитый серебряной проволокой с большими изумрудами. Напротив меня сидела прекрасная Лафаниэль, дочь Оттора Сереброволосого. пышная грива стальных волос, вытянутые кверху заостренные уши, зеленые раскосые глаза и маленькие аккуратные губы, сложенные в привычную ехидную ухмылку. Темно-зеленый охотничий костюм, состоящий из брюк и длиннополой куртки, подчеркивал идеальные пропорции фигуры Эльфийки, а приоткрытое декольте открывало вид на пару аппетитных округлостей, которые, если я правильно помнил, в реальности были несколько меньше.

— Спасибо, что присоединился ко мне, человек, — произнесла томным голосом Катя.

А я уже и забыл, под каким обличьем бороздил просторы эльфийских лесов. Хорошо, что все-таки в человечьем. Эльфийская утонченность и высокомерие меня всегда порядком раздражали. Одно только жаль, что при переходе из одной игровой реальности в дру-

гую нельзя было перетащить свой персонаж со всеми навыками и ресурсами. В каждом мире приходилось все начинать по-новой. В родном Риме у меня был уже запредельный для многих сотый уровень, а здесь же я прокачался всего лишь до тридцать шестого, но мне и этого хватит, чтобы отправить на тот свет пару-тройку зарвавшихся эльфов или слишком много возомнивших о себе орков.

— Зови меня просто Роман, о прекрасная Лафаниэль, — подыграл я старой подруге.

Она довольно улыбнулась.

Я пригубил из бокала вино. Божественный нектар, такую штуку я пивал только у эльфов. Только ради этого стоило играть в эту игру. А уж какой ароматный и вкусный эль варят местные гномы! Эх, закачаешься.

Но мы явно прибыли в это место не для того, чтобы дегустировать напитки и предаваться старым воспоминаниям.

— Какое скромное у тебя жилище, Лафа, — осмотревшись, заметил я.

В игре я всегда сокращал ее имя до Лафы, и она никогда не возражала. Вот и сейчас пропустила столь фривольное обращение мимо длинных ушей.

— Это временное убежище. В моем королевстве произошел переворот. Мой брат Харваниэль захватил власть. Большая часть моих сторонников переметнулась к нему. И я вынуждена была бежать. Вот уже полгода я скрываюсь и потихоньку собираю под свои знамена сторонников.

Старина Харви мне всегда нравился. В первую очередь своим коварством и хитроумностью. Не знаю уж, кто он в реальности, но здесь это был опасный про-

тивник, который не давал всему королевству Тригорн покрыться болотной ряской и умереть со скуки. Он постоянно мутил воду и устраивал заварушки, отчего в эльфийском царстве не утихали войны за престол.

— Чем я могу тебе помочь, Лафа? — спросил я.

— Мне предстоит важная встреча сегодня, от исхода которой зависит дальнейшее будущее всего королевства. По ряду причин, о которых тебе, о человек, знать не обязательно, я не могу пригласить на встречу своих сторонников. Но прошу сопровождать меня и защитить от любой опасности, которая может подстергать меня на пути. Короче, Рома, если не можешь, то на бесплатный постой можешь больше не рассчитывать, — перешла внезапно на нормальный язык Катька.

— Мой меч к твоим услугам, — поклонился я.

Кстати, об оружии. Я окинул себя взглядом и обнаружил, что неплохо экипирован для тридцать шестого уровня. Выглядел я вполне стандартно для средневекового героя. Тканые штаны и длиннополая куртка со шнуровкой, на груди родовой герб — голова медведя поверх перекрещенных мечей, у пояса слева клинок с богатой рукоятью и витой гардой, справа же кинжал в дорогих ножнах, инкрустированных драгоценными камнями. На ногах сапоги до колена, в которых, судя по ощущениям, спрятана пара метательных ножей. В таком виде не стыдно на люди показаться.

— В таком случае в путь. Время не ждет, — распорядилась Катька.

Я допил вино — не люблю, когда добро пропадает — и поднялся из-за стола.

Эльфийка приблизилась к высоким дубовым дверям, овитым зелеными плетями неизвестного мне растения, и тут же двери раскрылись перед ней. Я скромно следовал за ней. За дверями обнаружилась спиральная лестница, которая вела вниз от хижины, расположенной на самой вершине исполинского дерева. С верхней площадки открывался вид на изумительный вечнозеленый лес, омытый кровавым закатом двух солнц. Пейзаж захватывал дух. Но в то же время я помнил, что если убавить настройку слияния, то из-под виртуальной ширмы проступит обычная лестничная площадка пятиэтажки на Московском проспекте.

На земле нас ожидали оседланные лошади, привязанные к ближайшему кусту. Лафаниэль взлетела в седло, и тут же поводья оказались у нее в руке. Мне это действие далось куда тяжелее. Меч в ножнах мешал, кинжал кололся, да и навык верховой езды у моего персонажа в этом мире был прокачан по минимуму.

Катька не стала ждать, пока я удобнее расположусь в седле, дернула поводья и полетела вперед со скоростью ветра. Пришлось и мне стартовать. Как она ориентировалась в этом густом лесу, где деревья в два человеческих обхвата росли на каждом шагу, оставалось только удивляться. Но она, не сбавляя скорости, уверенно петляла между стволами, так что мне ничего не оставалось, как следовать за ней шаг в шаг, то есть копыто в копыто.

Пахло прелой листвой, грибами и хмелем. Где-то высоко в кронах разливалось пение птиц, роилась тучами мошкара и перелетали с дерева на дерево маленькие пушистые зверьки, которых, как мне под-

сказывала память персонажа, трогать нельзя, ибо это эрвины — священные животные эльфов, очень вредные создания, чем-то напоминающие белок.

Всего каких-то четверть часа, и мы были на месте. Они ждали нас у Поющего Дерева — исполинский белый ствол и крона, усеянная тысячами зеленых колокольчиков, которые при дуновении ветра издавали мелодичный перезвон. Их было семеро: четверо людей, двое эльфов и гном. По виду разбойники с большой дороги. Только моя Катька приветствовала их с высочайшим почтением, словно перед ней стояли олимпийские небожители.

Она спешила и приблизилась к ним. Не шла, а плыла над землей. О чем они там говорили, я не больно то и слушал. Мое дело охранять эльфийскую королеву, пускай и свергнутую, а не вдаваться в подробности ее политики, но кое-что все же долетало до моих ушей. Катька пыталась заручиться поддержкой наемнической армии «Черный корпус». Главы семи отрядов корпуса присутствовали здесь. Если они согласятся ее поддержать, то битва за престол королевства, считай, выиграна, а братец Харви может собирать пожитки и готовиться к изгнанию или плахе, на выбор новой королевы. Только вот, судя по всему, с переговорами у Эльфийки не заладилось. Постепенно громкость беседы стала повышаться, в ход пошла обильная жестикуляция, пока главы кланов вообще не перешли на крик и ругань. Было видно, что они недовольны суммой контракта и их вообще оскорбляют столь низкие расценки, которые они сравнивали с жалкой подачкой с богатого пиршественного стола для облезлой шавки.

Чувствую я, что переговоры зашли в тупик, но команды от Катьки не поступало, и я продолжал наблюдать, размышляя над тем, почему горячие наемники просто не откажутся. Зачем они тянут время? Тут явно что-то нечисто.

Катька, видно, тоже что-то почувствовала. Она поспешно попрощалась и собиралась было залезть в седло, но двое наемников из числа людей преградили ей дорогу.

Вот и началась потеха. Я ловко соскочил с лошади, выхватил меч и бросился на помощь старой подружке. Катька тоже не бездействовала. Она оттолкнула в сторону одного из наемников и нанесла удар невесть откуда взявшимся мечом по другому. Мужик отразил удар своим клинком, но явно очень удивился такому повороту событий.

Я вклинился в строй наемников словно шквальный ветер. Они были молодцы. Они хорошо сражались, но только я был быстрее и сильнее их, несмотря на скромный тридцать шестой уровень. Они не ожидали столкнуться с таким яростным противником. Увидев, что Эльфийка привела с собой всего одного охранника, они обрадовались, рассчитывая, что это будет легкая охота, но просчитались.

Я колол и рубил. Я разил направо и налево, успевая отражать адресованные мне удары. Вот мне удалось дотянуться до одного из людей. Рыжебородый здоровяк с гнилыми зубами напоролся на мой меч, зарычал от злости, но поперхнулся хлынувшей изо рта кровью. Крутанув его тело, насаженное на острие, как тушка кабанчика на вертел, я спихнул его ударом сапога в живот на подступавших врагов. Воспользовавшись

паузой, я выхватил из правых ножен кинжал и тут же атаковал зазевавшегося эльфа. Через пару секунд он корчился в предсмертных муках на траве.

Схватка закончилась быстро. И четверти часа не прошло. На мне ни царапины. У Катьки только прическа испортилась да куртка малость пострадала. Зато наши противники все были повержены.

— Спасибо тебе! Уходим! Эти сволочи продали меня братцу, — запрыгивая в седло, прокричала она.

Дважды повторять ей не пришлось. Второй раз посадка на лошадь далась мне куда легче. Все-таки тело вспоминало основательно подзабытые навыки.

Путь назад пролетел незаметно. Лошадей оставили возле лестницы. Катька бросила поводья на пышный куст с красными ягодами, и они оплели ветви, надежно привязав лошадь. Я последовал ее примеру.

По дороге к хижине, я крутанул колесико настройки слияния, убирая виртуальную реальность. И вот мы уже идем по лестнице на пятый этаж. Катька ищет в сумочке ключи и открывает дверь.

Миссия выполнена.

ГЛАВА 5

Я познакомился с нейрофоном почти два года назад. Можно, сказать, что я был из числа тех ленивцев, которых увлечение новым гаджетом накрыло в самую последнюю очередь. Долгое время я относился к этому устройству с предубеждением, а то повальное сумасшествие, которое охватило окружающий мир, вызывало у меня резкое отторжение. Нейрофоны появились повсюду. Их активно рекламировали по теле-

видению, повсюду висели билборды, расхваливающие новинку. Навязчивая реклама преследовала повсюду.

«Телефон нового поколения».

«Гаджет, который легко получить и о котором невозможно забыть».

«Попробуйте удовольствие нового поколения».

«Полное погружение в виртуальную реальность».

Как только назойливые продавцы не расхваливали неизвестно откуда взявшийся товар. По степени популярности новую игрушку нельзя было сравнить ни с чем. Даже «яблочная» компания со своими дорогостоящими продуктами нервно курила в стороне, проигрывая войну за рынок. Правда, в народе бродил слух, что нейрофоны — это новая разработка «яблочников», которые по каким-то непонятным маркетинговым соображениям решили выпустить революционный продукт под новым брендом. Внешне эта штука выглядела очень непрезентабельно. Она напоминала мне черную каракатицу с ехидной ухмылкой, пляшущую на меня с каждого рекламного плаката. Жуткое зрелище. С появлением нейрофонов для меня значок смайлика, ставший официальным логотипом продукта, стал табуированным. Тут же расхотелось его использовать, а ведь раньше использовал его направо и налево, даже в деловой переписке.

Нейрофон обещал потрясающие возможности. Помимо обычных телефонных функций и возможности посидеть в любимой соцсети без отрыва от производства (заблокировать эту штуку ни один системщик, любивший ставить ограничения на рабочие компьютеры по распоряжению высокого начальства, не мог), пользователь получал возможность подключиться

к одной из нескольких игровых реальностей, специально разработанных для нейрофонов. Сперва этих игровых площадок было немного: парочка средневековых миров, один вполне реалистичный, второй с примесью магии, конкретная фэнтезятина с эльфами, гномами и хоббитами (наше почтение профессору!), мир далекого будущего со звездолетами, бластерами и лихими ребятами, вечно попадающими во всякие передраги, и, конечно же, Римская империя с гладиаторскими аренами. Она стала первой исторической площадкой, сделанной для нейрофона. Впоследствии появились игровые миры на любой вкус и цвет. Любой счастливый обладатель нейрофона совершенно бесплатно мог погрузиться в виртуальный мир, который по ощущениям был абсолютно реальным. Его можно было пощупать, почувствовать на вкус и поймать его неповторимый аромат. Если уж гладиаторские бои, то со всей кровью, мясом и дерьмом, которое на запах ничем не отличалось от реального.

Люди побежали за нейрофонами. Такого бума я никогда не видел. Несмотря на то что цены откровенно кусались поначалу, люди сметали нейрофоны с полок, стояли за ними в очередях, потому что сначала товара просто не хватало на всех. Те, кто приобрел нейрофон, гордо называли себя «охваченными». Это было сродни приобщению к элитарному таинству. Масонские ложи нового поколения.

На работе появлялось все больше «охваченных». Они теперь собирались группами, даже в курилку шли компаниями, не подпуская к себе тех, кто расхаживал с простыми смартфонами, которые еще несколько месяцев назад казались сверхмодными и дорогими. Они

обсуждали, как вчера играли, и говорили на каком-то незнакомом языке. Большая часть терминов мне была непонятна. Они могли играть даже во время работы. Любой пятиминутный перерыв, и они один за другим погружались в виртуальную реальность. Вот вроде коллега продолжает сидеть за компьютером, только глаза у него смотрят в другой мир, полная отчужденность.

После первой волны продаж цены на нейрофоны стали стремительно падать. Теперь модную игрушку мог позволить себе почти каждый. Даже дети стали ходить с нейрофонами.

Если раньше, входя в вагон метро, можно было увидеть людей с книгами, с электронными читалками, со смартфонами, то теперь все больше потерявших себя «кукол», с пустыми, погруженными в виртуальность глазами.

В ту пору мне было не до нейрофонов. Денег не хватало на самое необходимое. Все уходило на оплату кредита за автомобиль да на съемную квартиру, в которой мы жили вдвоем с Наташкой, моей девушкой. Я познакомился с ней в историческом парке «Драйв-парк Ладоса», где работал мой друг в музее под открытым небом «Деревня викингов». Я приехал с друзьями. Она была с подругами. Слово за слово, обменялись телефонами и уже по возвращении в город стали встречаться.

Хрупкая, невысокого роста девушка с очаровательной улыбкой и рыжими волосами захватила все мое внимание. Она работала в строительной компании, и то, с какой ловкостью и умением она командовала прорабами, рабочими и поставщиками, вызывало восхищение. И откуда только в столь хрупком создании берется такая сила убеждения?

Впрочем, я это вскоре почувствовал на себе. Наташка первой купила нейрофон. Со мной даже не посоветовалась. Я однажды приезжаю домой с работы, а она сидит на диване, телевизор выключен, книжка валяется в стороне, а в левое ухо вставлена черная коробочка с задорным смайликом. Помнится, мы тогда серьезно поругались. Я пытался добиться от нее объяснения, зачем она купила эту дрянь, когда нам есть куда деньги тратить — на более полезные и нужные вещи. Она упрямилась и говорила, что в ее профессии без этой штуки никуда. Директор купил. Половина офиса уже с нейрофонами, а те, кто не из «охваченных», ходят на вторых ролях. Так что эта покупка, можно сказать, жизненная необходимость.

Тогда никто не знал о том, какой зависимостью обернется использование нейрофона. Еще никто на моей памяти из подсевших на новомодный гаджет не смог от него отказаться. Помнится, спустя несколько месяцев после начала распространения нейрофонов известный питерский блогер Наум Рыжов разразился серией статей в сети с разоблачением нейрофонов. Он говорил о том, что нейрофон — это высокотехнологический аппарат с использованием нанотехнологий, который врастает в организм, берет его полностью под свой контроль. Сперва пользователь не замечает, как им управляют через нейрофон, но вскоре он становится безвольной «куклой», выполняющей чужие приказы. «Охваченный» сам не замечает того, что исполняет чужие команды. Он продолжает жить своей жизнью, ходить на работу, общаться, но все больше и больше времени проводит в виртуальной реальности, которая постепенно вытесняет

из его жизни обычную жизнь. «Нейрофон — идеальное средство сбежать с нашей планеты», — писал Наум Рыжов. Возможно, если бы эти публикации появились сразу в первые недели продаж нейрофонов, люди бы смогли остановиться и задуматься. Но он опоздал. Его никто не слушал. Все больше и больше в его адрес неслись оскорбления и обвинения, даже угрозы. Его называли сумасшедшим, с еще одной теорией заговора, которая всем надоела до чертиков. Все закончилось тем, что Наума Рыжова нашли зарезанным в парадной собственного дома. После этого нападки на нейрофон закончились. По крайней мере такие открытые.

Так все начиналось. Я сам и не заметил, как уже к концу месяца купил себе нейрофон, польстившись на хорошую цену, вдвое меньше, чем цена при старте продаж.

К тому же я уже чувствовал отчуждение, которое происходило между «охваченными» и «неохваченными». Это чувствовалось на улице, в магазине, на работе. Коллеги, расхаживающие с улыбающейся блямбой в ушах, с презрением косились в сторону нас, отказывающихся покупать модный гаджет. Никогда такого раньше не было. Подумаешь, у меня крутой смартфон, а у соседа простенький кнопочный телефон. Это не мешало нам сидеть в баре за одним столом и пить после работы пиво.

Даже Наташка стала ко мне как-то по-другому относиться. Я не мог сказать, в чем это выражалось. Вроде внешне все было как всегда. Только вот появился между нами лед, и никак его было не разбить. Пока я не купил нейрофон, все так и сохранялось.

Играть я сперва не собирался. Так, побродил по виртуальности. Со скептицизмом наблюдая за тем, что же так засосало моих коллег и приятелей, чем же так купил их всех нейрофон. Потом и сам не заметил, как оказался на игровой площадке «Рим-онлайн». Я примерил на себя костюм гладиатора. Провел первый бой. И меня засосало. Все свободное время я стал проводить на гладиаторской арене. Я даже воспаление легких перенес, продолжая сражаться в виртуальном мире. Как я его подхватил? Как выкарабкался? Тут разговор отдельный. Лихорадило меня знатно. Кашлял так, что легкие чуть наружу не вылетели. По утрам и вечерам колол антибиотики и еще какие-то лекарства. Я три недели на больничном провел. Хорошо хоть в больничку не загремел. Это потом я понял, что болезнь для меня оказалась спасением.

В первую неделю нейрофон проникает в мозг человека, подключается ко всем органам чувств, перехватывает управление, оставляя иллюзию свободы. И потом уже от него не избавиться. Он полностью вырастает в человеческий организм. Со мной произошло то же самое. Только вот что-то пошло не так, вероятно, вследствие болезни, и нейрофон не смог получить надо мной контроль. Я могу пользоваться всем его функционалом без ущерба для организма и личности.

А Наташке так не повезло. Уже через месяц ее было не узнать. Она полностью изменилась. Стала более жесткой, я бы даже сказал, жестокой. И абсолютно равнодушной ко всем окружающим. Даже ко мне. Нейрофон, он на всех действует по-разному. Кто-то вроде остается как был, изменения незначительные, а кто-то превращается в холодного, равнодушного ко

всему робота, которого волнует только его виртуальный рай. Наташка застряла где-то посредине: и не робот, но и на всех наплевать.

А потом начались погромы. «Охваченные» стали преследовать «неохваченных». Сперва это касалось только служебных дел. Пошли необоснованные увольнения, «неохваченных» стали переводить на низкооплачиваемые должности, подводить под увольнение. Даже дошло до реальных уголовных дел: растраты, хищения и прочие махинации, сфабрикованные тут же на коленке. Вскоре дошло дело до настоящей крови. И это все сходило с рук «охваченным».

Постепенно те, кто отказывался от нейрофонов по идейным соображениям, стали собираться в группы, чтобы иметь возможность ответить на любую агрессию. Но это были пока еще жалкие попытки. Партизанщина, одним словом. До организации настоящего сопротивления оставалось еще полгода.

Недели через три после того как я начал пользоваться нейрофоном, я впервые услышал голоса. Этот тихий вкрадчивый шепот. Кто-то настойчиво лез ко мне в голову, пытался уговорить меня сделать то или иное действие, которое шло вразрез с моими убеждениями. Но, к удивлению своему, я понял, что могу контролировать себя, не слушать этот чужой голос, похожий на шелест осенних листьев в парке. Я даже могу глушить его при помощи нейрофона. Этот голос приказывал мне выйти на улицу и убить человека, который отверг нейрофон. Первого попавшегося, все равно кого. Но я мог забить на него, не слушать. Другие так не могли.

ГЛАВА 6

После встречи с представителями «Черного корпуса» возле Поющего дерева Катька выглядела подавленной. Она погрузилась в свои мысли, расхаживала по дому словно на автомате, не реагируя ни на что. Переживала очередной провал. Братец Харви серьезно ее обложил, так что в ближайшее время я бы на ее месте не высывался.

Я не стал ей докучать, прихватил ноутбук, ушел на кухню, поставил чайник на плиту и забрался в мировую паутину. Интересно, что пишут относительно побоища на Бухарестской улице.

Но в сети кроме скудных строчек о количестве погибших и информации о том, что часть из них была из числа «неохваченных», больше ничего толкового я не увидел. В одном месте только упоминалось, что у следствия есть подозреваемый, и он уже объявлен в розыск. Чутье подсказывало мне, что это по мою душу гончих пустили. Значит, надо быть осторожным и в пекло не лезть. Все время ходить, оглядываться, да я так уже несколько месяцев живу. Не привыкать.

Два вопроса меня волновали больше всего. Первый: кто вывел на нас «охваченных»? Второй: где сейчас находятся Рубик и Светка и можно ли их еще спасти? Их захватили, вероятно, для того, чтобы выудить ценную информацию, значит, остается надежда, что они все еще живы. И этот вопрос надо решить в первую очередь. А чтобы понять, где они сейчас находятся, надо вычислить, кто стоял за нападением на нашу конспиративную квартиру.

И это сейчас самая главная задача. Я отставил ноутбук в сторону и запустил нейрофон. Перед глазами появилась рабочая область с несколькими иконками. Я активировал одну из них и вошел в социальную сеть для «охваченных». Специальная программа, предназначенная только для своих. Здесь «охваченные» могли разговаривать свободно, не думая, что их могут подслушать обычные люди, которых они держали за быдло, рабочее стадо.

Народ здесь группировался по интересам. В основном кто во что играл, там и кучковался. Закрытая группа для любителей средневековья, для почитателей гномов и эльфов, далекого космоса со злобными пришельцами и отчаянными космопроходцами. И конечно же моя старая группа «Рим-онлайн», где собирались завсегдатаи гладиаторских арен и улочек древнего города. Я бегло просмотрел список тем, которые в основном касались жизни внутри игры, турнирные таблицы (в последнее время по всем показателям лидировал мой старый товарищ Коршун, а ведь когда-то вместе начинали), и запустил «болталку». Так мы называли чат, в котором можно было общаться на любые темы, не выходя в виртуальность. Когда ты на арене, то у тебя только одна цель — выжить и на втором плане — не растерять инвентарь и не уронить уровень. Там есть только ты и твой враг. Здесь же мы могли свободно пообщаться на любую тему, хоть с чертом рогатым, главное, чтобы собеседник интересный был.

Мое появление в чате вызвало волну комментариев, все как один похожие. «Привет, давно тебя не было видно...» и все в таком же духе. Поприветствовав всю

честную компанию, я на время затаился. Нельзя же вот так сразу и к делу переходить. С Центурионом мы обсудили последние футбольные матчи. Все-таки ничто человеческое нам не чуждо. С Марком Белкой прошлись по политическим вопросам. Он утверждал, что все беды идут от «неохваченных», если бы они могли приобщиться к общей культуре нейрофонов, то и все разногласия на политической арене сами собой стихли бы, вернее, перешли бы в виртуальную реальность. С Конрадом Галльским обсудили последние события на гладиаторских аренах. Бои шли не утихая, новые фавориты, талантливые новички. Конрад все сожалел, что куда-то пропал Гладиатор, вот уже полгода о нем ни слуху ни духу. Я предположил, что придет время, появится. Вероятно, готовит триумфальное возвращение. В такого рода мероприятиях я предпочитал участвовать под другой маской. Нельзя же Гладиатора по пустякам светить. В «болталке» меня все знали как Тони Вепря. Под этой личиной я ни разу не выходил на гладиаторскую арену, но народ был уверен, что я из числа ветеранов. Кто-то даже рассказывал, что видел мои бои и даже может попробовать раскопать записи. Мне это было на руку. Спустя полчаса, когда внимание народа, казалось, было усыплено, я решил перейти к главному вопросу.

— Народ, кто вообще в курсе, что там за шухер в Купчино вчера был? — мысленно передал я вопрос в чат, и он возник на экране «болталки» в виде букв.

— Да, там «охваченных» потрепали. Было дело, — ответ от Марка Белки.

С ним я, кажется, даже сталкивался пару раз в поединках.

— Говорят, они там какую-то дурь толкали. Вот наши и подсуетились, — ответил Конрад Галльский.

Когда «охваченных» выводили на задание, они действовали неосмысленно. Кому-то казалось, что они выполняют игровую миссию. Кто-то просто попадал под влияние шептунов и исполнял приказ. Поэтому мы и называли их «куклами». Но когда цель уничтожена, миссия выполнена, наступало протрезвление. Они возвращались в обычную жизнь. Но они легко справлялись с этим. Никаких угрызений совести, даже мыслей о том, что что-то было сделано не так. Сознание само подбирало удобную версию произошедших событий. И вот по сети расползались слухи о проклятых «неохваченных», торгующих наркотой, и прочих бред. Пока невидимые шептуны оставляли им еще свободу действий и мыслей в обыденной жизни. Вот поэтому война пока еще не началась. Так, мелкие бытовые стычки да подпольные операции. Но рано или поздно это противостояние выльется в полномасштабную войну, и тогда вся эта армада «охваченных» превратится в послушных солдат, которые уничтожат «неохваченных» в считанные часы. Нас все-таки не так много, чтобы вести открытые боевые действия, да и как их вести, когда граница между своими и чужими пролегает внутри одной улицы, одного офиса, ирландского паба, внутри одной семьи. Поэтому и организовалось сопротивление, чтобы предотвратить войну и спасти тех, кого еще можно спасти, чьи мозги не превратились в желе.

— Народ, а чьих рук это дело? Кто на дело-то ходил? — задал я, пожалуй, самый важный вопрос.

— Говорят, это ушастые из «Черного корпуса». «Темный мир» их площадка, — сказал Центурион.

Любопытный поворот событий. Ох, не зря я этих эльфов недолюбливаю. Осталось узнать, где у них база находится. Там моих ребят держат. Но в «болталке» я не стал задавать этот вопрос. Это вызовет нездоровое любопытство. С чего бы это гладиатор так сильно ушастыми интересуется? К тому же я знал, у кого можно выудить эту информацию.

Я еще некоторое время поболтал с народом, а потом, не прощаясь, вышел из чата.

Катька лежала на диване, щелкала пультом телевизора, перепрыгивая с канала на канал, и пила пиво из синей бутылочки с трубочкой. Судя по всему, ее совершенно не интересовало то, что происходило на экране. Эти прыжки по каналам были сродни медитации. Сейчас она решала важную для себя проблему или просто злилась на брата Харви.

— Что делать собираешься? — спросил я.

— Злиться. Эти уроды из «Черного корпуса» меня подставили. Они снюхались с Харви. И решили, что смогут меня схватить и отдать брату. Он заточит меня в Высокой башне, лишит всего имущества и опустит на первый уровень, и тогда все насмарку. Я до своего нынешнего положения буду качаться несколько лет. А может, вообще выкинет из «Темного мира». И тогда это вообще конец всему. Так что вот лежу и думаю, как разmozжила бы этому ублюдку голову в реале, если бы только знала, где он живет.

— А вы с Харви в реале не знакомы? — спросил я.

— Если бы были знакомы, стала бы я тут разлегаться, как ленивый тюлень? — посмотрела на меня как на идиота Катька.

— А у тебя еще пиво есть?

— Посмотри в холодильнике. Только потом придет-ся сбегать, когда кончится. Я рассчитывала на триумф, а не на поражение.

Я открыл холодильник и достал жестяную банку «Гиннеса». Красиво жить не запретишь. Щелкнул ключом и сделал первый глоток. Первое правило агента под прикрытием: чтобы разговорить клиента, надо попасть в его струю, стать своим в доску.

Я плюхнулся на диван рядом с Катькой. Некоторое время просто паялся в телик, попивая пиво. Мое присутствие, кажется, совершенно не трогало Эльфийку. Это очень даже мне на руку. Сейчас только любовных трепыханий мне не хватало.

— Слушай, а кто это такие, «Черный корпус»? Я кое-что слышал, конечно, но все-таки это не моя площадка. Но ребята вроде опытные, — начал я издали.

Интересно, я вчера их в виртуальности оприходо-вал или им и в реале досталось? Особенность нейро-фона, что, используя его, никогда толком не знаешь, что в это время происходило в реальности. Полное слияние двух миров. Ты думаешь, что махал мечом на гладиаторской арене, а в это время двое парней из соседнего подъезда уже лежат на асфальте и дожидаются скорой.

— Независимая армия в «Темном мире». Работают на тех, кто лучше платит. Если заключают контракт, то от него уже не отступают. Я думала, что мне удастся заручиться их поддержкой, но Харви опередил меня.

Заручиться поддержкой стоит больших денег. И это абсолютно реальные деньги, не какие-то виртуаль-ные цифры или самоцветы с изумрудами. Стоимость

такого контракта могла равняться стоимости Катькиной квартиры. Но она может себе позволить это. Ведь она эльфийская королева, пускай и свергнутая. В ее распоряжении вся казна королевства. Вернее, все, что она могла унести, а это солидная сумма, собранная со всех пользователей «Темного мира». Да, в виртуальном мире тоже есть налоги и доходы с расходами, иначе как бы вся эта махина существовала бы?

— И как ты вышла на них?

— Меня познакомил с их командором Густаниэль, — хлюпнула носом Эльфийка и припала к трубочке.

Ну и имена у этих эльфов. Хрен выговоришь.

— Если бы тебя со мной не было, я бы сейчас в темнице у Харви сидела. Спасибо тебе.

Катька прижалась ко мне. Неожиданный поворот событий. И очень несвоевременный. На лирику я сейчас настроен не был. У меня там в плену двое друзей сидят. Мне не до любовных кувырканий. Но хорошо, что и у Катьки не было настроения. Она просто проявляла свою признательность.

— А Гус откуда с их командором знаком? — спросил я.

— Так он у них служил раньше. Так что прямо сказал, что может помочь, и отвез меня на консервный завод. Там у них база.

— Консервный завод? — сделал вид, что припоминаю месторасположение.

— На Лиговке, возле Московских ворот, — сказала она.

Вот теперь я знал, где искать своих ребят. Удачная комбинация. Всегда знал, что мир чертовски тесен, а Питер большая деревня. Тут все друг друга знают,

если не лично, то через одно-два рукопожатия. Я много раз прогуливался по этой части Лиговки, в особенности часто в студенческие годы, когда подрабатывал в авторемонте на углу Лиговского проспекта и Воздухоплавательной улицы.

Я допил пиво. Прошел на кухню, выкинул бутылку, выключил ноутбук. Катька им теперь не часто пользовалась, чтобы кино посмотреть или поработать с чем-то, что требует поддержки клавиатуры. В основном у «охваченных» все операции шли через нейрофон. Я же старался не мучить голову проклятой машинкой зазря и по сети серфферил старым проверенным способом.

Я осмотрел свое снаряжение. Для полномасштабного боя, конечно, маловато, а вот для легкой вылазки с освободительной целью вполне сойдет. Только вот все же одной игрушки мне не хватало. Без короткого меча, похожего на гладиус, я чувствовал себя голым. Гладиаторская привычка. Значит, надо заглянуть ко мне на квартиру и забрать оружие.

Я застегнул рюкзак и вышел в коридор.

Катька выглянула из гостиной. Вид у нее убитый, глаза на мокром месте, в руках синяя бутылка с трубочкой, взгляд обиженный.

— Ты куда собрался?

— Надо до дома добраться. Завтра на работу. А у меня все документы и флешки дома лежат. Я без них как без рук.

— Понятно. Бросаешь, значит, — сделала вывод Эльфийка.

— Ну как я могу тебя бросить! Я скоро вернусь, — пообещал я.

— Ага. Через полгода. Как в прошлый раз.

— Да нет. Завтра после работы к тебе загляну. И мы вместе придумаем, как вернуть престол Тригорна, — пообещал я.

Катька мне, конечно, не поверила. Но ничего говорить не стала. Мы нежно попрощались, и я вышел из квартиры.

Я и правда собирался к ней завтра заглянуть, только вот будет ли у меня это завтра...

ГЛАВА 7

Квартиру я снимал на другом конце города, на углу проспекта Непокоренных и Гражданского проспекта. Место глухое, но активно развивающееся. Справа грядка бизнес-центров, Кушелевский виадук, ветеринарная клиника и какое-то техническое училище, возле него всегда толпилась курящая молодежь. А за виадуком рос лес свежих многоэтажек. Еще недавно там были пустыри, но за последние пару лет каждый клочок земли резво застроили, правда, большая часть квартир осталась незаселенной. Цены атомные, а народ не сильно-то разбогател после последнего кризиса.

На метро до «Площади Мужества» добираться не вариант. В метро в связи с последними терактами на каждом шагу установили воротники металлодетекторов, а у меня полный рюкзак железа, за которое к тому же приличный срок дают, если поймают. Так что оставался только наземный транспорт. По времени дольше, зато надежно. Возле дома меня ждет потрепанный, но надежный «Додж Калибер». Так что дальше с транспортом будет легче.

На автобусе от «Московской» я добрался до Сенной площади, пешком прогулялся по Садовой до Невского и сел в новый автобус, который привез меня на стрелку Васильевского острова. Еще одна пересадка. Теперь на маршрутке с Васьки до проспекта Непокоренных. Дорога удлинилась на час. Зато в наземном транспорте никто не придерется к рюкзаку и не попросит его пропустить через рентген. А там дальше по городу на своих колесах. Это уже легче.

Я выбрался на перекрестке из маршрутки и зашагал мимо супермаркета во двор. На ходу оглядывался, проверяя, нет ли хвоста. Меня не покидало ощущение, что кто-то за мной следит. Про мою квартиру из повстанцев практически никто не знал, но вычислить ее не представляло труда. Если бы не клинок, то я бы сюда не вернулся, пока все не улеглось. У меня вообще два меча. Один остался на конспиративной квартире, так что он вне досягаемости. А жаль, хороший был клинок. Оба меча мне выковали по специальному заказу через товарища, который работал главным массовиком-затейником в историческом парке на Ладоге, там, где мы когда-то с Наташкой познакомились. Обошлось мне это в приличную сумму, но качество говорило само за себя. Это было задолго до появления оружейников, которые за плату малую, но справедливую распространяли оружие неизвестного происхождения среди «охваченных». Теперь достать ствол или клинок очень просто. За одним из таких оружейников мы и охотились, когда нас накрыли «охваченные» из «Черного корпуса».

Поднявшись в лифте на шестой этаж, я отпер дверь и вошел в квартиру. Однокомнатная холостяцкая

берлога. Ничего лишнего. Все только самое необходимое. Телевизор, холодильник, шкаф и диван, да на кухне гора немытой посуды. Все откладываю на потом. С таким темпом она скоро зарастет плесенью, появится новая жизнь, и будет у меня тут маленький, зато свой собственный филиал Чернобыльской зоны.

Я не собирался надолго задерживаться. Заберу самое необходимое — и на дело. Я раскрыл шкаф, достал джинсы, красную рубашку и коричневую кофту с капюшоном и принтом «Осиная ферма». Переодевшись, я вытащил из нижнего ящика с трусами и футболками гладиус, точную реплику римского меча в ножнах с ремнями. Меч я укрепил на спине, доставать удобно, правда, в машине ехать будет не очень. Металлическая палка будет постоянно упираться в спину, но это можно перетерпеть. Оттуда же я извлек еще один пистолет в кобуре, который также укрепил на пояском ремне. Теперь я мог стрелять с двух рук, если придется. И связку метательных ножей на широком поясе, который крест-накрест я повязал на грудь. Кажется, к небольшому сражению я готов.

Повстанцы также использовали и автоматы. Несколько «калашей» осталось на конспиративной квартире. Но я не любил эти машинки и старался использовать их только по необходимости. Много шума, а мы все-таки работаем партизанскими методами за гранью закона, так что нельзя привлекать к себе внимание.

Экипировавшись, я снял с вешалки демисезонный плащ черного цвета и надел его. Плащ аккуратно спрятал всю мою амуницию от любопытных глаз, но в то же время я мог легко воспользоваться любым оружием. На всякий случай я проверил, удобно ли до-

ставать меч со спины. Получилось все удачно, ничто не мешало. Оставшись довольным проверкой, я открыл холодильник, взял палку колбасы и кусок сыра, уже успевший покрыться белым налетом. Это сколько же я дома не был? Дней пять — семь. Я откусил прямо от палки колбасу и заел ее сыром. Хлеб дома даже если есть, то им только врагов травить. Перекусив таким походным способом, я забросил остатки провизии в холодильник и направился на выход.

Нехорошее я почувствовал сразу, стоило мне запереть за собой дверь. Назойливое чужое присутствие. Похоже, меня все-таки выследили. Но как они успели? Вот в чем вопрос. С невозмутимым видом я вызвал лифт и в нетерпении стал раскачиваться на месте. С виду очень торопящийся по делам мужчина нервничает из-за глупой задержки. По факту я разогнал кровь по организму, готовился к бою.

Двое в штатском спускались с верхнего этажа. Ничем не примечательные субъекты в джинсе. Друзья отправились на прогулку до соседнего магазина за бутылкой водки. Еще парочка поднималась снизу, словно копия первой. Все как на подбор крепкие, морды кирпичом, бульдожьи взгляды, кулаки размером с голову колуна, и в ушах нейрофоны. Но это не шушера из «Черного корпуса». Никак нет. Тут уверенность профессионалов. Ребята явно из силовых структур, только вот вопрос из каких. В последнее время в городе открылось несколько десятков частных охранных структур, в которых работали бывшие сотрудники силовых ведомств. Очень часто эти структуры брали на себя не свойственные им функции. Вместо охраны объектов они занимались охотой на людей, таких как

мы, из числа повстанцев. Нередко такие охоты заканчивались смертью, но это их не останавливало. Органы правопорядка негласно поддерживали их и закрывали глаза на весь творящийся беспредел.

Просто так уйти мне не удастся. Ребята блокировали все пути. Остается лифт, но даже если мне повезет и я беспрепятственно в него заскочу и мордовороты не помешают дверям закрыться, то они будут ждать меня с распростертыми объятиями на первом этаже. Так что это тоже не выход.

Я решил брать ситуацию в свои руки. Силовики, привыкшие действовать по заранее разработанным схемам, очень не любят такой подход.

Я решительно направился навстречу поднимавшимся амбалам и, не дав им опомниться, заговорил.

— Мужики, не поможете. Дверь в квартиру заклинило. Надо слегка надавить. А у меня силенок не хватает.

Тут не важно, какую глупость ты им лепишь. Главное, быть уверенным и сбить их с намеченного плана. Похоже, у меня это получилось. Мужики растерялись. Один из них, с уродливым шрамом на левой щеке, даже остановился и переспросил:

— Чего?

Я не стал отвечать. Настала пора потехи. Ударом ноги в голову я отправил его напарника в полет на нижнюю лестничную площадку. Лицо со шрамом тут же схватилось за левую сторону куртки, явно намереваясь достать пистолет, но я успел первым. Меч рассек воздух и прочертил глубокую кровавую линию от правого плеча к левой ноге. Мужик закричал от боли и упал на пол. Теперь остается утихомирить верхних

паразитов. Они уже летели на меня. Правый успел выхватить пистолет и готовился открыть стрельбу. Я прыгнул через перила и оказался пролетом ниже.левой рукой выхватил из кобуры пистолет и тут же открыл прицельный огонь по бандитам. Одному я прострелил руку. Он выронил оружие, и оно поскакало вниз по ступенькам. По пуле в коленные чашечки надолго выведет его из игры. Второй успел выстрелить, и пуля выбила столб бетонной пыли возле моего правого плеча. Я послал две пули ему в живот. Не хотел я никого убивать, но если такой неудачный расклад, то выбора у меня нет.

Остался последний противник, которого я сильно обидел, заставив поцеловать подошву моего ботинка. Он неуверенно, раскачиваясь, словно с тяжелого похмелья поднимался на ноги. Я ударил его ногой в голову, и он раскинулся на бетонном полу, точно медуза на пляже после шторма.

Теперь надо быстро уходить. Время, конечно, рабочее, но надеяться на то, что все жители парадной сейчас сидят по конторам и ничего не слышали, не видели, не стоит. Всегда на парадную найдется парочка бдительных старушек да самоуверенных домохозяек. Уверен, что кто-то уже вызвал полицию, и скоро здесь будет не протолкнуться от людей в мундирах, с которыми мне встречаться очень не хотелось.

Спрятав оружие, я выбрался из парадной, огляделся по сторонам. Неужели кроме этих четырех дуболомов никого больше нет? Даже обидно стало, как дешево оценили мои силы. Справа захопали двери, и из черного микроавтобуса «Мерседес» появились еще четверо бойцов. Они уже вытаскивали пистолеты. Сейчас

тут начнется настоящее пекло, но ввязываться в перестрелку не входило в мои планы.

Я бросился бегом к своей машине, припаркованной в дальнем конце двора. Дуболомы, видно, решили, что смогут меня взять живым, и бросились за мной.

Я вскочил на водительское сиденье. Ключ зажигания на старт. Мотор взревел, и я, дав газу на полный, рванул с места, словно гонщик «Формулы». Силовики рассыпались в стороны и тут же открыли огонь по машине. Пули с противным чавканьем дырявили железо. Одна из них разбила заднее стекло и расколола лобовое. Паутиной в разные стороны заструились трещины. Теперь машину придется менять. С такими характерными приметами ее где угодно достанут. К тому же у «охваченных» теперь есть мой номер. Объявят план «Перехват», и пиши пропало.

Я вырулил со двора и на большой скорости выехал на Гражданский проспект. С небольшим интервалом со двора показался микроавтобус «Мерседес» с моими недругами. Они не собирались оставлять меня в покое. Только вот гонок в стиле «Форсажа» мне и не хватало.

Откинуться на спинку кресла не получалось. Меч мешал. Но я все-таки устроился поудобнее и втопил педаль газа. Хотите поиграть в догонялки, что ж, поиграем. Впереди показалась солидная пробка. Надо было срочно что-то решать. Я крутанул руль влево и через две сплошные совершил разворот на встречу. Снова по газам. Впереди показался проспект Непокоренных, и я через перекресток рванул налево в сторону Пискаревского кладбища и крематория. Там можно было попробовать оторваться.

ГЛАВА 8

Мне удалось сбросить хвост только через тридцать минут. К этому времени я вылетел по кольцу к «Мега Парнасу», а затем вернулся в город в районе проспекта Просвещения, долетел до Удельной, где пересек железную дорогу и углубился в странный район, где высотные дома соседствовали со старинными деревянными дачами, многим из которых уже было за сотню лет. На некоторых домах красовались памятные таблички: «Построено по проекту архитектора такого-то, для семьи такой-то». Уютный уголок старины, где даже время течет по-другому, где прогресс так гармонично растворился в патриархальном укладе, что, кажется, спутниковые антенны появились на этих домах сразу же после окончания строительства.

Я завернул в тупичок между двумя деревянными особняками с большими окнами, украшенными резными наличниками, высокими стрельчатыми башенками и вращающимися железными флюгерами. Один изображал черную кошку с хвостом трубой. Другой флюгер был в виде трубящего горниста, напоминающего о пионерском прошлом. Я заглушил мотор и выбрался из машины.

Пристальный осмотр показал, что досталось моему «Доджу» основательно. В осенних сумерках по кольцевой, возможно, проскочу до пункта назначения, но вывод один: машину надо менять, и срочно. Дырки в бортах от пуль, заднее и лобовое стекло в трещинах. Такая потрепанная тачка вызовет много вопросов у первого же попавшегося поста ДПС.

Нужно менять колеса, а для этого надо угнать машину. И угонять следует только у «охваченного» владельца, потому что это потенциальный враг, а врага жалеть нельзя. Я осмотрелся по сторонам. У одного дома стоит белая потрепанная «Лада». У другого старый черный «Фольксваген Пассат». Только вот владельцев не видно. Непонятно, к какому лагерю они принадлежат.

В этих вопросах я принципиален до неприличия. Я вернулся в машину и затаился. Немного передохнуть мне не помешает. Впереди намечался весьма оживленный вечер. Через несколько минут из старинного, доживавшего свой век особняка справа появился мужчина лет пятидесяти в тренировочном костюме с хозяйственной сумкой в руках. Он подошел к забору, открыл калитку и направился налево по улице. Вероятно, до ближайшего магазина. В левом ухе у него красовался нейрофон. Бинго! Это мой клиент.

Я подождал, пока он скроется за поворотом, вышел из машины, прихватив рюкзак. Закрывать ее я не стал, пусть берет кто хочет, подошел к «Пассату», припаркованному у забора, и запустил нейрофон. С его помощью мне удалось заблокировать сигнализацию. Легкие манипуляции над водительской дверью, и машина открыта.

Через пару минут я уже катил на старом «Пассате» в сторону Удельной. На пассажирском сиденье справа лежал мой рюкзак. Надолго этих колес не хватит. Скоро владелец хватится и подаст в угон. Но повернуть намеченную на вечер операцию я успею. И этого достаточно. Думаю, там, у консервного завода, если все пойдет хорошо, мне удастся захватить трофейный транспорт.

Интересно, как эти ребята вышли на мой след, и кто за ними стоит? Они явно не имеют никакого отношения к той команде, которая напала на нашу конспиративную квартиру. Еще один игрок на шахматной доске? Или все взаимосвязано? Каждый из этих игроков всего лишь подчиняется воле невидимого нам манипулятора?

Судя по внешнему виду, ожидавшие меня возле квартиры мордовороты были из силовиков. Вероятно, частная структура, иначе меня бы попытались официально задержать с предъявлением удостоверений и положенными при такой процедуре формальностями. Тут же без объявления войны стали стрелять. Но эти ребята каким-то образом связаны с бойней на Бухарестской улице. Помнится, в телевизионном репортаже говорилось, что у следствия есть подозреваемый, объявленный в розыск. Похоже, я знаю, кто этот подозреваемый. Тут других вариантов не дано. Стало быть, мне нужно торопиться. Сперва освободить своих ребят. Быть может, это даст зацепку, кто организовал нападение на нашу команду, а также кто предатель в рядах повстанцев. Эта информация даст мне хоть какой-то маленький козырь в глазах Шахматиста, нашего координатора.

До Московских ворот я добрался без проблем. Проехал мимо консервного завода, пытаюсь разглядеть, что там да как. Но ничего толком не увидел. Развернулся на площади и вернулся к заводу. Припарковался в трехстах метрах от цели. Теперь надо придумать, как незамеченным попасть на охраняемую территорию завода. Вероятно, на охране сидит бабушка-старушка или суровый пенсионер, любящий кроссворды

и книжки сомнительного содержания. Но это все равно охрана. Она может поднять тревогу. И тогда уже сюрприза не получится.

Я вышел из машины и прогулочным шагом, закинув рюкзак за спину, пошел вдоль по Лиговке, мимо проходной завода. Похоже, мне улыбнулась удача. Часть помещений завода сдавалась под склады и офисы, как это часто бывает с государственными предприятиями, которые перешли в частные руки и показали свою нерентабельность. Тогда владелец пытается выплыть, как умеет, сдавая заводские цеха под склады. Осталось только придумать красивую легенду.

Не откладывая дело на потом, я вошел на проходную. Окинув взглядом список фирм-арендаторов, я выбрал понравившуюся и решительно направился к конторке охраны. В стеклянной будке перед турникетом сидел пожилой мужчина с аккуратными седыми волосами, в больших очках и читал с экрана ноутбука. Из «неохваченных». Это большая редкость по нашему времени.

Я остановился возле будки и заявил:

— Я в компанию «Лис».

Понятия не имею, чем занимается компания, у которой на эмблеме красуется мультяшная мордочка лисы. Но из всего списка это название мне больше всего приглянулось.

— Вы знаете, куда идти?

— Нет. Подскажите.

Мужчина с сожалением оторвался от экрана ноутбука, поправил очки и коротко обозначил координаты конторы. На удивление он даже не попросил предъявить паспорт или какой-либо другой документ. Это мне очень даже на руку. Никаких следов моего

пребывания на территории завода. Даже если дело запахнет жареным. Я тут не был, и с меня взятки гладки. Камер на территории я не видел.

Я миновал турникет и вышел на заводскую территорию. Теперь мне надо сориентироваться, где искать гнездо «охваченных».

Я несколько раз прошелся по территории, наблюдая за тем, чтобы бдительный охранник с проходной не заметил мои бесцельные шатания по двору. Я же пришел в компанию с лисьей мордой, а тут тыркаюсь из стороны в сторону, будто не знаю, куда попал. Через четверть часа мои блуждания увенчались успехом. Я заметил группу «охваченных», которые крутились возле складов готовой продукции. Вернее, это раньше здесь были склады консервов. Ныне же висела гордая табличка «ТоргСнабСбытТрест». Давно заметил, чем бессмысленнее и специфичнее звучит табличка, тем более серьезная контора прячется внутри. Конечно, «охваченных» теперь в любой конторе абсолютное большинство. Только вот эти «охваченные» были до боли знакомы. Видел я уже эти гнусные рожи раньше. Это точно не офис-менеджеры. С такими мордами в офисах не сидят. Парочку ребят я точно видел при штурме конспиративной квартиры. Значит, я не ошибся адресом.

Идти напролом при свете дня я не решился. Это было по меньшей мере глупо. Один против пары десятков хорошо натренированных бойцов да в чистом поле. И друзей не спасу, и сам погибну зазря. Лучше всего переждать. Вечером половина бойцов разъедется по домам, останется только ночная охрана, тогда и попробую орешек на зубок. Остается только приду-

мать, где время скоротать, так чтобы не вызвать подозрений. Уходить с территории завода — не выход. Уверен, что вечером сюда попасть через проходную не удастся. Значит, надо найти уютную норку прямо тут и затаиться.

С задачей я справился минут за десять. Нашел старый, казалось, заброшенный склад. Видно, арендатора на это помещение администрация завода так и не нашла. Немного поколдовал над замком с применением подручных средств и оказался внутри. Теперь у меня есть место, где можно переждать. Как много все-таки удобных функций хранит в себе нейрофон. Тут тебе и модели различных профессий, которые можно освоить в течение нескольких часов глубокого погружения. Это когда все необходимые знания и навыки записываются тебе непосредственно на корку. Можно сказать, выжигаются каленым железом. Хрен потом забудешь. Там, конечно, нет модели взломщика, но достаточно скомбинировать несколько других полезных моделей, и путем слияния и анализа можно найти искомые навыки. Вуаля.

На складе было холодно и сыро. Такое ощущение, что я попал в хранилище прошлогоднего урожая картошки, большая часть которой сгнила. Но делать нечего. Я включил фонарик на мобильнике и осветил склад. Помещение пустовало, но оставалось несколько стеллажей и штабель брошенных палет. Вот на них я и уселся. Мельком взглянул на экран и присвистнул от удивления. Тридцать с лишним не принятых вызовов за два дня. Я просмотрел список контактов. В основном меня искал Шахматист да еще несколько ребят из сопротивления. Их всех интересовала судьба

моей группы. Но я ничем им не мог помочь сейчас. Сначала сделаю дело, а потом можно будет заняться разъяснительными работами.

Я не стал проверять список вызовов на нейрофоне. Я специально его заглушил, чтобы никто не мог мне помешать. К тому же по нейрофону я доступен только для «охваченных». Я активировал его и пробежал глазами вызовы. Делать все равно нечего. Надо как-то время убить. Два раза мне звонил Коршун, старый товарищ по гладиаторскому миру. Интересно, что ему могло потребоваться? В последний раз я с ним общался несколько месяцев назад, и он предлагал участие в турнире. На кону была солидная сумма денег. Но я отказался. К тому времени у меня уже открылись глаза на нейрофон и я уже вовсю участвовал в движении сопротивления. Один вызов был от Эльфийки. Сорок минут назад она пыталась до меня дозвониться.

Я просидел на заброшенном складе два с половиной часа. Большую часть времени провисел в нейрофоне. Загрузил из читалки книгу, очередную историю о сыщиках Ниро Вульфе и Арчи Гудвине, и погрузился в чтение. Люблю я эти книжки, да и за чтением время бежало быстрее. Практически незаметно. Время от времени я выглядывал из укрытия и проверял территорию завода. Я видел, как потихоньку потянулись на выход сотрудники разных контор. Кто-то шел пешком, закутавшись в теплую куртку или плащ, кто-то за рулем удобного автомобиля покидал завод. Скоро здесь будет абсолютно тихо и можно будет начинать операцию.

Я выждал еще некоторое время и покинул убежище. Ссутулившись, неспешным шагом я направился к складу, облюбованному бандой «охваченных». Казалось, я

слился с окружающим пространством, но все равно ждал, что в любой момент меня окликнет бдительная охрана, и тогда проблемы начнутся намного раньше. А значит, это даст моим врагам дополнительные очки форы. Но все обошлось. Я беспрепятственно дошел до дверей склада. Аккуратно открыл их и вошел внутрь.

Впереди показалась широкая каменная лестница. И тогда я включил нейрофон и загрузил «Рим-онлайн». Маленькая слабость с моей стороны. Но люблю я сражаться в римских декорациях. Реальный мир вокруг меня растаял, сменившись каменными колоннами, мраморными ступеньками и красными полотнищами с изображениями орлов, висящими по стенам. Я окинул себя взглядом. На мне металлический чешуйчатый панцирь лорика сегментата, из-под которого выглядывает кольчужная рубашка и туника белого цвета, стянутая балтеусом, двумя перекрещенными ремнями с металлическими накладками на поясе, шлем с красным гребнем, за спиной длинный красный плащ, на ногах армейские сандалии — калиги. Такой костюм, конечно, более подходит римскому легионеру, нежели гладиатору. Но кто сказал, что легионеров не отправляли проливать кровь на гладиаторский ринг? К тому же это весьма прокачанная версия. За один только доспех я заплатил несколько десятков тысяч реальных денег. Я достал из ножен меч и осторожно стал подниматься по лестнице.

Первого противника я увидел через два пролета. Он стоял на ступеньках и задумчиво смотрел в окно. Типичный гладиатор-галл, вооруженный копьем и небольшим щитом. Скушает на дежурстве. Ничего, это мы сейчас поправим. Я метнул нож и поймал

мертвое тело. Аккуратно уложив его на ступеньки, я последовал дальше.

Больше никакой охраны я не встретил на своем пути. Эти ребята совсем потеряли бдительность, они настолько уверены в своей безопасности, что выставили всего одного солдата на пост.

На третьем этаже я остановился. Чутье подсказывало мне, что вот за этими черными деревянными дверями и находится логово «охваченных». Я осторожно отворил двери и вошел. Обычный склад, заставленный ящиками и тюками. Изучать их содержимое я не стал. Не за этим я сюда пришел. Какая разница, каким хламом тут все заполнено. Мне главное, своих ребят вытащить.

На первый взгляд на складе никого. Я не слышал ни шагов, ни дыхания. Никого не видел. Неужели я ошибся и здесь пусто? Тогда кого сторожил галл снаружи? Неужели эти тюки?

Пахло свежим кофе и складской пылью. Я двинулся вперед. Я должен все осмотреть и убедиться сам, что вытянул пустышку.

Я уже был на середине склада, когда заметил овальную арку, ведущую в соседнее помещение. Похоже, здесь несколько складов, связанных воедино. Я вошел в арку и оказался в комнате, заставленной стеллажами с тюками, помеченными клеймом орла. В самом дальнем конце склада я увидел груды грязного тряпья, сваленного в углу. Присмотревшись, я понял, что это связанный человек, а рядом еще один. Похоже, я все-таки не ошибся.

Обрадовавшись, я на время потерял контроль и допустил ошибку. Я решительно направился к пленни-

кам, так, словно находился у себя дома, где мне ничто не может угрожать. В самый последний момент я заметил появление двух мирмилонов. Они напали на меня, выскочив из-за стеллажей, где еще несколько секунд назад, я готов был в этом поклясться, никого не было. Обнаженный по пояс, гладиатор имел из доспехов лишь шлем с гребнем в виде рыбы и решеткой, полностью скрывающей лицо, наручъ на правой руке, короткий понож ниже колен на левой ноге и щит — skutum. В руках он держал короткий меч — гладиус. Второй мирмилон был точной копией первого. Их называли мирмилонами из-за гребней в виде рыбы. Они не дали мне опомниться. Мечи взлетели в воздух и обрушились на меня.

Я уклонился от первого гладиатора, успел выхватить меч и отразить удар второго. Крутанулся на месте, избегая встречи с гладиусом первого бойца, и чуть было не наварлся на клинок второго.

За меня взялись всерьез. Эти ребята — профессионалы, но и я не первый день на арене. Я отпрыгнул в сторону, увеличив дистанцию между мной и врагом. Это дало мне несколько секунд, чтобы сориентироваться в ситуации. И я тут же атаковал одного из них, продолжая следить за вторым. Вихрь ударов, атака сменяется обороной. И наконец один из мирмилонов допустил ошибку и раскрылся. Я тут же воспользовался этим, и гладиатор упал на мраморный пол, заливая его кровью из рассеченного живота. Это на секунду отвлекло второго гладиатора, и он пропустил удар в шею. Я рассек ему гортань. Мирмилон переступил с ноги на ногу и потерял контроль над телом. Он упал, и я отвернулся от него.

Вовремя. Их было четверо, гладиаторы-галлы. Двое застыли возле пленников. Двое других появились из-за угла, откуда чуть раньше пришли мирмилоны. Играть с ними в фехтование я не был намерен. Я выхватил пистолеты и открыл огонь. Первыми убрал с пути двух ближайших галлов, а потом прикончил тех, кто стоял возле пленников.

Я думал обойтись без стрельбы, чтобы не привлекать лишнего внимания. Но без стрельбы не обошлось. Я дернул колесико настройки, и римские декорации растворились, уступив место реальности. Я ожидал, что на звуки выстрелов сбежится свора «охваченных», но, похоже, кроме этой шестерки и парня на входе на складе больше никого не было.

Я посмотрел на поверженных врагов без налета виртуальности. Все молодые парни, не больше тридцатника, как на подбор спортивного телосложения, одетые в джинсовую одежду, с нейрофонами на левом ухе. Не люди, а мертвые, поломанные «куклы».

Нельзя больше терять времени. Скоро охрана на проходной проснется и вызовет полицию. Я бросился к пленным. Это точно мои ребята: Рубик и Светка. Хорошо их потрепали, основательно. На Рубика жалко смотреть. Живого места на парне не осталось. Светка отделалась несколькими синяками. Но не это самое страшное. У обоих к левому уху присосался паразитом нейрофон.

ГЛАВА 9

Я в сердцах плюнул на пол и тихо выругался. Настрадались ребята, ничего не скажешь. «Охваченные» хорошо с ними поработали, от души. Сильнее всего

Рубику досталось. Лицо все заплыло, превратившись в один огромный синяк. Один глаз закрыт, сверху такая массивная блямба налилась, что он еще не скоро сможет смотреть в оба глаза. Светку все-таки чуть пожалели. Личико вообще не тронули. Одежда вся в хлам. На выглядывающем из дырки в кофте животе порезы. Коленки в кровоподтеках. Она была без сознания или спала. Кто ее знает. Но это все поправимо. Синяки спадут, ушибы пройдут, порезы затянутся. Достаточно будет пару курсов препаратов специальных пройти, и все будет хорошо. Только вот что делать с нейрофонами, вот это вопрос. Впрочем, это не мое дело. Надо вытаскивать ребят отсюда, а дальше везти их к Лекарю. Пусть разбирается. Он еще и не таких с того света вытягивал. Я не мог себе признаться, что просто обманываю себя. Даже если Лекарь и возьмется за дело, то скорее всего ребят будут использовать как подопытных крыс и им никогда не покинуть подпольных лабораторий сопротивления. Я об этом имею смутные представления. Знаю только, что сопротивленцы занимаются активным изучением нейрофонов, их воздействия на организм человека и пытаются найти способ борьбы с ними. У каждого из нас свой фронт. Лекарь со своими коллегами ко мне в поля не лезет, а я к нему в пробирку нос не сую. На том и держится баланс сил в природе.

Я присел на корточки рядом с ребятами. Тронул осторожно Рубика за плечо. Он даже не пошевелился. Во сне он не чувствует боли, всего того ужаса, что навалился на него. Но я должен вырвать его в реальность. Пора уносить ноги со склада, пока старичок на проходной не поднял шум и не вызвал полицию. Хотя

я уверен на все сто, что старичок купленный и вызовет он подкрепление из числа «охваченных».

Я убрал меч за спину и потряс Рубика сильнее. Он медленно приходил в сознание, словно выныривал с глубины океана. Когда же пришел в себя, то застонал, разом почувствовав все свое измочаленное, покалеченное тело.

— Гладиатор, ты? — простонал он.

— А кого ты надеялся здесь увидеть? Конечно, я. Сейчас домой поедem.

— Какой домой? Ты же видел. Я уже не тот. Нельзя мне домой. Как там Светка?

Он завращал головой, пытаясь найти ее взглядом, но тут же с шипением втянул голову в шею, словно пытался спрятаться от боли.

— Здесь она. Погоди. Попробую ее привести в чувство.

Я занялся Светой. Через несколько минут она очнулась и вытаращила на меня большие зеленые глаза. Она не ожидала меня увидеть. Похоже, уже попрощалась со свободой, а может, и с жизнью. Не верила, что кто-то придет за ними.

— Ромка, как я рада, — выдохнула она со слезами на глазах.

И это наша Светка, прославленный, закаленный в боях с «охваченными» сопротивленец. Она с нами уже третий месяц и участвовала в нескольких боевых операциях. Не женщина, а кремень. Никогда ни на что не жаловалась. Даже когда мы громили клуб тевтонцев, которые не давали покоя «неохваченным» в Купчино, устраивали кровавые разборки и просто резали не таких, как они. А тот бой был, пожалуй,

один из самых тяжелых. На операцию отправились группы Молота, Татарина и моя. Пришлось нам туго. Тевтонцы ребята серьезные. Все сплошь накачанные, не люди, а тяжелые машины. Тогда мы, наивные, думали, что прикроем их клуб, и людям жить станет легче. Что и среди «охваченных» есть нормальные люди. Что мы сможем сосуществовать вместе. Как же жестоко мы тогда ошибались. Многие из нас заплатили за столь наивные взгляды.

— Тише, Светка. Тише, сейчас я вас освобожу.

— А Генка? Он живой? — забеспокоилась она.

— Да, живой я. Живой, — отозвался Рубик.

Какая трогательная забота друг о друге. Но сантименты в сторону. Сейчас время суровой правды жизни.

Ножом я перерезал веревки, стягивающие запястья и лодыжки Светки. Теперь она свободна, и я принялся освобождать Рубика. Светка растирала онемевшие руки и ноги. Занималась собой, головой по сторонам не крутила. Но рано или поздно она заметит нейрофон у Генки, а потом найдет и у себя. Она девочка мудрая. Она сразу поймет, что к чему и чем это все грозит. Вот тогда и начнется. Я мог спрогнозировать ее реакцию. Светка прагматик до мозга костей. Она знает, что нейрофон — это приговор. По крайней мере сейчас. Она также знает, что мне удалось избежать этого проклятия. И никто до сих пор не знает, в чем причина такой реакции организма. Кто-то считает, что я везунчик. Кто-то думает, что у меня такая аллергия на новомодные гаджеты. Кто-то поумнее связывает это с воспалением легких и лекарствами, которые мне кололи. Лекарь месяца два за мной ходил хвостом, уговаривал лечь в лабораторию, чтобы они

могли меня исследовать. Говорил, что это для пользы дела. Может, мы сможем найти лекарство против нейрофона. Но я понимал, что это просто бесцельно потраченные месяцы жизни, которые я могу провести в борьбе с «охваченными» и поиске невидимых «кукловодов». Так что, в конце концов, Лекарь отстал от меня.

Удивительно, но первым нейрофон заметил Рубик. С его-то слабым зрением и массивными фингалами вокруг глаз. Я освободил ему руки и возился с ногами, когда он грубо выругался. К пророку не ходи, и так все было понятно. Генка увидел левое ухо Светы и сделал тут же выводы.

Рубик ощупал голову и нашел у себя нейрофон.

— Твою мать, вот же твари, — выругался он.

У него даже не было сил, чтобы злиться. Он воспринял это все с поразительным спокойствием. Пара детских ругательств не в счет.

Светка обратила на него внимание и первым делом разглядела нейрофон. Потом настал черед прозрения. Она нашла его у себя.

— Они нас подсадили, — с горечью произнесла она.

— Спокойно. Все может быть не так страшно. Сейчас попробуем снять эту дрянь. Подсадили они вас недавно, так что, может, процесс не зашел еще далеко и эта штука не пустила корни, — попытался я их успокоить.

— Я бы на это не надеялся, — мрачно заметил Рубик. — Скажи, Гладиатор, а как там наши ребята? Я слышал, что вся команда полегла, но отказывался в это верить.

— От кого слышал-то?

— От «кукол». Они постоянно трындели, обменивались впечатлениями, так сказать. Но в такое поверить — это выше... это за гранью...

— К сожалению, это правда. Из всей группы один я остался. И на меня объявлена охота. Пытаются все повесить на меня. Мол, это я наших ребят...

— Кто пытается повесить? — уточнил Рубик.

И ведь это вполне резонный вопрос. Я старался не думать об этом, но у сопротивленцев тоже могут возникнуть вопросы. Как так получилось, что из всей группы остался в живых только командир, да и тот сам давно является носителем нейрофона, значит, личность подозрительная по определению. Когда я только прибил к партизанскому отряду Карпова, тогда еще никакого объединенного сопротивления не существовало, пришлось изрядно потрудиться, чтобы мне начали доверять. Но все равно время от времени я слышу, все чаще в спину, что-нибудь про шпионов и перебежчиков. Иногда меня называют ренегатом, но никто не осмелится сказать это в лицо. Знают, что зубы свои будут потом по полу собирать. Но теперь, после разгрома на Бухарестской, новой волны подозрительности не избежать.

— «Охваченные» следы заматают. Вот им и нужен козел отпущения. Пока что все неофициально, но думаю, что скоро мой портрет и по телику показывать начнут. Мол, разыскивается особо опасный. Это все херня. Сейчас, Генка, попробуем твою машинку снять.

Я знал, что ни черта у меня не получится. Просто чувствовал это. Но я должен был попробовать.

Я аккуратно взял левой рукой за коробочку нейрофона, прикрыв эту жуткую желтую улыбку, фирменный знак, а правой попытался при помощи ножа отделить прибор от уха. Я почувствовал сразу, что он не поддается. Сидит как влитой, словно с рождения являлся частью организма. Нож на полсантиметра вошел между кожей и коробочкой и застрял. Гиблое дело. Нейрофон врос в организм. Его щупальца проникли глубоко в мозг Рубика. Теперь я могу снять его разве что только с мертвого тела. Или через несколько лет, если нам удастся изобрести прибор, который сможет нейтрализовать деятельность нейрофона.

Рубик все понял без слов.

— Спасибо, командир.

— За что спасибо? — вырвалось у меня.

— За попытку.

— Ты это, не кисни, мужик. Доедем до Лекаря. Он найдет способ эту дрянь снять. Он очень находчивый, наш Лекарь.

— Если он такой умный, то почему с тебя не снял?

— С меня поздно уже было.

— Вот и с меня поздно. Попробуй у Светки, — попросил Рубик.

Но мне и пробовать не пришлось. Светка не стала дожидаться, пока до нее дойдет очередь. Сама попробовала снять прибор, но у нее ничего не получилось. Это нейрофоны нового поколения. Вращение в организм практически мгновенное. Дальше тонкая настройка, и скоро Рубик и Светка превратятся в еще одних «охваченных», бездушных «кукол», послушных роботов, исполняющих чужую волю.

Они прочитали мои мысли с лица. И ведь сколько раз говорил себе: «держи себя в руках, Гладиатор». И все равно где-нибудь да проколюсь.

— Рома, сделай для нас доброе дело, — произнес Рубик.

Я знал, о чем он сейчас будет просить, и отрицательно замотал головой.

— Нет, Геныч, даже не говори. Я сказал, доставлю вас в целости до Лекаря, а там уже будем решать.

— Тут решать нечего. Скоро мы станем монстрами, которые могут наворотить делов, а с нашей-то подготовкой — сам понимаешь. Так что выход только один. Ты должен нас убить. Мы теперь в другом лагере. И нас жалеть нельзя. Я не хочу быть чужой марионеткой. Я хочу быть самим собой, сам решать, что и как мне делать. А не становиться тупой «куклой». Думаю, Светка меня поддержит.

Рубик говорил что-то еще, а я смотрел на него и не слышал. Я не мог потерять их. Они были последние ребята из моего отряда. Разве могу я убить их своими руками? Пока есть хоть малейший шанс на спасение, пускай и мизерный, я должен бороться. Генка, похоже, опять прочитал мои мысли. Он умолк, а в следующее мгновение дернулся ко мне и завладел ножом.

Все произошло настолько быстро, что я не успел ничего сделать. Рубик поднес нож к уху и засунул его под коробочку на половину длины лезвия. Из-под нейрофона побежала кровь. Рубик, используя нож как рычаг, дернул нейрофон от себя. Сперва ничего не получилось, а потом что-то хрустнуло и нейрофон поддался. Ухватив его рукой, Рубик потянул коробочку, выдирая ее.

Твою мать, сколько же кровищи. И эти черные, похожие на тонких червей нити, которые уходили вглубь черепа Рубика. Несмотря на все усилия, нити не рвались. Прочная штука. Рубик закатил глаза, хрипел от боли, но тянул нейрофон. Эта дрянь, похоже, сопротивлялась, не хотела покидать голову Генки. Наконец, он справился. Что-то чавкнуло, словно лопнул маленький воздушный шарик, и нейрофон отделился от головы Рубика. Вслед за ним хлынула густая черная кровь.

— Видишь, командир, не так страшно... — произнес Гена.

Я не верил своими глазами. Неужели все обошлось? Но Рубик вдруг дернулся, захрипел, упал на пол и забился в конвульсиях. Через минуту все было кончено.

Светка расплакалась. Не смогла сдержаться. Я не стал ее останавливать. Пусть выплачется.

— Рома, дай пистолет, — сквозь слезы попросила она.

Она теперь знала, какая участь ей уготована. Нейрофон — это навсегда, будь он проклят. И она хотела разобраться с этим здесь и сейчас.

— Света, не надо. Если у Рубика не получилось, это не значит, что у Лекаря не получится. Нельзя дуриком лезть в тонкие технологии.

Я говорил что-то еще, убеждал, доказывал, зубы заговаривал. Я не мог допустить, чтобы Светка пустила себе пулю в голову. Только не наша Светка. Только не сама. Я не верил, что Лекарь сможет ей помочь, но он хотя бы попытается. Кто знает, быть может, эти попытки принесут успех.

— Уговорил, Гладиатор. Едем к Лекарю. Если не спасет, то моя тушка хоть на пользу дела послужит, — обреченно вздохнула Светка.

Я бросил взгляд на Рубика. Он все еще держал коробочку нейрофона в руках. Мерзкие черные нити шевелились, втягиваясь в нейрофон. Стоит представить, что эта тварь сейчас находится у меня в голове, начинает тошнить и хочется застрелиться. Я с трудом взял себя в руки, помог подняться Светке, и мы направились на выход.

ГЛАВА 10

Всю дорогу Светка молчала. Я тоже не стремился к беседам по душам. Перед глазами стоял образ мертвого Рубика и мерзкие черные щупальца, втягивающиеся в коробочку нейрофона. Еще одна потеря, с которой трудно смириться. И ведь он был таким молодым, у него все еще было впереди. Он мечтал после того, как закончится борьба, пойти учиться в университет, на программиста. Мечтал о семье. Кажется, у них со Светкой была взаимная симпатия, которой не была суждено перерасти во что-то большее. На службе они любовь не крутили, а вот вне ее пара свиданий было. Я как командир группы должен был быть в курсе всего. И вот все закончилось. Как глупо.

Вот вычислим мы ту сволочь, которая народ на нейрофон подсадила. Лично буду аплодировать, когда смертный приговор в исполнение приведут, если доживу, конечно. Но ради такого случая я просто обязан дожить. И пусть защитники моратория идут лесом. По такому случаю мы в стране народный праздник объявим с публичной трансляцией казни. Ну, публичная трансляция — это, конечно, перегиб. Только для желающих.

Я крутанул руль, и машина вылетела с Лиговки на Московский проспект. Авто я взял возле склада. Черный неприметный «Мерседес», старый, но все еще надежный. Вскрыть его не составило труда. Он стоял возле склада «охваченных», и меня радовала мысль, что я увел колеса врага. В угон они подавать не станут, скорее всего, владельца я положил на складе, так что в ближайшее время я снова мобилен.

За полчаса я добрался до Петроградки, заехал в первый приглянувшийся дворик, заглушил мотор и достал мобильник. Светка свернулась на заднем сиденье и, похоже, дремала. Я не стал ее будить, вышел из машины и набрал номер Лекаря. Время, конечно, позднее, два часа ночи, но ждать до утра нельзя. Он поднял трубку после десятого гудка. Голос сонный, утомленный, но, услышав, кто на другом конце связи, тут же приободрился.

— Ты куда, черт старый, пропал? Мы думали, что вместе со всей группой погиб. Шахматист с Щегловым связался, тот по своим каналам пробил, сказал, что никакого Гладиатора ни живым, ни мертвым на Бухаресткой не обнаружили.

— Долгая история. При встрече расскажу. У меня для тебя пациент.

— Насколько все плохо?

— Это Светка из моих ребят. Дрянь успела врать. Рубика я потерял. Он попробовал сам избавиться от нейрофона. Неудачно.

— А когда хоть удачно было-то? — тяжело вздохнул Лекарь. — Значит, так, вези пациента на Скобу. Я буду там через час. Эх, а я думал, что хоть сегодня выпасться удастся.

Лекарь разорвал соединение. Я убрал мобильник и вернулся в машину.

Светка проснулась, смотрела на меня большими глазами и молчала. Я решил не ждать вопросов.

— Сейчас мы поедem к Фиме. Ты его не знаешь. Он — Лекарь. Отвечает за всю нашу медицину. Он попробует тебе помочь. Поверь, хуже точно не будет.

— Спасибо, Рома, — сказала она.

— Да за что спасибо? За то, что не уберег?

— За то, что не бросил. А твоей вины в том, что случилось, нет.

Мне бы ее уверенность. Если случилось, то, значит, это я где-то недоглядел, недосчитал. Иначе как оправдать тот факт, что в нашей среде окопался предатель, а мы ни сном ни духом. Сейчас передам Свету, и вплотную займусь этим ренегатом.

— Ты, главное, доведи до конца операцию. Оружейник никуда не делся. То, что нашей группы больше нет, ничего не меняет. Оружейник должен быть уничтожен. Иначе все бессмысленно, — произнесла она.

— За это можешь не переживать.

До Скобы, так ребята между собой называли дом на улице Есенина, мы добрались за сорок минут. Света опять уснула. Неудивительно. После того, что ей довелось пережить, ей требовалась перезарядка. Она еще не скоро сможет прийти в себя. Если вообще сможет, учитывая нейрофон. Я припарковался возле детской площадки, заглушил мотор и откинулся на спинку сиденья. До прибытия Лекаря оставалось двадцать минут. Фима Павзун отличался щепетильной пунктуальностью. Никогда не опаздывал и никому не давал опаздывать. На первый раз выносил предупреждение.

На второй раз отказывался работать. Если, конечно, для опоздания не было уважительных причин. Но что для него будет являться уважительной причиной, это еще вопрос.

У меня появилось время раскинуть варианты, кто может быть крысой среди нас. Я назойливо прокручивал в памяти все обстоятельства планирования операции. Получается, что о конспиративной квартире на Бухарестской помимо погибших членов команды знали еще три человека. И ведь ребята все надежные. Сколько вместе было пройдено. Думать о них плохо не хотелось, но ради дела пришлось.

Итак, первый кандидат на роль ренегата — Сашка Бурляк по прозвищу Заноза. Умнейший мужик, большой специалист в области продвинутых технологий и умница, каких только поискать. До эпидемии нейрофонов он держал интернет-магазин по продаже робототехники: все от высокотехнологичных игрушек для детей до полноценных обучающих роботов под миллион стоимостью. Когда же все началось, начал активно поддерживать наше движение. Магазин не закрыл, но нейрофоны продавать отказался, хотя говорил, что ему много раз предлагали и дело очень выгодное. Денег своих в сопротивление вложил, что не пересчитать. Это он нашел квартиру на Бухарестской, арендовал ее полгода назад и исправно оплачивал из своего кармана. И как после такого послужного списка поверить в то, что он продался? Но сбрасывать его со счетов нельзя. Надо проверить обязательно.

Вторая кандидатура — Степан Корнилов. До нейрофонов работал главным дизайнером в сети гипермаркетов «О-кей». Фотографировал товары для каталогов.

Получал солидную зарплату. Но когда «охваченные» серьезно занялись своими идейными противниками, был с треском уволен с работы. Вроде даже ему статью за воровство пытались пришить. Он работал на Заневском проспекте, прямо на территории гипермаркета. Дверь открываешь, и вот он, склад продуктов, алкоголя и одежды. Вот и пытались его окрутить, что он ящик вискаря втихую на рабочем месте оприходовал. Шито, конечно, белыми нитками, пахнет параноидальным бредом. У них ничего не получилось, но с местом он расстался. После того как хлебная должность накрылась, работал где придется. Все больше не по профессии. «Охваченные» фотографировались только у «охваченных» и вообще работать предпочитали только со своими. Но делать нечего, семью кормить надо. А у него красавица жена и две девочки пяти и семи лет. Куда денешься? Тогда-то кто-то из наших его и заметил, втянул в работу подполья. Степан устроился в компанию «Лоджитек» в охрану. Немыслимое дело. «Лоджитек» занимался распространением нейрофонов по Питеру. А тут «неохваченный» за безопасность отвечает, пускай и складских помещений, но все же. Именно через него мы вышли на Оружейника. Один раз встреча проходила на конспиративной квартире, куда Степана привез Борода. Так что у него были все возможности.

Третий — Паша Трофимов по прозвищу Прапорщик. До эпидемии он работал в какой-то металлопрокатной фирме. Чем занимался, никто толком не знает. К нам он пришел сам. Ему о сопротивлении рассказал кто-то из армейских друзей. Вот он и предложил свои услуги. А услуги, надо сказать, очень по-

лезные. За какие-то несколько месяцев он смог наладить обеспечение оружием юго-западной ячейки сопротивления. Откуда он брал стволы и патроны, мы вопросов не задавали. У нас же, как на Диком Западе, если деньги есть, то можно купить все, вплоть до пулемета. О Прапоре говорили, что от него ушла жена. Подсела на нейрофон, пыталась и его уговорить, только вот он отказался. Природное недоверие к высоким технологиям. И через пару недель она закрутила роман с кем-то на работе и помахала ему на прощание рукой. Но, быть может, это просто сплетня. Трофимов мужик скрытный. О нем мало кто что знал. Разве что Шахматист, и то я не уверен. Прапорщик занимался обеспечением нашей группы. Он сам лично привез все оружие на конспиративную квартиру и даже провел небольшой инструктаж. Он слабо подходил на роль предателя. Все-таки личные счета к «охваченным» и все-такое, но кто знает, чем его могли купить.

Итак, три кандидатуры, и каждая не подходит под определение «ренегат». Но другого материала у меня не было. Так что проверить придется каждого, а там, может, и что иное всплывет.

За этими размышлениями я и не заметил, как появился Лекарь.

Настойчивый стук в боковое стекло. Я открыл глаза и посмотрел на скукожившуюся от холода фигуру Фимы Павзуна. И что он все время ходит, как будто денег на теплую одежду у него нет?

Я выбрался из машины и пожал его непропорционально широкую ладонь.

— Рад тебя видеть живым и даже здоровым.

— А уж как я рад этому обстоятельству, ты себе не представляешь, — ответил я.

— Потом расскажешь, как там все было. Без протокола, просто любопытно. Для протокола тебя потом Шахматист расспрашивать будет. Я ему позвонил, сообщил, что ты проявился. Он приказал немедленно с ним связаться, так что, после того как здесь закончим, звони. Не тяни с этим.

— Не буду, — пообещал я.

Светка проснулась сама и вышла из машины, громко хлопнув дверью. Хорошо, что колеса не мои, а то за такое неуважение к технике я бы обиделся.

— Здравствуйте, девушка. Меня зовут Фима. Но вы можете просто звать меня дядя Лекарь. Дядю, впрочем, можете опустить, — расплылся в довольной улыбке Павзун.

Вот умеет же он с девушками обращаться. Вторая слабость Лекаря — это женщины. Он был очень любвеобилен, и о его похождениях рассказывали байки. А вот по виду-то и не скажешь. Пожилой ботаник чистой воды.

— Пойдемте, я покажу вам свои владения, — протянул он Светке руку, потом бросил на меня быстрый взгляд и добавил: — Ну, и ты, конечно, тоже проходи.

Я ухмыльнулся. Ничего в ответ не сказал. Но все-таки Лекарь молодец. Вот так быстро раскрепостил Светку. Она уже вроде и забыла, что в ухе у нее гадость торчит, присосалась к мозгу, и не оторвешь. Что есть, то есть. Это он умеет. Всего несколько фраз, и она уже ему доверят. В постель, конечно, не пойдет, но лечиться будет.

Я, конечно, понимал, что спасти Светку вряд ли удастся. Но зато при ее помощи белым халатам удастся побольше узнать о природе нейрофона, и, быть может, в будущем это спасет не один десяток жизней инфицированных. Думаю, Светка это тоже понимала и добровольно шла на роль подопытной.

ГЛАВА 11

Здесь в Скобе у Фимы был перевалочный пункт. Местонахождение лаборатории держалось в строгом секрете. Что в общем-то и правильно, в особенности в свете последних событий. Лекарь принимал в трехкомнатной квартире пациентов и необходимые медицинские материалы от поставщиков, которые потом перевозил своими силами в лабораторию. Квартира досталась по наследству от погибшего сопротивленца. Имя этого доброхота вряд ли сейчас кто-либо вспомнил бы. Время в эпоху нейрофонов обесценилось и текло ускоренно.

Лекарь отвел Светку в спальню, где предложил ей подремать до утра. Потом они поедут в лабораторию. Затем вернулся ко мне. Я к этому времени обосновался на кухне, поставил чайник на плиту, дождался, пока он вскипит, и заварил чайные пакетики на двоих. Его очень интересовали события той страшной ночи, когда я потерял команду. Я не стал его разочаровывать и все детально рассказал. Поведал также о своих подозрениях, только фамилий не называл. К сожалению, сейчас я не мог никому доверять. А вдруг Фима связан с предателем и сам работает на «охваченных»? От этой мысли за километр отдавало безумием, но сейчас

все было безумным. Тут уж ничего не попишешь. Когда я закончил, Лекарь рассказал мне, что творилось у сопротивленцев, пока меня не было.

— Та ночь — это полный кошмар. Не только твоя группа пострадала. Хотя, конечно, таких серьезных потерь больше не было. Накрыли еще группу Боцмана и Барабана. Ребята Боцмана отбились. Потерь почти нет. У Барабана похуже. Трое погибших. Четверо ранено. Еще две группы снялись с конспиративных квартир накануне и избежали зачистки. Так что по поводу крысы, по-моему мнению, ты полностью прав. Окопалась где-то жирная. И ведь, словно назло, именно сейчас, когда сопротивление только начало набирать силу.

Фима дело говорил. Еще несколько месяцев назад никакого сопротивления не было в помине. Так, разрозненные партизанские отряды, работающие в городе. Вольные охотники на «охваченных». Шуму много, а эффективности ноль. Тогда-то Андрей Кожухов, лидер одного из отрядов, предложил организовать военный совет. Нельзя же по подворотням до конца века бегать да «охваченных» по одному отстреливать. К тому же имелся неразрешимый этический вопрос, как относиться к «охваченным». Все ли они перестали быть людьми и заслуживают смерти. Одни высказывали радикальные взгляды, что все. Другие предостерегали: тут разобраться надо. Третьи вообще выступали против отстрела «охваченных», так как считали их больными, сродни наркоманам. Не станешь же ты, как в каком-то диком Китае, всех «охваченных» к стенке ставить. Их лечить надо, а стремиться к уничтожению первопричины.

Кожухов предложил встретиться и все обсудить. Я тогда только-только встал во главе своей команды, и из всех партизанских отрядов мой был самый маленький, а значит, и голос мой был самый слабый, с которым можно было не считаться. Совет состоялся, по его итогу было принято решение об объединении движения, организации руководящего штаба, для координации которого из числа партизан был выбран координатор, Мишка Бражников по прозвищу Шахматист, и выработке единой стратегии борьбы. Как потом выяснилось, таких координаторов было как минимум трое. Они знали друг друга в лицо. Каждому подчинялись определенные группы повстанцев, но вот рядовые сопротивленцы о существовании других групп не знали. Это было сделано в целях безопасности. В случае, если накроют одну ветку сопротивления, другие продолжают борьбу.

Как недавно и в то же время давно это было. И вот сейчас «охваченные» стали наносить удары, и цель их — развалить единое повстанческое движение. Так я видел эту ситуацию, и это мне не нравилось.

— На днях должно состояться совещание командиров отрядов по сложившейся обстановке. На меня давят, требуют, чтобы я в кратчайшие сроки изобрел вакцину от нейрофона, но пока что мы дальше первичных обследований не продвинулись, — произнес Лекарь.

— Вы хоть знаете, что это за дрянь?

— Нет. Есть версии, но ни одна не получила фактического подтверждения. Так что ставим опыты и ломаем головы, — сказал Лекарь.

— Честно скажи, Светку избавить от этой дряни сможешь? — спросил я.

— Попробую. Но вряд ли. Если все так, как ты описываешь, то процесс зашел слишком далеко.

— И что с ней будет?

— Процедура обыкновенная. Ей предоставят выбор. Так как она из наших, просто отпустить на волю мы ее не можем. Так как все, что она знает, тут же станет известно кукловодам. Поэтому выбирать придется между немедленной смертью или добровольной помощью. Если выберет второе, то мы погрузим ее в непрекращающийся сон и будем ставить опыты. Парочка таких ребят у нас уже есть в лаборатории. Если же выберет смерть, то отвезем за город, куда-нибудь в красивое место. И там...

— Дальше можешь не рассказывать, — мрачно попросил я.

— Сейчас война идет. Человечество пытаются привести к единому знаменателю посредством нейрона. У нас есть выбор: либо подсесть на нейрон, либо быть уничтоженными. И сантиментов никаких нельзя допустить, — попытался оправдаться Лекарь.

— Да понимаю я все. Только вот все равно мерзко это, — сказал я.

— А кто говорил, что будет легко? Как говорила моя бабушка Соня из Одессы: «У всего есть своя цена. Хочешь, плати. Не хочешь, проходи дальше, не задерживай очередь». Я тебе уже говорил, что Шахматист очень хочет с тобой пообщаться?

— Да. Успел.

Я отхлебнул чай. Хороший заварился, крепкий. Как я люблю. Даже удивительно, что такой вкусный из пакетика получился.

— Не хочу я, понимаешь, с пустыми руками к Шахматисту идти. Мне хотя бы версии отработать надо, чтобы было что предъявить. Думаю с Барабаном встретиться. Не подскажешь, где его найти можно?

— Шахматист сказал, что после погрома Барабан ушел в трехдневный запой. А квасит он у себя в гараже, подальше от жены. Ей говорит, что в командировке. А сам в гараже запирается и отрывается по полной программе.

Лекарь взял из держателя в виде деревянной рыбки салфетку и написал мне адрес гаража Барабана.

В молчании мы допили чай, и Лекарь проводил меня до дверей. На прощание он пожелал мне:

— Ты с Шахматистом не затягивай.

— В обед позвоню, — пообещал я и шагнул за порог.

Откладывать визит к Барабану я не стал. Как говорили в старом фильме: «Куй железо, не отходя от кассы». Покинув перевалочный пункт, я спустился во двор и сел в машину. Старушка завелась не сразу, заставив меня немного понервничать. Угонять третью тачку за сутки даже я считаю перебором. Я активировал нейрофон и загрузил «Схему». В голове зашелестел навязчивый шепот. Введя координаты гаража Барабана, я проложил маршрут. Да что за беда такая?! Мне опять на другой конец города тащиться. Да еще в такую тмутаракань. Район Ульяновки, проспект Народного ополчения. Весьма революционное название, подходит для Барабана. Помнится, несколько лет назад, при прежнем губернаторе пошла волна сноса гаражей. И тогда многие гаражные кооперативы были закрыты. Но Барабану повезло. Его маленький

анклав свободы был обойден стороной. Иначе где бы он прятался от жены и снимал стрессы?

С Барабаном мы познакомились несколько лет назад. Еще во время партизанщины. Он тогда водил отряд на юго-западе. Громил точки продажи нейрофонов и игровые клубы. Помнится, тогда его персона ценилась весьма высоко. «Охваченные» мечтали его поймать и судить по закону Линча, то есть казнить на месте. Но хитрец не давался. Все время ускользал из расставленных силков. Он тогда вышел на меня и предложил совместную операцию. Ему не хватало людей. Я согласился. Мы здорово повеселились, когда разнесли клуб Дикого Запада. Никогда не любил всех этих ковбоев, Чингачкуков и перекати-поле. Потом наступило время объединения, и с Барабаном мы пересекались часто. Но вот работать вместе больше не доводилось.

Я выскочил на кольцевую и втопил педаль газа в пол. Можно было, конечно, визит отложить до утра. Только вот время дорого. Да и утром Барабан будет не в лучшем виде. Хотя и сейчас гарантированно он не в кондиции. Звонить на телефон бесполезно. Ночь на дворе. Принципиально не поднимет. Так что придется разбудить здоровяка.

Добрался до юго-запада я быстро. Съехал на кольцевую в районе Дачного кладбища и уже через десять минут заезжал на территорию гаражного кооператива. Найти среди одинаковых бетонных коробок нужную оказалось затруднительно. Лекарь указал 324-й бокс, но коробки с таким номером не было. Пришлось применить дедуктивный метод. И через пару минут я уже стучался в запертые изнутри ворота.

Открывать мне не хотели. Делали вид, что никого нет. Параллельно я стал названивать Барабану на трубку. В результате дверь открылась и наружу высунулась большая лохматая голова, похожая на вырванного из зимней спячки медведя.

— Гладиатор, ты чего, сбрендил? —дохнул на меня перегаром Барабан. — Ты на часы смотрел или как?

— Дело есть. Срочное.

— Дела сам знаешь где. Проходи.

Барабан посторонился, впустил меня внутрь, придирчиво осмотрел пустой коридор между гаражей, нет ли кого подозрительного, и запер дверь. Большую часть гаража занимала старенькая белая «Мазда». Протиснувшись бочком вдоль нее, я оказался в закутке, где стоял верстак с маленьким телевизором, продавленный диван, застеленный лоскутным одеялом, и стол, заставленный бутылками. Судя по батарее полных патронов, Барабан собирался еще несколько дней не выбираться из укрытия. На диван я садиться не стал, забрался на верстак. Чувствовал себя при этом весьма по-дурацки, словно птица на жердочке. Но другого места примостить свое седалище я не видел.

— И чего за дело-то в три ночи? — недовольно пробурчал Барабан.

Выглядел он, конечно, помято: старые потертые джинсы, майка-алкоголичка и домашние тапочки на босу ногу. Густая черная борода торчала клочками в разные стороны и походила на разоренное птичье гнездо. Барабан плюхнулся на диван, взял стакан, налил себе водки и залпом опрокинул. Поморщился и сказал.

— Тебе не предлагаю. Ты за рулем.

— Чего сорвался-то? Вроде ты раньше после неудачных операций в запой не уходил, а копытами землю рыл, чтобы ситуацию поправить?

— Задолбало все. Спекся я, кажется. Когда на твоих глазах друзья погибают и ты ничего не можешь сделать, начинаешь во всем сомневаться. Бессмысленность всего видишь. Это вторжение, Гладиатор, а мы всего лишь помеха на пути, которую рано или поздно уничтожат. Ты представляешь, меня даже водка не берет.

Барабан налил второй стакан и выпил.

— У тебя хоть кто-то выжил. А у меня все погибли. И я топлю себя в отчаянье? Если сложить руки, тогда нас точно передавят. И ребята останутся неотомщенными. А это, сам понимаешь, нельзя так просто оставить. Око за око, — жестко произнес я.

— Понимаю я все. Только вот сил больше нет. Поэтому и заперся тут. Тонька думает, я в Кострому улечу. А я тут бухаю и молюсь, чтобы это помогло. Мне надо мозг перезагрузить, и тогда силы появятся для новых подвигов.

— Кто у тебя? — спросил я.

— Новиков, Новоселов, Белецкий. Да четверо на больничке: Шаманов, Усов, Коротков, Четверг.

Я знал всех этих людей. Хорошие бойцы, профессионалы. С Семой Новиковым, Гришей Шамановым и Кириллом Усовым доводилось раньше работать. Они из старой команды. Остальные новички.

— У меня только Светка Цыплакова выжила, если можно это так назвать. Ее с Рубиком схватили, посадили на нейрофон. Когда я их освободил, поздно было. Дрянь прочно выросла. Рубик вырвал ее и умер. А Светка у Лекаря. Фима говорит, без шансов.

— Дерьмо, — выругался Барабан.

Рука потянулась к стакану, но он сам себя одернул.

— Что было у тебя в разработке?

— Мы вычислили оружейника и собирались его накрыть.

— Такая же история. Тебе не кажется это все странным?

— Дерьмо все это. Вонючее дерьмо. Нас слил кто-то из своих, — поделился соображением Барабан.

— Я тоже об этом думал. Только вот кто?

Барабан запустил руку в бороду и сжал ее в горсть. Крепко задумался, судя по хмурому выражению лица.

— Мне даже думать об этом противно, — сказал он через минуту.

Похоже, водка все-таки делала свое дело. Но ничего, и не таких на свет выводили.

— Кто о вашей лежке знал?

— Это новая точка была. Раньше ее не использовали. Не знаю. Надо подумать.

— Хорошо, кто вас на эту точку вывел? — настаивал я.

— Заноза. Бурлян.

— Уже хорошо. Кто еще из посторонних мог знать?

Барабан крепко задумался. Судя по всему, без должной смазки мозги его сейчас плохо работали. Или наоборот, смазки было слишком много.

— Корнилов вывел на оружейника. Мы с ним на хате встречались. Да Прапор привез оружие. Больше никто. Остальные все наши. Если кто из группы болтанул по неосторожности... может, конечно, быть. Только вот я сомневаюсь. У меня ребята все проверенные. Других не держим.

Итак, всплыли все три фамилии. Расклад тот же, что у меня. Почему-то я не был удивлен. Значит, я иду верным путем.

— Спасибо, Барабан, ты мне очень помог.

Он поднял на меня мутный взгляд и непонимающе потряс головой, пытаясь избавиться от тумана в мозгах.

— И да, завязывай ты с синькой. Ты нам в строю нужен.

— Завтра. Завтра завяжу. Слово, — сказал он.

Если Барабан пообещал, значит, слово сдержит. Завтра начнет тут порядок наводить, послезавтра в строй встанет.

Я направился на выход, довольный результатом встречи.

— Ромка, ты куда на ночь глядя поедешь? Может, у меня переночуешь? Вон в машине на задней сидухе можно очень комфортно расположиться.

— Спасибо за приглашение. Но я хотя бы часика четыре в своей постели давану. Завтра день тяжелый. Надо отдохнуть. Да тут к тому же недалеко.

Съемная квартира была под колпаком силовиков. Но на такой случай у меня была еще пара точек, где можно было отлежаться. К Эльфийке соваться посреди ночи неудобно, поэтому я решил заехать в центр, на Некрасова. Там у меня комната в собственности в коммуналке со сварливыми соседями и тараканами. Досталась в свое время от тетки. Продать ее не вариант. Коммуналка не поддается расселению. Кто только не пробовал. Сдать в аренду десять метров — таких идиотов нет. Так что болтается помещение на моей шее. Иногда я его как запасной аэродром использую,

но в очень редких случаях. Брезгую тараканами и недолюбливаю соседей. Но сегодня у меня нет выхода. Там хотя бы кровать нормальная. А тараканы, они на кухне, ночью я туда не попрусь, так что все нормально.

Знал бы я, что меня ждет в центре, лучше бы остался в гараже с Барабаном. Так по крайней мере безопаснее.

ГЛАВА 12

Когда я впервые побывал на улице Некрасова, то был несказанно удивлен. Я и не знал, что в двадцать первом веке в городе еще остались коммуналки. Думал, что это явление осталось в прошлом веке, вместе с распадом Союза, перестройкой и бандитским беспределом девяностых. Но оказывается, такие ареалы старого быта, заповедники советского уклада жизни, все еще существовали в городе. В основном они были в центре, где еще с двадцатых годов прошлого века путем объединения двух-трех дореволюционных квартир с разделением комнат перегородками на несколько появились первые коммуналки. Такие классические бараки на пять-десять семей с длинными коридорами и большой кухней с двумя-тремя плитами, где у каждой хозяйки есть свой угол, свой стол и шкаф с посудой. Здесь на старой кухне протекала большая часть жизни. Здесь люди обменивались новостями, сплетнями, ссорились, ругались, нередко дело доходило до рукоприкладства, и тут же мирились. А эти извилистые коридоры, куда за дефицитом места в комнатах жильцы выставляли весь свой хлам, но никогда холодильники, потому что не доверяли со-

седам. Мало ли, утром встанешь позавтракать, а колбасы и нету, и ищи потом, кто из двадцати соседей съел твой кусок. Не дознаешься. В ванную комнату попасть — это либо ночью, либо по предварительной записи, а воскресная сушка мокрого белья, вывешенного на веревках в коридоре, это отдельная песня.

Когда съехал от родителей, попробовал пожить в комнате. Вкусил всей этой коммунальной романтики в полном объеме и сбежал. Теперь оставалась последняя надежда, что рано или поздно появится какой-нибудь железобетонный риелтор, который сможет расселить эту квартиру. Но где найти такого дурака, кто бы ее купил за такие деньги. Ведь никто из соседей не хочет менять одну коммуналку на другую. Владелец кровных десяти метров мечтает получить приличную отдельную квартиру, пускай и на окраине города. Так и появляется гордиев узел, который разрубить ни у кого ни силы, ни воли нет.

И ведь соседи все люди по отдельности милые, добрые, но когда они находятся в пределах одного помещения под номером семнадцать по улице Некрасова, превращаются в коварных злодеев, которые так и норовят подгадить соседу, сделать ему похуже. Это все эмоции, раздражительность, накопленные за десятилетия вынужденного совместного проживания.

Меня здесь считали чужаком и всегда были недовольны, когда я приходил. Представляю, какую рожу состроят соседи, если увидят меня ночью в коридоре. А ведь обязательно пара-тройка любопытствующих не поленился, вылезет из-под одеяла и выглянет в коридор, чтобы проверить, кого это посреди ночи принесло.

Я отпер дверь ключом и осторожно вошел в коридор. Стараясь ступать так, чтобы ненароком ничего не опрокинуть и ничего не столкнуть, я закрыл дверь, запер ее и включил в коридоре свет. Как давно я был здесь в последний раз. Сильно отвык от такого нелепого нагромождения вещей. Сразу при входе в тамбуре я столкнулся с выставкой инструментов, развешанных по стенам, гвоздей и шурупов всех размеров в майонезных банках, стоящих на кривом стеллаже из ошкуренных досок. Это вотчина дяди Паши. Он помогал по хозяйству всем в коммуналке. Когда надо что отремонтировать, подкрутить, подшаманить, все шли к нему, поэтому он и держал инструмент всегда под рукой.

Миновав ремонтный сектор, я прошел дальше по коридору. Разуваться не стал. Не принято здесь так. Каждый к себе в комнату в обуви шел, так чтобы потом претензий к соседям не было: оставил башмаки в коридоре, а утром они мокрые от кошачьей мочи или вообще пропали.

Я шел и не узнавал коммуналку. Все декорации вроде на месте, но чего-то все-таки не хватало. Я даже остановился и прислушался к дыханию квартиры. И только тут меня осенило. Такое чувство, что жильцы все куда-то пропали. В былое время, стоило мне притащиться ночью, как человек пять в коридоре собирались и устраивали митинг по поводу того, что у кого-то нет ни стыда ни совести по ночам шататься да людей будить, которым завтра, между прочим, всем на работу. А тут ни одного любопытствующего персонажа, даже удивительно. Не нравилось мне это все. Ох, как не нравилось. На всякий случай я расстегнул плащ, так чтобы удобно было достать при надобности оружие, и заша-

гал к своей комнате. Таиться больше не стал. Проверим бдительность бабы Мани, которая вечно страдает бессонницей. Уж она-то точно должна выползти в коридор.

Я беспрепятственно дошел до своей комнаты, отпер дверь ключом и шагнул через порог. И словил сильный удар в голову. На ногах устоял, но приятного мало. Организм тут же перешел в боевой режим, второй удар я уже отвел в сторону и контратаковал. Что-то хрустнуло и мокро чавкнуло под моим кулаком. Кажется, я попал, но в сумерках ни черта не видно.

Я выпрыгнул назад в коридор, и обнаружил двух «охваченных», спешащих ко мне из кухни.

Теперь все встало на свои места. Эти твари каким-то образом разнюхали про коммуналку и организовали засаду. Вот поэтому соседи и сидел по комнатам тише воды, ниже травы. Запугали их знатно. Даже Петра Семеновича, полковника полиции в отставке. Уж на что крепкий орешек, столько криминальной шушеры расколол, и этот сдался.

В комнате я разобрал три силуэта. Все как на подбор крепкие, накачанные, словно отлитые из одной формы. С этими церемониться нельзя. Они меня жалеть не станут. Их надо сразу валить, если есть такая возможность. Я выхватил пистолет и открыл огонь на поражение. Судя по грохоту в моей комнате, как минимум в одного я попал. Это очень хорошо. Я тут же развернулся в сторону кухни, но выстрелить не успел. Сильный удар по руке. Я перестал ее чувствовать, а пистолет полетел в сторону ванной. В голову устремился кулак громилы, я увидел его. Мне удалось уклониться, но тут же прилетел удар в живот. Пресс выстоял, но приятного мало. Ощущение такое, слов-

но я своим телом скорый поезд остановил. Я рубанул справа в голову одному. Попал прямо в цель, но на громилу это не подействовало. Он только потрянул головой, точно избавляясь от назойливой осы, и попер на меня со всей дури. Второй «охваченный» даже не лез. Видно, мешать не хотел. Я угодил под лопасти мельницы, которые лупили по мне с бешеной скоростью. Долго я так не выдержу. Прыжок назад. Пара секунд форы, чтобы успокоиться и найти решение. Пара секунд — это так мало и в то же время целое сокровище. Я схватил со стены молоток дяди Паши и со всей дури лупанул им по «охваченному». Громила принял удар на руку. Что-то треснуло. Он уронил руку вниз, и я тут же ударил молотком ему по голове. В его глазах появилось удивление. Такого поворота событий он явно не ждал и, похоже, даже обиделся, а голова у него, точно из чугуна отлита, выдержала удар. Тогда я воспользовался замешательством противника и ударил молотком второй раз. Со второго удара громилу проняло. Глаза закатились, и он рухнул на пол. Не дав опомниться второму бойцу, я выхватил с пояса нож и отправил его в полет. Точно в цель, прямо в сердце. Теперь остались только ребята, сидевшие в засаде в моей комнате.

Они не заставили себя долго ждать и выскочили в коридор. Всего двое. У одного разбит нос, из которого сочилась на нижнюю губу кровь. Недолго думая, я метнул одному в голову молоток и выхватил из-за спины меч. Взмах и удар. Один «охваченный» падает на пол, заливая его кровью из рассеченного живота. Взмах и удар. Второй громила, ловко увернувшийся от молотка, встречается с клинком и падает на собрата.

Дело закончено, но наследил я знатно. Если полиция меня до этого не разыскивала, то тут точно возьмет след. Тем более столько свидетелей. Они, конечно, ничего не видели, по комнатам попрятались, носу не кажут, но замочные скважины никто не отменял. Остается только надеяться на коммунальное братство. Свой своего не выдаст. Скажут, что бандиты вломились да разборки между собой устроили. Бред, конечно, но тоже вариант.

Я перешагнул через одно тело, через второе и оказался возле дверей ванной. Поднял пистолет, засунул его назад в кобуру, зашел в ванную и включил воду. Быстро смыл кровь, умылся и направился на выход.

Лучше бы я у Барабана остался в гараже. Точно бы выспался, хоть и без комфорта. А теперь надо бежать отсюда подальше, а там уже можно будет в машине пару часов вздремнуть. Мало, конечно, но тоже хлеб.

Я бегом покинул старую коммунальную квартиру на улице Некрасова. Больше я сюда ни ногой. Оказавшись на улице, я решил, что откладывать встречу с Шахматистом больше нельзя. Утром сразу и позвоню.

Я сел в машину и завел мотор. Куда теперь ехать, черт его знает, но и на месте сидеть нельзя. С минуты на минуту здесь будет полиция, и район оцепят. Я вырулил в сторону «Маяковской». Доеду до метро и там решу.

ГЛАВА 13

Когда я проснулся, на часах было половина девятого утра. На улице сумерки. Накапывал дождик. Густые темные тучи медленно плыли по низкому небу. Ветер шевелил листья деревьев. Первые несколько се-

кунд я провел, как в анекдоте, пытаюсь осознать, где я нахожусь и кто спер палатку. Но потом вспомнил события предыдущего дня, и все встало на свои места.

Тело ужасно ныло, точно по нему отработали бейсбольными битами. В какой-то степени это походило на правду. Голова гудела. Под глазами точно свинцовые грузики подвесили. Хорошо я вчера погулял, ничего не скажешь. Можно, конечно, вколоть «Регенрон-2», только на полное восстановление у меня не было времени. Если бы я придавил подушку у себя в кровати, то, вероятно, чувствовал бы себя лучше. А так, на водительском сиденье в скрюченном состоянии, только добавил напряжения организму. Но грех жаловаться. Хорошо хоть так отдохнуть удалось.

Я поднял водительское сиденье до нормального состояния и осмотрелся. Убей не помню, где нахожусь и как сюда заехал. Все делал на чистом автомате. Хороший дворик, уютный. Много зелени, детская площадка, и уже одна мамаша с коляской на прогулке. И это в такую рань. Хмурый мужик с нейрофоном выгуливает собаку. Судя по выражению лица, он сейчас в виртуальном мире. И на удивление мало машин. На центр города это не похоже.

Я достал из плаща сотовый и выбрал в адресной книге номер Шахматиста. Ответили сразу. Ровный, чуть с хрипотцой голос Шахматиста.

— Рад слышать тебя здоровым, Гладиатор.

— Извини, Миша, что сразу не позвонил. Но меня плотно обложили. Пока разобрался...

— Лекарь просил передать, что Света в лаборатории. Над ней уже работают. Пока все.

— Спасибо. Встретиться надо, — предложил я.

— Согласен. «Бахрому» на Петроградке знаешь?

— А то как же.

— В одиннадцать там. Угощу тебя завтраком.

Соединение прервалось. До одиннадцати еще два с половиной часа, и как мне убить это время, никаких соображений. Но для начала надо вырывать отсюда, пока подозрительные жители не вызвали полицию просто так, ради подстраховки. Мало ли какой тип полночи в машине просидел. Может, это террорист.

Я завел мотор и выехал со двора. Оказалось, я в районе Купчино. Недалеко от конспиративной квартиры. Постепенно события стали восстанавливаться в памяти. После боя в коммуналке я как ошпаренный выскочил во двор и уехал в неизвестном направлении. Когда опомнился, оказалось, что я уже в районе «Волковской». Пролетел до «Международной» и там, чуть не доехав до проспекта Славы, зарулил в первый попавшийся двор. Спрятался от любопытных глаз. Хорошо, что хвоста за мной не было, а то взяли бы тепленьким. Сил на сопротивление у меня уже не было.

Два с половиной часа я колесил по городу бесцельно. От нечего делать я включил нейрофон и загрузил «Рим-онлайн». Картинка вокруг тут же преобразилась, и я оказался в колеснице, запряженной парой коней, которые мчались по широкой магистрали. Вокруг мраморные дворцы и доходные дома. И множество колесниц движутся в обе стороны по мощенной булыжником дороге. Вдоль домов прогуливаются богато одетые горожане. Изредка встречаются случайно затесавшиеся в толпу бедняки в рванине, пришедшие

из низин. Подстегивая лошадей, я гнал колесницу вперед, наслаждаясь скоростью и реалистичностью картинки.

В «Бахрому» я приехал первым. Не стал ждать Шахматиста. Заказал манты, салат с фасолью и бараниной, горячую лепешку с мясом и чайник черного чая. Ждать заказ пришлось недолго. Через двадцать минут на столе стоял мой заказ, и я, вооружившись вилкой, приступил к завтраку.

— Смотрю, ты совсем оголодал, — заметил Шахматист, останавливаясь возле моего столика.

За окном сквозь тучи проглянуло солнце, столь редкое явление в питерской действительности. Впрочем, эта радость ненадолго.

Михаил Бражников, по прозвищу Шахматист, выглядел как директор крупной компании. Сухой, подтянутый, интеллигентного вида, в строгом костюме, в прямоугольных очках. Точеное лицо, большой горбатый нос, глаза с прищуром цвета болотной ряски, короткая щетина волос на квадратном черепе и круглое родимое пятно над левым глазом. Расстегнув пиджак, он присел на диван напротив меня. Тотчас подошел официант и принял заказ. Шахматист был скромен в утреннем аппетите. Кружка американо и блинчики с вишневым джемом. Официант, из «охваченных», записал в блокнотик заказ и ушел. Судя по отсутствующему выражению лица, он совмещал работу с игрой.

— Про твою беду я в курсе. То, что отлеживался, молодец. Что за ребята вернулся, спасибо. Настоящий мужик. Со Светой уже поговорил дознаватель. Она все рассказала про Рубика. Мне очень жаль. Про

хвосты потом расскажешь. Ты мне сейчас главное поведай, что ты думаешь по всему этому поводу.

Шахматист впился в меня колючим взглядом. Я словно на детекторе лжи оказался. По спине побежали мурашки.

— «Куклы» не случайные были. Это подготовленная операция. Провели ее силами «Черного корпуса» из игровой вселенной «Темного мира». Все было четко отработано. Мы даже опомниться не успели. И это указывает на то, что среди нас завелась крыса. Ты сам говорил, что такой расклад возможен. Делился подозрениями пару недель назад, и вот, считай, мы получили подтверждение.

Я выложил ему свои умозаключения, не забывая пережевывать манты. Поведал я ему и о трех подозреваемых. Высказал все свои соображения, которые сводились к формуле: «кто-то из них, но я в это не верю». Рассказал, что встречался с Барабаном, и тот со мной полностью согласен. Заодно попросил, чтобы Шахматист отправил к нему вечером пару ребят для подстраховки. Барабану надо помочь выйти из пьянки без последствий для организма, и так, чтобы процесс не растягивать.

— Значит, думаешь на Прапора, Занозу и Корнилова, — задумчиво произнес Шахматист.

Он взял чашку с кофе и сделал маленький глоток. Черт возьми, он даже кофе умудрялся пить с таким видом, точно делал кофе одолжение. Вот что значит порода. Вот что значит воспитание.

— Я ничего не думаю. Я варианты раскидываю. И выходят только эти три козыря. Других просто нет.

— Что делать намерен? — спросил он.

— Думаю заняться поисками крысы. Да надо все-таки оружейника за жабры брать. Вот две задачи на ближайшее будущее, — не задумываясь, ответил я.

— Один ты не справишься. Тебе нужна команда. Я подумаю над этим. Вечером тебя наберу, скажу свое решение.

— Шах, давай я один. Так мне проще, да и не готов я на себя груз вешать, — признался я.

— Этот вопрос не обсуждается, — отрезал Шахматист.

Он это так сказал, что непонятно стало, обо мне он заботится или подозревает меня и не хочет оставлять без присмотра. На его месте я не стал бы скидывать и такой вариант со счетов.

— Ситуация в городе тяжелая. И ухудшается с каждым днем. «Неохваченных» прессуют повсюду. За последние два дня участились случаи открытого нападения «охваченных» на улицах и в общественных местах на «неохваченных». «Куклы» ведут себя очень дерзко и, самое главное, чувствуют свою безнаказанность. Даже если полиция задерживает их, то тут же отпускает. В рядах полиции «охваченных» тоже хватает и на высших уровнях, и в низовых подразделениях. Среди управляющего аппарата сопротивления нет единого мнения относительно происходящего. Ты сам это знаешь. Одни считают, что это проект оппозиции и финансируется с Запада. Другие считают, что это свои пытаются таким образом навести порядок в стране. Нет никого послушнее, чем «кукла». Третьи считают, что «охваченными» управляет кто-то еще. И есть единый центр управления.

— Ты знаешь, я как раз за третью версию. Для оппозиции и наших это очень сложный и в то же время лобовой проект. Они бы не потянули.

— Да. Точно так. И соответственно есть три пути решения ситуации. Одни считают, что надо физически устранять «охваченных» и это решит проблему. Другие считают, что надо найти управляющий центр и уничтожить его. И тогда все пройдет само. Третьи считают, что мы должны найти способ нейтрализации нейрофонов. И каждая партия тянет одеяло на себя. В результате среди сопротивленцев нет единства. И этот разброд и шатания заметно нас тормозят. А за последние три дня нападения на конспиративные квартиры, разгром трех боевых групп. И последняя сводка по городу показывает, что кто-то начал методический отстрел видных фигур среди сопротивленцев. Я считаю, что кто-то сознательно пытается развалить наше движение и делает все, чтобы развести людей в стороны. Мы еще помним времена партизанщины. И если мы не найдем крысу и не уничтожим ее, то скоро вернемся в это дремучее время. А с отдельными партизанскими группами легче справиться. Задавить по одному, и всего делов-то.

Шахматист отпил кофе, аккуратно разрезал блинчик, намазал его вишневым джемом и отправил в рот.

— Как мы докатились до такого? — задумчиво произнес я.

— Почему мы? Весь мир докатился. Эпидемия нейрофонов коснулась всех. Только мы не знаем, есть ли в других странах повстанцы, не согласные с новой дополненной реальностью. Мы первыми очнулись. Помнишь дело Феникса. Я тебе о нем рассказывал.

Я согласно кивнул.

— Надо копать в сторону «Лоджитека». Эта компания завезла нейрофон на российский рынок. И что самое интересное, у нее нет других продуктов. Она была создана под нейрофоны. Так что все ниточки ведут туда.

Я вспомнил, что Степа Корнилов как раз в «Лоджитеке» работает, но не стал об этом говорить.

— Команду для тебя я подберу. Есть уже мысли. Оружием и прочим снабдим. Прапора для этого задействовать не буду. А ты пока начинай копать. Советую поговорить с нашим человеком в полиции. Он может помочь тебе пробить подозреваемых. У него там какая-то неприятность недавно случилась. Так что смотри.

Я кивнул и забросил в рот вилку салата.

— У тебя есть где остановиться? — спросил Шахматист.

— Сниму угол. Не переживай. На конспиративную квартиру не поеду. Пока крысу не вычислим, это опасно.

— Согласен с тобой.

Шахматист подозвал официанта и попросил принести счет. Я хотел разделить счет, но Миша Бражников отверг все поползновения. Оплатил все сам.

— До связи вечером, — сказал он на прощание и ушел.

На тарелке остался недоеденный блин.

«Бахрома», конечно, место хорошее, но завтракать там, если каждый день, то накладно.

Я неспешно закончил завтрак и вышел на улицу.

ГЛАВА 14

Первым делом найти квартиру на ближайшее время, чтобы было куда возвращаться на ночь. Ночевать в машине две ночи подряд — это вообще не вариант. Я решил позвонить Эльфийке и попроситься на постой. К тому же я обещал ей заглянуть на огонек, а слово надо держать. Катька сразу откликнулась на звонок, но когда я намекнул, что приеду в гости, тут же дала задний ход. У нее нашлись срочные дела на вечер, и вообще ночью она собирается к подруге плести макраме или что-то подобное (признаться, отговорки я сразу пропустил мимо ушей, почувствовал, что врет). Подозрительное поведение. Вчера у Катки было полно свободного времени и она рада была меня видеть, а сейчас пыталась избавиться, точно от назойливого бывшего.

Напоследок она бросила фразу, которая мигом все расставила на свои места.

— Не впутывай меня во все это, Гладиатор.

Теперь все понятно. Нейрофонная почта принесла ей новости о разыскиваемом преступнике или что-то подобное, и она решила соскочить с поезда, пока он не рухнул в пропасть. Я ее не осуждал. В конце концов, я ей не брат, не возлюбленный и даже не друг. Так, старый знакомый, соратник по нейрофонным играм.

Значит, остается только один вариант — снять угол, пока все не уляжется. Я загрузил нейрофон и вошел в сеть. На доске бесплатных объявлений я выбрал раздел «Сдам — сниму» и стал прокручивать объявления в поисках подходящего. В конце я отобрал три вари-

анта, обзвонил их и договорился о встрече. Посещать все точки я не собирался. Понравится где-то, возьму не задумываясь, а остальные просмотры отменю.

Первый адрес находился на улице Решетникова прямо напротив рынка. Однокомнатная квартира с хорошей планировкой и большими комнатами. Место — идеальнее не придумаешь. Только по деньгам больно дорого, да машину припарковать негде. Все дворы забиты, словно шпротами консервная банка. Денег не жалко. Мое осадное положение долго не протянется. Но вот искать постоянно, куда приткнуться свои колеса, нет уж, увольте. Это не для меня.

Второй адрес мне понравился больше. Площадь Конституции, Ленинский проспект, сто шестьдесят четвертый дом. Можно припарковаться во дворе, если места не заняты, можно и на парковке возле Дома Молодежи. Там, конечно, монету-другую сдерут, но это оперативные расходы. Однокомнатная квартира на первом этаже. Типичная хрущевка. Небольшая кухня, совмещенная ванная с туалетом и спальня с гостиной в одном флаконе. Важный плюс — есть стиральная машина. Работа у меня грязная, одежду простирнуть после операции святое дело.

Хозяин попался больно разговорчивый. Невысокого роста мужичок, лет пятидесяти, волосы жидкие, черные, глаза масляные, выдающаяся вперед челюсть доисторического человека. Он много говорил, показывая квартиру, и сперва я пропускал его слова мимо ушей. Поддакивал что-то в ответ. Но потом зацепился за знакомое слово и прислушался. Оказывается, Михаил Игнатьевич, так звали хозяина, делился своими соображениями относительно «неохваченных».

— Район у нас спокойный. Только вот вчера возле «Пятерочки» драка была. Компания «неохваченных» пристала к молодежи. Чего они хотели, не знаю. Я собаку выгуливал. Слов не слышал. Но слово за слово, и полезли они пацанов с нейрофонами звездюлить. Мат стоял на три этажа. Варвары, а не люди.

В левом ухе Михаила Игнатьевича красовался новенький нейрофон. Похоже, он из совсем свежих адептов гаджета.

— И чем закончилось?

— Да «охваченные» клич кинули. Тут же им на помощь еще десять человек подкатило. Ну и навалили они варварам по самое не балуйся. Потом, понятное дело, полиция приехала, всех повязали. Только они быстро во всем разобрались. К вечеру всех «охваченных» отпустили. Я почему знаю. У меня там знакомый парнишка. Колька Коновяз из соседнего дома. А «неохваченным» хулиганку шьют. Говорят, дело в суд передавать будут.

История, конечно, полезная. Ребят жалко, но, думаю, ими уже занимаются наши. Так что ничего серьезного не случится. Найдут способ отмазать. Но слушать хозяина я уже не мог, а он, как назло, не мог остановиться.

— Я вообще этих «неохваченных» на дух не переношу. Ненадежные они. Свиньи грязные, доверять им нельзя. У меня тут как раз раньше пара жила с ребенком. Так они постоянно оплату задерживали. А потом я выяснил, что они кошку завели, без моего разрешения. Так она мне тут все углы обоссала. А я их предупреждал, что никаких домашних животных. И еще по квартплате два месяца долг накопился. У вас, часом, аллергии на кошек нет?

— Нет.

— Это хорошо. Так семейка эта как раз из «неохваченных» была. Я их и вышиб. А про себя решил, что квартиру теперь только «охваченному» сдам. Это люди порядочные. Они толк во всем знают. И никогда не обманут. Вот поэтому я вас про нейрофон по телефону и спрашивал.

Интересно, Михаил Игнатьевич давно ли в лагерь «охваченных» перешел? Может, его раньше самого притесняли на работе, в быту, и вот он на последние деньги купил нейрофон, чтобы не выделяться из толпы. Я таких историй много знаю. А теперь, чтобы опять же из толпы не выделяться, строит «неохваченных» и ругает их на чем свет стоит.

— Я не понимаю этих упрямцев. Чего им стоит нейрофон купить. Все же купили. Вот и они бы тоже. Стали бы как все. И тогда вопросов к ним не было бы. Ничего, скоро «неохваченные» сами вымрут как явление. Это предыдущая ступенька эволюции. Будущее за нами. Я вообще считаю, что скоро наши ученые научатся копировать сознание человека на нейрофон, и тогда наступит эпоха бессмертия. Вот так-то. Мы все обречем вечность.

Больше слушать эти бредни я не мог. С меня хватит. Я прервал поток размышлений Михаила Игнатьевича прямым вопросом:

— Сколько стоит?

Хозяин назвал цену. Она меня устраивала.

— Беру.

Я достал бумажник.

— А вы что, прямо сейчас хотите?

— Внесу предоплату за первый и последний месяц. Договор можете завтра подвезти. Подпишу. Но ключи мне нужны сейчас.

— Приятно видеть серьезного человека, — сказал Михаил Игнатьевич, увидев деньги.

С трудом удалось от него избавиться. После того как он передал ключи, стал активно намекать, что недурно было бы сбрызнуть новоселье. А у него по такому случаю даже бутылочка припасена. Я держался твердо, и в конце концов он ушел.

Я бросил рюкзак на кресло, снял плащ, амуницию и прошлепал в ванную.

Нет ничего лучше прохладной воды после тяжелой трудовой смены. Я наслаждался в душе минут тридцать. Потом вытерся махровым полотенцем, которое висело на полотенцесушителе, и прошел в гостиную.

Первым делом я разобрал диван и застелил его хозяйским постельным бельем. Заниматься этим вечером после операции сил не будет. Потом я включил нейрофон и просмотрел новости. Ничего про сражение на Бухарестской и про меня не было. О бое на улице Некрасова также никто не упоминал. Это хорошо. После этого я решил воспользоваться советом Шахматиста и набрал знакомого полицейского.

Майор Даниил Щеглов уже давно работал на сопротивление. Помогал по официальным каналам, прикрывал наши операции. В общем, делал все, что в его силах. Вот и сейчас мне требовалась его помощь. Кто, как не он, может быстро пробить всех подозреваемых и указать, где я могу их найти.

Трубку долго никто не брал. Потом механический голос сообщил, что «абонент не отвечает», как будто я это сам не знал, и предложил перезвонить попозже. Я решил проявить настойчивость и набрал номер снова.

На этот раз мне повезло. Щеглов тут же снял трубку.

— На проводах, — сказал он.

— Даниил Дмитриевич, рад вас слышать. У меня есть маленькое дело. Хотелось бы встретиться.

— Ром, у меня сейчас полный аврал. Так что не продохнуть. А вот часам к шести подъезжай. Поговорим.

Я поблагодарил его и повесил трубку. Кажется, все складывается удачно.

До шести полно времени, и я решил его потратить с толком. А именно выпасться, если получится, конечно. Я забрался в кровать, и стоило голове коснуться подушки, как я тут же заснул.

В последнее время я не вижу снов. Вот и сейчас просто провалился в черный омут, из которого меня выдернул настойчивый телефонный звонок. Я с трудом продрал глаза, нашел трубку, хотел было запустить ею в стену, но увидел, что меня ищет Шахматист, и ответил.

— Надеюсь, не отвлекаю ни от чего серьезного.

— Говори, — зевнул я.

— Бригада для тебя готова. Можете завтра заступать на объект. Сегодня вечером часиков в девять можешь подъезжать в контору. Там с народом познакомишься. Да ценные указания получишь.

Когда мы общались по телефону, всегда старались говорить иносказательно. Мало ли, работает прослушка. Вот и сейчас Шахматист остался верен традиции. Он упомянул слово «контора», и я сразу понял, куда ехать. Если бы сказал «офис» или «склад», это мне указало бы на другие адреса. Тут все продумано.

— Хорошо. Буду. Форма оплаты?

Я указал Шахматисту, что с финансами туго и пора бы подкинуть денюжат.

— Наличные. Аванс привезу.

На этом мы распрощались, и я повесил трубку.

Часы показывали четыре часа дня. До встречи оставалось всего ничего. Правда, тут ехать минут двадцать от силы. Отделение полиции, которое возглавлял Щеглов, находилось за парком Победы на улице Космонавтов. Так что рукой подать.

В желудке урчало от голода. Завтрак в «Бахроме» давно остался лишь в воспоминаниях. По дороге до адреса я видел неплохое место — сетевой грузинский ресторанчик «Чито-Гврито». Там можно было недорого и вкусно пообедать. А еще там очень вкусное грузинское пиво «Натахтари». Жалко, что я за рулем, а то обязательно взял бы себе пару кружечек.

Я вышел из дома, запер двери, спустился во двор и сел в машину. Через пять минут я уже сидел за столиком в кафешке и листал меню. Я взял себе хачапури по-мегрельски, шашлык из баранины в кецах и отварную картошку, попить чайничек чая и бутылку тархуна «Натахтари».

Ждать пришлось недолго. Через пятнадцать минут я уже ел картошку и шкворчащее на чугунной маленькой сковородке мясо. Закусывал все это хачапури и запивал чаем. Изумительная вкуснятина. Тархун я взял с собой.

Через полчаса я закончил обедать, расплатился по счету, дал улыбчивой официантки чаевые и вышел на улицу.

Пока я сидел в кафе, начался холодный осенний дождь. Я поднял воротник пальто, вжал голову в пле-

чи и бросился бегом к машине. Зонтики я не любил. Они у меня никогда не задерживались. Я либо их терял, либо они ломались. Хотя по нашей погоде без зонтика ни зимой, ни летом никуда. Несмотря на все ухищрения, я основательно намок.

Машина взревела мотором, и я отправился на встречу с майором Щегловым.

ГЛАВА 15

Перед отделением полиции стояли служебные машины, возле них топтались люди в погонах, курили и что-то обсуждали. Знакомые все лица, хмурые и нервные. Проходя мимо, я поздоровался. В ответ лишь получил недоверчивые озлобленные взгляды да невразумительное бурчание. Что это с ними?

За зарешеченным окошком регистратуры сидел сержант Иван Медведев, старый знакомый. Время от времени мне приходилось работать с ним в связке. Увидев меня, он приветливо улыбнулся и протянул руку.

— Здорово, Роман.

Я пожал ему руку и спросил:

— Что у вас тут творится? Чего все такие злые?

— Лучше не спрашивай. Щеглов тебе все объяснит, если захочет.

— Он у себя?

— Рапорты пишет с утра. Ему теперь бумажной работы до самого морковкиного заговения.

— Нет, ну что у вас тут произошло-то? — настойчиво спросил я. — Все как будто в жопу ужаленные.

— Ну, если кратко, очередные проблемы с «охваченными». Вроде разгребли, только какие будут по-

следствия... Иди уже. Майор сегодня и так нервный. Если назначил тебе время, лучше не опаздывать.

Я поднялся на третий этаж, прошел длинным безлюдным коридором и остановился перед дверью, на которой висела табличка «Даниил Дмитриевич Щеглов». Постучал и, не дожидаясь приглашения, вошел.

Майор сидел за столом возле компьютера и двумя пальцами набивал текст, сверяя взглядом каждую букву на клавиатуре и на мониторе. Процесс шел медленно, но Щеглов упорно трудился, не теряя терпения. Он даже на меня взгляда не поднял, махнул рукой в сторону кресла, приглашая присесть, и продолжил процесс.

Спустя четверть часа он победно ударил по клавиатуре в последний раз и торжествующе посмотрел на меня.

— Ну, теперь можно и по пятьдесят.

Он достал из тумбочки бутылку «Талки» и две рюмки.

— Не, Дмитрич, на меня не рассчитывай. У меня работы до конца месяца не расхлебать, — тут же запротестовал я.

Знаю я Щеглова, там, где по пятьдесят, будет и по сто, а дальше и третья бутылка закончится, и кто-то побежит в магазин. Я, конечно, не против культурно отдохнуть. Но сейчас не то время, чтобы отрываться. Сейчас надо проблемы решать, пока не завертелось по-крупному, когда уже и расхлебать не удастся.

— У всех работа, Рома. У всех, — авторитетно отверг мой аргумент Щеглов.

— Да ты что, я за рулем, — применил я запретный прием.

Майор даже обиделся.

— В кои-то веки в гости заглянул, а от рюмки по душам отказываешься. Как-то даже нехорошо. А я с твоего позволения выпью. Достали меня тут все. И все, надо сказать.

Щеглов налил в обе рюмки и залпом опрокинул одну за другой. Довольно крикнул и откинулся на кресле.

— Чего все мужики такие злые? Чего случилось?

— Бардак случился и свинство чистой воды. По-другому и не скажешь. Вчера парочку парней по хулиганке взяли из «охваченных». Они под градусом к девушке приставали, хотели ее в тачку усадить насильно да на природу вывезти. А девчонка без нейрона. Они к ней как к мясу относились, по-другому и не скажешь. Красивому такому куску мяса. Их даже не смутило, что рядом ее парень был, тоже из «неохваченных». Они его слегка порезали. Несколько царапин, но все равно неприятно. Ну, рядом патруль был из моего отделения. Они мужиков и свинтили. Упаковали эту парочку за решетку. При них еще колюще-режущее нашли, так что на статью наклевывалось солидную. Привезли, значит, стали оформлять. Протокол, опись, показания свидетелей. Девчонка в отказ пошла, мол, не было ничего, и так далее. Она из местных. Ее понять можно. Найдут потом да предъявят по полной программе. А парень, видно, обиделся, потому что показания дал. В общем, дело верняк. Можно отправлять дальше по инстанциям, но тут приключения и начались. Не знаю, откуда они все появились...

Щеглов наполнил обе рюмки и выпил одну.

— Короче, всего через пару часов возле отделения было человек двадцать «охваченных». Они были настроены весьма решительно. Мы думали, что все обойдется. Ну, пошумят, поговорят, поскандалят. Закроем парочку самых активных. На том все и разойдутся. Хрен там было. Эти молодчики пошли на штурм отделения. В общем, начался погром. Открывать огонь по мирному населению — так потом не отпишешься. Я запросил у руководства инструкцию по дальнейшему действию, но ничего толком не получил. Ребятам своим сказал держаться, огонь не открывать. Попытаться обойтись минимальными методами воздействия. В общем, повязали мы их. Синяков наставили. Ничего серьезного. Никого не зашибли, никому ничего не поломали. В камеры определили, дело завели.

Щеглов выпил последнюю рюмку и убрал початую бутылку в стол.

— А утром меня начальство на ковер. Так, мол, и так, почему самоуправством занимаюсь. Мирных граждан прессую. Полицейский произвол и все такое. Распоряжение четкое. Всех арестованных отпустить и извиниться. Мне и моим ребятам по выговору. Обещали штрафануть в конце месяца. Но самое тяжелое для парней — это извиняться. За что, спрашивается? Где справедливость? Вот они и злые весь день ходят.

— Если бы со мной так поступили, я бы тоже злился, — посочувствовал я. — Ничего, настанет и на нашей улице праздник. Я к тебе, Дмитрич, вообще-то по делу.

— Догадываюсь, ты просто так не приходишь. Что на этот раз?

— Нужно трех человечков пробить. Интересует все. Их адреса проживания, имели ли какие криминальные следы, где находятся сейчас.

— И как быстро?

— Еще вчера было нужно. Сам понимаешь, — ответил я.

— Опять «куклы»? — уточнил Щеглов.

— Нет. Наши ребята из повстанцев. Теорию одну кручу, вот хочу найти ее доказательства или опровержения. Тут как повезет.

— Темнишь ты чего-то, Рома. Ох, темнишь, — посмотрел на меня подозрительно Щеглов.

— Так сделаешь? — уточнил я, хотя не сомневался в ответе.

— Завтра к обеду подъезжай. С утра я в главке. И с тебя коньяк. Хороший. Когда все закончится, вместе и разопьем.

— Ну, это само собой.

— И ты не отвертишься. Можешь даже не мечтать, — погрозил мне пальцем Щеглов.

— О чем ты говоришь, — состроил я невинное лицо.

Я выходил из кабинета майора Щеглова в приподнятом настроении. Завтра у меня будет полный расклад по подозреваемым и можно будет вплотную ими заняться. Несмотря на то что работали мы в одном направлении, я практически ничего о них не знал. Где живут? Что едят? Чем дышат? Щеглов поможет восполнить пробелы. И тогда я встречу с каждым из них и побеседую по душам.

Хороший мужик майор Щеглов, правильный. И вокруг себя собрал правильных ребят. В городе это

практически единственное полицейское отделение, в котором работают одни «неохваченные». Маленький островок свободы, так сказать.

Контора находилась в Купчино. Как пел когда-то один российский блюзмен: «Купчино — столица мира». И ведь с этим не поспоришь. Все дороги ведут в Купчино. До места я добрался за полчаса. Постоял некоторое время в пробке на Славе, но все же прибыл с опережением графика. Улица Олеко Дундича, большой пятиэтажный дом, квартира на последнем этаже. Я поднялся на лифте и позвонил в дверной звонок. Ждать пришлось недолго. Дверь мне открыл молодой парнишка лет двадцати, короткие волосы, уши проколоты и вставлены туннели, козлиная бородка и выразительные синие глаза. Щуплый на вид. Явно не оперативник. Но точно не из наших. Левое ухо девственно чисто. Никаких следов нейрофона. Быть может, это просто привратник, приглашенный встречать гостей, а может, кто-то из команды, которую подобрал для меня Шахматист. Я решил не задавать вопросов. Время все расставит по своим местам.

Я вошел в квартиру. Парнишка закрыл за мной дверь и протянул руку. Я пожал ее и представился:

— Гладиатор.

— Очень приятно. Максим Рогов. Я ваш системщик. Даниил Дмитриевич попросил всех встретить. Я уже здесь полчаса сижу.

Разговорчивый парнишка, но голос его выдает. Волнуется, словно в первый раз на серьезное дело вышел. Шахматист совсем сбрендил, мне необстрелянных молокососов подсовывает. Одно хорошо, в поля под пули парнишке ходить не придется. Его задача дру-

гая. Прикрывать нас в электронном поле. Зачастую работа дистанционная, в безопасном помещении, но бывают и исключения.

— Ты не знаешь, есть здесь что-нибудь выпить? — деловито отстранив Рогова в сторону, я направился на кухню.

— В холодильнике видел пиво, — робко произнес парень.

Да, сложно было пиво не заметить. Тут кроме него вообще ничего не было. Весь холодильник был заставлен бутылками. Правда, выбора особо не было. Тут был «Крушовиц» светлый и темный. И больше ничего. Кто производил закупку, особо не запаривался. Вероятно, брал по акции, ящиками. Я взял бутылку светлого пива, скрутил коронку, отхлебнул (ничего, вкус усредненный, но пить можно) и прошел в гостиную.

Ребята прибывали в офис по одному. Первым после меня появился высокий, крепкий мужик лет сорока. Стальной взгляд, бритый череп и наколка в виде паука на шее. Кажется, я раньше его уже видел. Если мне не изменяет память, это Андрей Зарецкий по прозвищу Боксер. Когда-то он выступал на ринге, карьера шла в гору, поговаривали о международных площадках, только вот с наступлением эпохи нейрофонов его время закончилось. Дополненная реальность мгновенно вытеснила некоторые виды спорта. Какой интерес людям смотреть на реальный бой по телевизору, если можно выйти в виртуальную реальность и наблюдать все вживую, а можно даже и самому выйти на ринг, для начала в слабом, любительском режиме. Почти все боксеры легко адаптировались к новой жизни, перейдя в виртуаль-

ные бои. Это, кстати, не только бокса касалось, но также и единоборств. Пока что только футбол и хоккей, да в Штатах бейсбол продолжали сохранять свои позиции в реальности. Но Зарецкий не принял новый мир и наотрез отказался покупать нейрофон. Из спорта его вышибли. Он устроился в какую-то частную охранную структуру и теперь вкалывал на каком-то заводе в службе охраны. Хорошая работа, на хлеб с маслом хватает. Я не был с Боксером знаком лично, но слышал о нем только хорошее. Блестящий оперативник. Работает с огоньком. Хорошо разбирается в холодном оружии. Из огнестрела любит использовать стандартный пистолет Макарова.

Войдя в гостиную, Боксер окинул хмурым взглядом помещение и задержался на мне. Такое чувство, что он меня сканирует. Нижняя челюсть пришла в движение, точно он зажевал жвачку, и тут же замерла. Видно было, что он пришел к каким-то выводам и они его устроили. Боксер кивнул мне. Я ответил тем же. Очень лаконичная манера общения. Ни одного лишнего слова.

Через десять минут после Боксера приехала незнакомая мне девушка. Короткие черные волосы, спортивное телосложение с приятными округлостями по женской части, маленький носик и большие фиалковые глаза. Несмотря на красивую картинку, сразу было видно, что девочка не на курорт приехала загорать. В ней чувствовался профессионал. Деловитая, собранная, подтянутая. Лицо скованное, точно она нацепила маску.

Я ничего не имею против женщин на работе. Практика давно показала, что девчонки могут быть отлич-

ными профессионалами. Вон хотя бы Светку вспомнить. Сколько мы с ней операций успешно осуществили в связке. Любо-дорого вспомнить.

— Василиса Корнеева, — представилась она.

Кажется, где-то что-то я про Корнееву слышал. У нее позывной «Василиса». И работает она обычно в связке с Тимофеем Кошечевым, по прозвищу Кощей. Давно сработавшаяся парочка оперативников. Но что-то у них в последнее время не заладилось. Беда какая-то случилась. Только вот в упор не помню, в чем там вся история заключается.

Василиса сходила на кухню и принесла две бутылки пива. Расположилась на диване. Одну открыла, вторую поставила на журнальный столик. Похоже, ждет кого-то.

Я оказался прав. Через несколько минут в дверь позвонили. Рогов пошел открывать, и вскоре вернулся с Кошечевым. Высокий, худой, костлявый. Ну вылитый Кощей Бессмертный. Короткие черные волосы, серые чуть навывкате глаза, большой мясистый нос и тонкие бледные губы. Он меня сразу узнал, подошел и пожал руку. После чего расположился рядом с Василисой, взял приготовленное для него пиво и стал пить.

Интересно, это вся команда или будет кто-то еще? Не успел я об этом подумать, как появилось новое действующее лицо. Раньше я его не видел. Мужик лет пятидесяти, среднего роста, крепкий, как гриб боровичок, рыжие волосы, курчавая рыжая борода с проседью, хитрые, насмешливые глаза и большие кулаки с рыжей шерстью, которые он старательно пытался прятать в карманах куртки.

— Петр Евгеньевич, — представился он. — Крюков.

Никогда о таком не слышал. Тем интереснее будет узнать, почему его пригласил Шахматист. С первого взгляда было видно, что этот рыжий очень даже непростой человек.

Крюков сходил на кухню и принес табуретку, поставил ее возле окна и уселся. Он сидел так ровно и спокойно, точно не человек, а памятник.

— Я так понимаю, вас всех пригласил Шахматист. Вероятно, он объяснил вам, по какой причине мы тут собрались. Меня зовут Роман Корнев. Больше я известен как Гладиатор. И Шахматист сватает вас ко мне в группу.

— А что случилось с твоей прежней группой? — задал вопрос Боксер.

Я был готов к этому вопросу. Он должен был прозвучать рано или поздно.

— Моя прежняя команда вся погибла. Остался я и еще один сотрудник. Она сейчас у Лекаря на излечении.

— И почему твоя команда погибла?

— А вот почему и кто в этом виноват, нам и предстоит выяснить. Если кто имеет претензии или не хочет иметь со мной дела, по причине личной неприязни или суеверия какого-то, то лучше сразу скажите. Я к вам не напрашивался, да, признаться честно, и вас не просил. Я считаю, что сейчас мне команда не нужна. Но Шахматист думает по-другому, — резко ответил я.

— Давайтеждемся приезда Михаила Петровича и послушаем, что он нам скажет, — предложил Петр Крюков.

Боксер умолк, но по его гневно раздувающимся ноздрям было видно, что ситуация ему в корне не

нравится. Впрочем, его можно было понять. Кто хочет идти под начало командира, который только что похоронил всю команду. К тому же командир этот носит в левом ухе гадкий нейрофон, с которым они все так активно борются. Но в то же время взбрыкивать, да идти в отказ совесть не позволяла. Столько людей за последнее время погибло. Тут нельзя сгоряча рубить.

Шахматист появился через сорок минут. Вошел как всегда собранный, деловой, в строгом костюме и очках. Сел в кресло, место освободил Рогов, от пива отказался и сразу же приступил к делу.

— Я думаю, вы уже все познакомились. И коротко Роман ввел вас в курс дела. От себя скажу: Гладиатор опытный подпольщик, прекрасный специалист. То, что произошло с его группой, не является его виной.

Мне бы его уверенность. Я считал, что если проплебал где-то крысу, то эта ответственность также лежит и на мне. И разобраться я с этим смогу только тогда, когда крысу поставлю к стенке. И по закону военного времени, без церемоний.

— Теперь же о главном. Обстановка в городе очень тяжелая. Не только в городе, но и по всей стране. Улицы наводнены нелегальным оружием. Оно распространяется через оружейников. Мы зовем их Кузнецами. Кто эти люди? Откуда они? Никто не знает. Как и то, откуда они берут оружие. Нам удалось получить несколько экземпляров, и наши спецсы дали заключение, что аналогов оно не имеет, как на российском, так и на международном рынке. Они не могут сказать, откуда оно появилось, кто его изготовил. Оружие это как холодное — ножи, мечи, топоры, — так и огнестрельное. Стоимость такого оружия колеблется, но

в целом не является запредельной. Распространяется оно только среди «охваченных». По самым скромным прогнозам всего через пару месяцев девяносто процентов «охваченных» в городе будут вооружены. И это будет катастрофа, друзья. Мы будем иметь дело с хорошо подготовленной и вооруженной армией «кукол». Штаб сопротивления готовит большую единую операцию по уничтожению известных нам Кузнецов. Дата начала операции пока не установлена. Мы должны прикрыть все каналы поставок оружия в наш город. Поэтому я собрал вас здесь. Вы все опытные бойцы. Четверо оперативников с боевым опытом и специалист по компьютерам. Василиса имеет медицинскую подготовку. Уверен, вы сработаетесь. Командиром над вами будет Гладиатор. Ему за все отвечать передо мной и перед Штабом. Ваша главная задача, Роман Игнатьевич, возобновить разработку Кузнеца, прерванную в связи с гибелью вашей предыдущей группы. Это задача первостатейной важности. И параллельно найти предателя, который окопался в наших рядах. Мы считаем, что гибель группы Гладиятора, а также серьезные потери в группе Барабана и ряде других групп, есть следствие деятельности крысы, которая работает изнутри. У Романа Игнатьевича есть соображения на этот счет, и он обязательно с вами поделится. В работе я вас ничем не ограничиваю. Главное — результат.

Шахматист запустил руку в правый внутренний карман пиджака и извлек запечатанный конверт.

— Вот тут карточка с адресом, по которому завтра в это же время вы сможете забрать оружие, необходимое для операции. Также здесь сберовские карточки

momentum. Они безымянные, воспользоваться может кто угодно. На карточках необходимые вам для работы деньги. Даже освободительная война без финансирования грозит обратиться катастрофой. Связь держать через командира. В ближайшее время мы больше не увидимся. До свидания.

Шахматист поднялся и направился на выход.

Команда сидела молча, переваривала услышанное.

ГЛАВА 16

Найти общий язык с новыми людьми всегда тяжело. Тем более начать звучать как одна команда. На это обычно уходят недели и месяцы постоянного общения и совместных тренировок. У нас же не было этих месяцев, так что приходилось работать по-живому, импровизировать на ходу.

После ухода Шахматиста я взял собрание в свои руки. Подробно рассказал о своих подозрениях, озвучил подозреваемых и выслушал независимые мнения членов команды. Петр Евгеньевич Корнеев тут же высказался против:

— Этого не может быть. Я знаю их всех. Надежные, проверенные люди. Доводилось с ними работать.

— Все течет, все изменяется. Люди тоже меняются.

— Я работал с Занозой. Он, конечно, еще тот зануда, но человек опытный, да к «охваченным» испытывает какую-то патологическую неприязнь, — сказал Боксер.

— Мы не знаем, по каким причинам появляются «ренегаты». У каждого свои личные мотивы. Хотя зачастую это только деньги. Мне хочется верить, что

эти ребята чистые. Проверив все версии, мы найдем истину. Так что сосредоточимся на работе.

— Если кто и предатель, то это точно Прапор, — уверенно заявил Кощей. — Мне он всегда не нравился.

— Наши суждения должны основываться не на личной неприязни. На сегодня расходимся. Завтра мне будут нужны Боксер и Кощей. Встречаемся в восемь...

Я развернул конверт и прочитал адрес.

— На Софийской.

Я назвал дом. Места там глухие. Пустыри, гаражи да ремонтные мастерские. Удачный выбор для закладки. Да и вечером забирать товар удобнее всего. Я выдал бойцам банковские карточки со словами:

— Не тратьте все сразу.

Расходились все по очереди. Я ушел первым на правах командира группы. Теперь назад, на площадь Конституции. Надеюсь, сегодня ночью мне удастся выспаться. До дома я решил добираться на маршрутке. Я выпил-то всего ничего, но рисковать все-таки не стоило. Вдруг остановит патрульный да попросит дыхнуть в трубочку. В моем-то положении лучше предусмотреть все. Завтра утром я заберу машину. Мне без колес завтра совсем никак.

В маршрутке я забился на заднее сиденье, спрятался от посторонних глаз и всю дорогу подремал. Один мудрый человек однажды сказал: «если можешь сидеть, не стой, если можешь лежать, не сиди». В общем, пользуйся любой возможностью, чтобы отдохнуть, потому что дальше тебе такая возможность может и не представиться.

Я сам не заметил, как оказался на нужной остановке. Вышел из маршрутки прямо напротив финского супермаркета и решил зайти в магазин. Время не позднее. Надо купить что-нибудь на ужин. Готовить я не собирался, но взять что-нибудь, что можно засунуть в микроволновку, а потом быстро съесть — это самое то. Черный хлеб, пять окорочков гриль, и два литра темного пива «Мюнхель» — хороший меня ждет ужин.

Я расплатился на кассе и вышел из магазина. Перейдя Ленинский проспект, я собирался углубиться во дворы, но увидел знакомую омерзительную сценку. Возле круглосуточного магазинчика, находящегося на первом этаже жилого дома, трое двадцатилетних сопляков с нейрофонами в ушах окружили пожилого «неохваченного» мужика в подпитии и толкали его из стороны в сторону. Мимо шли люди, погруженные в себя и в виртуальные миры, даруемые нейрофонами, и не замечали происходящего. Им было все равно. У них были другие заботы. Для них «неохваченные» были пустым местом. Если даже у них на глазах будут убивать «неохваченного», они предпочтут крутануть колесико точной настройки и растворить реальный мир в виртуальном бульоне.

Мужичок выглядел растерянным. Он пытался договориться с ними, что-то говорил, протягивал к ним руки, пытался достать бумажник, чтобы выкупить себя. Но один из «неохваченных» ударил ему по рукам, и бумажник улетел на мостовую. В следующую секунду ему в лицо прилетело. Первый удар мужик выдержал. Выдержал и второй. Он пытался ответить, но парни сбили его с ног и стали топтать ногами.

Я не мог пройти мимо. Я должен был вмешаться. Только вот лезть в открытую нельзя. Я рядом со своим домом. Нельзя светить нору. Я притворился пьяным и неслышно подошел к избивающим.

— Мужики, мелочи на пиво не найдется, — чуть заплетающимся языком спросил я.

Тут главное не переборщить. Заподозрят неладное, и начнется настоящая драка.

Парни отвлеклись от мужика и повернулись ко мне.

— Слышь, иди-ка ты отсюда. По праздникам не подаем. А у нас каждый день праздник.

И тут же потеряли ко мне интерес. Первого парня я схватил, крутанул и впечатал лицом в стену. Второго парня крепко приложил в челюсть справа и добавил еще раз. Третий парень увидел во мне цель и попытался атаковать. Но у него не было никаких шансов. Я ударил его ногой в живот, схватил за плечи и насадил на колено. Парень согнулся пополам, и я саданул его коленом в лицо. Парень скрючился на асфальте. Я помог подняться «неохваченному» мужику. Он пытался меня благодарить, что-то бормотал невразумительное, но я не мог его слушать. Надо было уходить.

Я подхватил пакеты с продуктами и скрылся во дворе. Не стоит встречаться с «охваченными» молокосами, когда они очнутся. Угрозы они для меня не представляли, но вот лишний шум мне ни к чему.

Я отпер дверь ключом, запер за собой, поставил пакеты на тумбочку в коридоре и прошел в ванную.

Что за напасть такая эти «охваченные»? Откуда они взялись на нашу голову? Ведь в основной своей массе люди это хорошие. У всех есть родители, бабушки и дедушки. Вряд ли они в полном сознании стали бы

избивать мужика. Скорее всего, проходили игровую миссию, и вместо мужика им виделся какой-нибудь подгорный тролль или готский варвар, случайно оказавшийся на римском рынке. Когда нейрофоны только появились, помню, сколько копий было сломано в спорах относительно опасности применения этого устройства. Передачи по телевидению показывали. Независимые исследования якобы проводили. Говорили об опасности слияния реальности и игровой виртуальности, что рано или поздно игроки перестанут различать, в каком мире находятся, и тогда начнутся преступления на игровой почве. Выступали психологи и говорили об опасности использования дополненной реальности. Это может привести к расстройству психики игроков и появлению синдрома вседозволенности. Ведь в виртуальном мире игроку позволено все, и эта модель поведения со временем будет перенесена на реальный мир. А потом самые дерзкие из журналистов как-то резко вдарили по тормозам. Парочку особо наглых приструнили. Одного подстерегли по дороге домой и хорошенько отделали. Второго вообще убили. Следствие утверждало, что преступление было совершено из-за разногласий в гостиничном бизнесе, где убитый имел солидную долю. После этого вся критика в адрес нейрофонов сошла на нет, и «охваченные» стали действовать открыто. Теперь же мы увидели, что все критики были правы и ошибались только в одном, недооценив степень угрозы.

Я принял душ, расположился в гостиной с курицей гриль и пивом и включил телевизор. По ящику показывали криминальные сериалы отечественного роз-

лива. Ничего интересного. Разные лица, а смысл везде один. Я нашел новостной канал и решил послушать, что в городе делается. Под экономическую сводку я чуть было не уснул, но когда пошла криминальная часть, тут же проснулся. Показывали двор по Бухарестской улице, где находилась наша разгромленная конспиративная квартира. Корреспондент, миловидная девушка с гривой длинных светлых волос, рассказывала о том, что «несколько дней назад на одной из частных квартир спального района Санкт-Петербурга произошла бандитская разборка, в ходе которой погибло более десяти человек. Личности погибших следствие не разглашает. Полиция объявила в розыск подозреваемого в совершении заказных убийств. Фоторобот сейчас появится у вас на экране. Если вы что-то знаете о местонахождении этого человека, просьба позвонить на горячую линию». Из телевизора на меня посмотрел компьютером смоделированный мужик, отдаленно чем-то похожий на меня. Вот так поворот событий. Все-таки решили эту историю на меня повесить. Хорошо у нас работают органы. Оперативно.

Я успел сфотографировать портрет на телефон и теперь разглядывал с интересом картинку. Морда, конечно, бандитская, глаза посажены близко к носу, да и нос совсем не похож. Это если разбирать черты лица по отдельности, а вот если все вместе рассмотреть, то узнать можно. Значит, в полях надо вести себя осторожнее, иначе могут и прихватить по подозрению. Вот и прибавилась еще одна головная боль, которую пока я не знал, как вылечить.

Я налил себе кружку пива и выпил. Ничего, подумаем об этом завтра.

Утром меня разбудил настойчивый телефонный звонок. На экране высветился номер майора Щеглова. Так рано я его не ожидал. К тому же мы договорились, что я сам загляну к нему на огонек.

— Доброе утро, Даниил Дмитриевич, не ждал, — протянул я, выползая из-под одеяла.

Бррр, как же в квартире холодно. Осень уже брала свое, а коммунальщики тянули с включением отопления.

— Раньше сядешь, сам понимаешь. Предлагаю встретиться возле метро «Электросила», ресторан «Нуар», часика через два.

Я посмотрел на часы. Теоретически я успею. Мне еще в Купчино за машиной слетать надо. Только вот к чему такая спешка? Явно что-то случилось.

— Я же к вам собирался сам заехать, — уточнил я.

— Все поменялось. Ко мне пока нельзя. Через два часа в «Нуаре». Отбой, — приказал майор и повесил трубку.

Признаться честно, я заинтригован. Щеглов мужик педантичный. Если уж что запланировал, то старался держаться намеченного плана. Если же он что-то начал менять на ходу, значит, приключилась какая-то неприятность. И мне уже заранее это все не нравилось.

В Купчино я поехал на маршрутке. Нашел свою машину и выехал в сторону «Электросилы». В результате был на полчаса раньше намеченного срока. Ресторан «Нуар» располагался на первом этаже нового бизнес-центра «Цитадель», выстроенного на бывшей территории завода «Электросила». Интерьер ресторана был выдержан в стиле тридцатых годов Америки: времена сухого закона, разгула преступности, ста-

новление мафии. Повсюду висели в рамках вырезки из газет того времени, понятное дело, на английском языке, но изредка встречались выдержки из советской «Правды», вероятно, чтобы посетители не забывали, в какой стране они находятся.

Я хотел выбрать столик и тут же увидел майора Щеглова, сидящего над тарелкой борща. Вот уж не предполагал, что он приедет раньше. На него это не похоже.

Я подсел к нему, подозвал официанта и попросил такую же тарелку борща и черного чая. Борщ на завтрак — нет ничего лучше.

— Дмитрич, что случилось? И на какую зарплату ты позволяешь себе по ресторанам завтраки вкушать? — решил я его подколоть.

— Рома, ты слишком беспечен и весел для своего горького положения, — ответил он.

Щеглов просто так воздух колыхать не будет. Стало быть, дело и впрямь серьезное.

— Да что произошло-то? Не томи!

— По всем отделениям города молния пришла. Разыскивается особо опасный преступник. Имени никто не называл. А фоторобот, что нам прислали, до боли в глазах кого-то напоминает.

— Да, это произведение искусств я уже по телевизору видел, — сказал я.

— Есть еще кое-что. Утром сегодня приезжали ребята из особого отдела. По твою душу. Работали с личным составом по твоему вопросу. Хорошо, у меня ребята умные. Они и слова им не сказали, что человека с такими приметами часто видят входящим ко мне в кабинет. Но мне уже кое-кто зада-

вал неудобные вопросы. Пока я держу оборону. Но сколько смогу держаться, не знаю. Рома, под тебя сильно копают. И чем это все закончится, я тебе не скажу. Поэтому я попросил тебя встретиться на нейтральной территории. Я своим людям доверяю. Но они люди. За отделением может быть установлено наблюдение.

— Что посоветуешь, Дмитрич? — спросил я.

— Либо затаиться ниже тротуара, пока все не уляжется, либо из города уезжать, — на полном серьезе ответил Щеглов.

— Это не варианты, — отрезал я.

— Тогда молиться богу и не влипать в скользкие ситуации, откуда прямая дорога в наши объятья. Бухарестская — это не наша земля. Но я знаю человека, который там работает. Попробую разругать ситуацию, если это возможно. Ты хоть знаешь, чьих это рук дело?

Я назвал группу «охваченных», которая участвовала в налете на конспиративную квартиру, а также адрес их базы. Только я сомневался, что это может помочь. После моего визита они, скорее всего, поменяли свое местоположение. К тому же если кто вцепился в меня клещами, то вряд ли выпустит.

— Спасибо тебе, Дмитрич.

— Пока еще не за что. Да, кстати, я выполнил твою просьбу.

Он поднял с пола портфель, расстегнул его и вытащил файл с документами, который протянул мне.

— Здесь все, что я смог накопать на твоих подозреваемых. Думаю, этого будет достаточно для начала разработки.

— А ты говоришь, не за что, — обрадованно схватил я документы.

Читать их в ресторане я не стал. Всему свое время. Вместо этого я принялся за борщ. Вкуснее борща я, кажется, нигде не ел. Надо будет сюда заглянуть еще и попробовать остальные блюда. Местечко очень приятное.

— Мой тебе совет. Сильно на рожон не лезь. У них на тебя ничего нет. Фоторобот — это чушь. Он может подойти ко многим людям. Если ты больше нигде не засветишься, то все может обойтись.

Я пообещал Шеглову навестить его с коньяком, когда все закончится. Больше мы о делах не разговаривали. Первым ушел майор, предварительно погасив свой счет. Я еще посидел немного. Борщ закончился. Чай тоже. Счет удивил своей разумностью. И я вышел из ресторана, прикидывая, куда дальше отправиться.

В машине я вытащил документы из файла и бегло пробежал глазами. Ничего интересного, кроме адресов проживания клиентов и их ближайшего окружения. Вот это уже конкретные следы, по которым можно идти. Шахматист сказал, что Кузнец — задача номер один. Но после нападения «охваченных» всю нашу разработку можно было отправлять в мусорную корзину. Оружейник не идиот, чтобы оставаться на месте. Скорее всего, он свернул свой магазин и перебазировался на новое место. Но я знаю, кто он. А это уже половина дела.

Я отправился домой. Надо было подготовиться к вечерней вылазке за амуницией да просмотреть рабочие файлы, которые нам удалось собрать по оружейнику.

ГЛАВА 17

Шахматист выбрал идеальное место для закладки. Промышленная зона, окруженная жилыми домами, повсюду гаражи, ремонтные мастерские. Под вывеской «Союз Гаражных Мастеров» стоял черный ретроавтомобиль, знаменитая «эмка» времен Великой Отечественной.

Я остановился напротив, заглушил мотор и стал ждать. Первым прибыл Андрей Зарецкий. Боксер остановил свою потрепанную жизнью «Ладу» рядом со мной, махнул рукой, приветствуя, откинулся на спинку кресла и, казалось, задремал. Тимофей Кощев прибыл минута в минуту на черном «Патриоте», выбрался из машины и направился ко мне.

— Привет, Гладиатор. Какие распоряжения будут?

Мне было интересно понаблюдать за ребятами в рабочей обстановке. Забрать закладку с оружием задача простая, но тем не менее показательная. К тому же я решил, что надо пробить один адрес. По последним данным, там базировался Олег Кормчий, оружейник, на которого мы охотились перед тем, как разгромили нашу команду. Глупо, конечно, надеяться, что он все еще сидит по старому адресу. Скорее всего, после уничтожения нашего отряда Кузнец переехал на новое место жительства. Но проверить все равно надо. На старом месте могли сохраниться какие-то следы. Может, удастся найти зацепку, которая приведет нас к новому логову Кормчего.

— Не суетиться. Делим закладку на три части. Отвезем все в контору, а потом прокатимся по одному адресу. Проверим след.

Я вышел из машины, и вдвоем с Кощеем мы направились к «Союзу Гаражных Мастеров». В восемь часов вечера контора должна быть закрыта, но, на удивление, в окнах горел свет, гаражные боксы были открыты, и вокруг поднятой над ямой машины суетились люди в заляпанных машинным маслом комбинезонах.

Боксер даже не пошевелился. То ли реально нас игнорировал, то ли заснул. Я кивнул в его сторону. Кощей все понял без слов. Подошел к машине и настойчиво постучал в водительское окно. Боксер встрепнулся, окинул нас недоверчивым взглядом и выбрался из машины.

Если верить указаниям Шахматиста, а у меня не было основания ему не доверять, наша закладка находилась в «эмке». Вот только копать в чужой машине без разрешения на глазах владельцев — это верх дерзости. Но Шахматист не дурак. Раз сказано забрать из ГАЗ-М-1 1936 года выпуска товар, значит, так и надо поступить. Шахматист все предусмотрел.

Я открыл багажник и достал первый баул. Тяжелый, зараза. Еще бы. Сколько в него железа понапихано. Взял второй баул и пошел к своей машине. Кощей тоже снарядился и потащил сумки к себе. Мы управились за пять минут. Я закрыл багажник «эмки» и похлопал по крыше машины. Жалко, что мне не удастся посидеть за рулем этого ретро. Я бы с удовольствием сделал кружок по району.

На удивление, сотрудники гаражной мастерской не обратили на наши телодвижения никакого внимания. Как занимались своим делом, так и продолжали заниматься. Я пригляделся и обнаружил, что ребята все из

наших, из «неохваченных», вероятно, сочувствующие сопротивлению. Тогда понятно, как Шахматист смог договориться.

Я сел за руль и активировал нейрофон. Включился в «Рим-онлайн». И вновь я управлял колесницей, которую тянут за собой два скакуна. Упоение скачкой по магистралям древнего города. Так и время течет быстрее, и жизнь становится разнообразнее. Я прекрасно понимал «охваченных». Вкусив раз все разнообразие игрового мира, отказаться от него тяжело. Побывать наяву в Древнем Риме, сражаться плечом к плечу с германскими племенами под стягами Цезаря, пролететь на диком скакуне по прериям Дикого Запада и прикончить бутылку виски в салуне под ненавязчивую музыку тапера, примерить мушкетерский плащ и участвовать в осаде Ля Рошели, пойти в штыковую атаку из окопов Гражданской войны двадцатых годов прошлого века — нейрофон открывал такие глобальные перспективы. И это я только реальные исторические миры вспомнил. А уж сколько выдуманных, сказочных, фантастических. Всех не перечесать.

Пускай сейчас работало всего несколько площадок. Но нейрофон развивался. Писались новые программы. В скором времени откроются новые возможности. И если бы не побочное действие в виде настоячивых голосов, приказывающих совершить то или иное действие, я бы стоя приветствовал распространение нейрофонов. Это новый шаг прогресса, как-никак. Ведь можно не только погружаться в игровые вселенные, можно заняться самообразованием. При помощи нейрофона можно было освоить множество профессий, соответствующие программы были вши-

ты в базовую комплектацию. Конечно, чтобы стать нейрохирургом, недостаточно просто прокачать эти знания, надо пройти полноценное обучение в университете, а потом практику в больнице, но это изрядно сократит количество потраченного на обучение времени.

Но этот шепот сводил на нет все достижения нейрофона. Я слышал этот шелест. Я мог приглушить его, сведя практически к нулю. Но другие «охваченные» не могли ему сопротивляться. Они исполняли то, что приказывали им неизвестные голоса, зачастую не ведая, что творят. Эти голоса меняли их. Люди преображались, становились чужими. И вот с этим нельзя мириться. Кто-то неизвестный постепенно захватывал наш мир. И, признаться честно, наше сопротивление пока что — это только мышинная возня, не дающая серьезных результатов. Но мы в начале борьбы. Мы во всем разберемся, со всем справимся.

За этими мыслями я и сам не заметил, как домчался до конторы на Олеко Дундича. Шахматист оставил ее нам в качестве штаба. Мы работали самостоятельно, без привлечения других сопротивленцев. Так что шансы на провал мизерные. Постоянно в офисе проживал наш компьютерщик Максим Рогов. Он следил за помещением, да и работа у него такая, требует стационарного присутствия. Правда, пока он просто валял дурака, смотря американские криминальные сериалы.

В две ходки мы перетаскали баулы с амуницией в контору. Подниматься пришлось по лестнице, потому что лифт почему-то не работал. У нас всегда так: то лифт не работает, то воду отключают. Последний

подъем дался мне особенно тяжело. Я вспотел так, что можно было рубашку отжимать, сердце бешено бухало в груди. Я прошел на кухню, налил себе стакан воды и выпил.

Когда я вернулся в коридор, Боксер сидел на корточках над раскрытым баулом и вертел в руках автомат АКС-74 со складным рамочным прикладом. Удобная машинка, надежный дырокол. Но команды смотреть подарки не было. Я не стал ничего ребятам говорить. Мне моего оружия хватит, но от автомата я бы не отказался. Да и запас патронов надо пополнить.

Полчаса мы потратили на изучение содержимого баулов. В итоге мы имели шесть бронежилетов, шесть автоматов АКС-74, шесть компактных автоматов СР-3М «Вихрь», двенадцать пистолетов Макарова, большое количество расходников к оружию, солидный выбор колюще-режущего оружия, даже четыре коротких меча присутствовало, и это еще не все. В баулах находились гранаты и дистанционные мины. Видно, на случай, если мы решим устроить маленькую войну на улицах города. Если бы нас остановила полиция при перевозке этого груза, то сели бы мы надолго и основательно.

Оружие мы распихали по квартире, так чтобы в случае неожиданного нападения на точку могли в любом месте вооружиться. Учиться на собственных ошибках — весьма полезный навык.

После этого я собрал ребят в гостиной и обрисовал план дальнейших действий.

— Сейчас мы прокатимся, проверим одно место. Там располагалась база оружейника, которого мы разрабатывали. Зовут его Олег Петрович Кормчий. Может, удастся что накопать. Завтра сбор с утра здесь.

И отправляемся на разработку Занозы. Надо проверить адреса, и если найдем его, поговорить по душам. Рогов, ты остаешься в конторе, обзвони остальных и предупреди насчет завтра. Все. Тронулись.

Логово оружейника находилось на другом конце города, в промышленном районе «Парнас». Там, где стоял пивоваренный завод «Балтика», мясоперерабатывающий завод, носящий имя района, и множество других больших и малых предприятий. Здесь находились многочисленные склады питерских контор, ремонтные мастерские и строительные предприятия. Нам нужна была Верхняя улица, дом двенадцать. Длинное пятиэтажное здание, основную часть которого составляли склады. Раньше здесь находилась крупная оптово-розничная контора по продаже детских товаров, вторая по объему розничная сеть в России, но несколько лет назад она обанкротилась. И теперь часть помещений пустовала. Правое крыло здания занимала организация «Леоблснабпечать», если верить огромному баннеру, растянутому вдоль стены, и интернет-магазин детских колясок с офисом и складом. В левом крыле размещалось кафе для сотрудников и склады конторы со странным названием «ИМПРА Рост». Под этой непонятной вывеской скрывалась наша цель. По крайней мере так было несколько дней назад, до разгрома моего отряда.

Мы припарковались перед разгрузочными пандусами, которые в это время суток пустовали. Лишь справа стояла одинокая фура. Ее борта были подняты, а в кабине никого не было.

И хоть нам предстояла всего лишь проверка, мы вооружились. На мне был все тот же арсенал, что

и раньше, только пополнил запасы патронов. Еще я взял компактный «Вихрь», прикрепив его под плащ справа на ременную петлю. Если запахнет горячим, испробую его в деле. Ребята тоже взяли по «Вихрю». Ничего криминального на месте я не предполагал, так что идти на штурм объекта мы не собирались. Но береженого бог бережет.

— Кощей, останься снаружи. Пригляди за территорией. Мы прогуляемся. Посмотрим, что там да как, и вернемся.

— Будет сделано, шеф, — бодро отрапортовал Кощей.

По его лицу было видно, что он остался недоволен тем, что его оставили тылы прикрывать. Но работа есть работа, а приказы командира не оспариваются. Он вернулся к машине и забрался на водительское сиденье. Дверь оставил открытой.

Мы поднялись на пандус и пошли вдоль запертых складских ворот. В самом конце левой части здания я увидел дверь. Вскрыть ее не составило труда. В самом начале карьеры повстанца мне прокачали базовый курс взломщика-любителя, теперь я могу открыть практически любую дверь подручными средствами. А к этой вылазке я подготовился заранее и универсальную отмычку держал в кармане. Сейф я, конечно, не осилю. Тут более узкие знания требуются, а вот складскую дверь — пожалуйста. На это мне потребовалось не больше полминуты.

Внутри было холодно. Пол, стены и потолок были выложены из бетонных плит. Бедные сотрудники, которые работали на таких складах, и зимой и летом были вынуждены кутаться в теплые куртки и носить ботинки на меху.

Я активировал нейрофон и вызвал программу «Схема». Тут же слева появилось окошечко, в котором развернулся внутренний план здания с проложенным маршрутом к конечной точке, офису компании «ИМПРА». Именно здесь под фасадом простой торговой компании работал Олег Кормчий, Кузнец, через которого шел поток нелегального оружия. Я не рассчитывал застать оружейника на рабочем месте, но компания продолжала работать, соответственно в офисе может остаться необходимая мне информация.

«Схема» показала, что надо пройти через склады первого этажа, в дальнем правом углу будет неприметная дверка, и лестница. Весь четвертый этаж занимала «ИМПРА». Мне был нужен кабинет четыреста шесть. Судя по файлам досье, его занимал Кормчий. Понятное дело, что в офисе сейчас ни души и, мало этого, он закрыт, но я не собирался миндальничать и играть в законные игры. Пара оборотов отмычки, и мы в дамках. Если же на дверях стоит электронный замок, то и на этот случай у меня есть золотой ключик. Нейрофон мне в помощь.

Мы прошли склад насквозь, нашли дверь и поднялись на четвертый этаж. Пока все шло гладко. В здании, похоже, ни души. Это нам на руку. На четвертом висела большая медная табличка: «ООО «ИМПРА Рост». Дверь, обшитая стальными листами, справа коробочка кодового замка с экраном, больше похожая на приклеенный к стене калькулятор. Нечто похожее я ожидал здесь увидеть. Надо было Рогова на дело брать. Это его фронт работы. Но раз его с нами нет, то придется все решать самому. Я тоже кое-что умею.

Я вызвал рабочий стол нейрофона, нашел программку «Отмычка» и запустил ее. Тут же появилось загрузочное окошко. Я свернул рабочий стол и оставил висеть его внизу в виде иконки. «Отмычка» — универсальная штука. Любой электронный замок подключен к центральному компьютеру системы. А к нему можно подключиться через сеть, если знать информационные каналы. «Отмычка» сканирует окружающее пространство, находит нужный канал и врывается в него. Дальше вопрос времени. На вскрытие замка может потребоваться от минуты до десяти, в зависимости от сложности шифровки протоколов. Это разработка наших умников из сопротивления. Им удалось встроить программу ко мне в нейрофон. Повозиться, правда, пришлось.

Я, конечно, не берусь утверждать, что правильно запомнил принцип работы программы. Мне о ней рассказывал Рубик. Сам я небольшой специалист. Для меня все эти слова звучали как язык племени тумба-юмба, но главное, она работала.

Через минуту замок в двери щелкнул, и я ее открыл. Проход свободен. Мы нашли четыреста шестой офис. Здесь не было никаких специальных замков. Дверь вообще не была заперта. Мы вошли.

Обычно отдельные рабочие кабинеты носят следы индивидуальности хозяина. На столе возле монитора стоят фотографии жены и детей. В рамках по стенам развешаны фотографии с личными достижениями и похвальные грамоты. Но тут мы увидели лишь голые стены, шкаф, заполненный толстыми папками с документами, и рабочий стол с компьютерным монитором. Папки были подписаны «АШАН», «КАСТЛ-

ВАНИЯ», «МЕТРО», «БУХ 12.16» и так далее. Для нас ничего интересного. Но вот в компьютере могла содержаться полезная информация.

Я включил его и набрал номер Макса Рогова.

— Доброй ночи. Мы на месте. Хотим в компе покопаться.

— Подключай «Руку», сейчас мы его посмотрим.

«Рука» — это прибор, похожий на флешку. После того как загрузилась программная оболочка, я воткнул его в компьютер и откинулся на спинку кресла. Дальше мое место зрительный зал. Рогов все сделает сам. Он дистанционно подключится к «Руке», и через нее войдет в компьютер, подобрав пароль пользователя, и скачает все необходимые нам данные. Слово «Рука» как-то переводится, это аббревиатура какая-то. Только вот что обозначает, я не помню. Хотя название очень даже подходит.

На экране сперва появился рабочий стол с эротическими обоями, грудастая девица посреди поля ромашек, а потом включилась специальная программа и замелькали папки, файлы закачек, зеленые строки. Смотреть на это было откровенно скучно.

Боксер тем временем обследовал другие офисные помещения.

Я же от нечего делать решил покопаться в рабочем столе хозяина четыреста шестого кабинета. В нижнем ящике я нашел крышку от коробки бумаги для принтера, заполненную различным хламом: батарейки рассыпью, пачка визиток на имя Олега Петровича Кормчего, регионального менеджера по продажам компании «ИМПРА Рост» (все-таки мы пришли по адресу), рекламные буклеты кассовых аппаратов но-

вого типа и пластмассовая фигурка Гомера Симпсона в суперменском плаще с пирогом в руке. В среднем ящике стола лежали в прозрачных файлах документы. Я бегло просмотрел их. Ничего интересного. А вот в верхнем ящике я нашел нераспечатанную бутылку «Курвуазье». Отличный трофей. Оставлять ее я не собирался. Все равно охрана обнаружит проникновение на объект. А так у нас благородный повод, за коньяком приходили.

Через три минуты в кабинет заглянул Боксер и сообщил, что помещение проверено полностью, ничего интересного замечено не было. Через десять минут позвонил Рогов и доложил, что вся инфа из компа выкачана, можно отключаться и уходить. Он сам подчистил все следы и запустил выключение компьютера.

Я прихватил бутылку коньяка и направился к выходу. В дверях меня застал звонок Кощея.

— Шеф, к вам идут гости. Человек десять. С подарками.

Вот это поворот. Я такого не ожидал.

ГЛАВА 18

Они все верно просчитали. Единственный выживший после бойни на Бухарестской повстанец вернется, чтобы найти оружейника. Для того чтобы закрыть вопрос с этим везунчиком, надо всего лишь расставить аккуратно сети и ждать, когда он попадет в них. А я не увидел этот вариант. Вернее, я не хотел его видеть. Бросить дело Кормчего — это значит предать память моих ребят. А я себе такое позволить не мог. Это невыносимая для меня роскошь.

— Боксер, у нас тут небольшая заварушка намечается. Будь готов, — предупредил я.

Зарецкий хищно улыбнулся. Похоже, перспектива малость пострелять ему нравилась.

Мы покинули офис «ИМПРЫ» и вышли на лестничную площадку. Закрывать двери, стирая следы своего присутствия, уже не имело смысла. Нас и так обнаружили. Придется идти в лобовую атаку.

Я достал из-под плаща «Вихрь» и снял его с предохранителя. Мы аккуратно спускались, просматривая территорию на два этажа вниз. Я перевел телефонный звонок Кощея на нейрофон и получал оперативную информацию о передвижении противника, при этом руки у меня были совершенно свободны. Кощей же пользовался гарнитурой.

— Трое остались снаружи. Остальные вошли в здание, — доложил он.

Итак, семь бойцов, а нас двое. Нормальный расклад. Тех, кто снаружи, на себя Кощей возьмет. Ему все карты в руки.

Я первым оказался возле маленькой дверки, которая вела на склад первого этажа. Надо пробиваться на склад. Там места много, есть где поиграть в прятки. Если застрянем на лестнице, то нас тут быстро зажмут в тиски и выкурят. Боксер встал слева. Я справа. Он дернул ручку двери, и я прыгнул в дверной проем. Перекат, и я под прикрытием стеллажа, заполненного какими-то коробками. Жаль, что не стальными листами. Коробки от пуль плохой щит.

Боксер зашел аккуратно, пригибаясь, и тут же направился влево. Правильное решение. Надо рассредоточиться, чтобы захват целей был лучше.

«Охваченных» я пока не видел. Но можно было не сомневаться, что это они. Кто еще может идти по моему следу? Вероятно, те же мордовороты, что пасли меня на квартире и в коммуналке.

Я медленно передвигался вдоль стеллажей, следя за окружающим пространством, поэтому успел первым. Лишь только показалась фигура «охваченного» в джинсах и черной кожаной куртке с «калашниковым» наизготовку, я открыл огонь. Очередью из «Вихря» перечеркнул противника. «Охваченный» выронил автомат и рухнул на бетонный пол.

И тут начался ад.

Товарищи погибшего открыли шквальный огонь. Я нырнул на пол, пытаюсь вжаться в него. Коробки надо мной полетели в разные стороны. На меня посыпалась картонная труха и цветные коробочки с женскими трусами.

Тут же слева ответил Боксер. Заработал «Вихрь», выплевывая стальные гостинцы. Это заставило «охваченных» на время отступить. Я вскочил с пола и нырнул через стеллаж, выталкивая покалеченные коробки. Вдалеке я увидел двух бойцов. Они прятались за штабелером и пирамидой палет. Короткая очередь заставила их пригнуться. Кажется, одного я все-таки зацепил.

С улицы раздались звуки выстрелов. В дело включился Кощей.

Боксер поддержал меня огнем. От палет только щепки летели. Но это только часть противника. Где остальные четверо бойцов? Вот в чем вопрос. Я выпустил их из виду. И это могло обернуться серьезными проблемами.

Краем глаза я уловил движение позади себя, нырнул в сторону. Чудом разминулся с пулями. Перекатившись на спину, я расстрелял в упор «охваченного», который подобрался ко мне с тыла.

Минус один. Осталось пять человек, если их можно называть людьми.

Я поднялся с пола, пригибаясь, чтобы не попасть под пулевые вихри, проносящиеся на высоте. Шаг в сторону. Выглянул из-за угла. Та парочка серьезно окопалась за палетами. Они пока сидели не высовываясь. Боксер плотно накрыл их и держал в напряжении. Моя помощь тут не требовалась.

Я двинулся в обход стеллажей, напряженно сканируя пространство. И тут меня осенило. Чего я сразу не сообразил? Запустил тепловизор на нейрофоне, и тут же увидел красные точки. Вот они, голубчики, спрятались. Один сидел совсем близко ко мне, в соседнем проходе. Я вычислил его местоположение. Наставил автомат на коробки, разделяющие нас, и нажал на спусковую скобу. Очередь прошла коробки вместе с содержимым и ударила в «охваченного». Он выронил автомат, раскинул руки и упал на соседний стеллаж.

Если не считать тех двоих, которых держал за палетами Боксер, то осталось еще двое врагов. И я видел их. Один приближался ко мне справа. Он шел вдоль стены склада. Другой двигался в лоб, скоро он вывернет из-за стеллажа прямо на меня. Я не стал дожидаться и расстрелял его через коробки. И тут справа что-то ударило меня в левое плечо и ошпарило левый бок. Зацепило знатно. Да к тому же мерзавец разбил бутылку коньяка, осколки которой звякали в кармане. Я ответил огнем. Бил короткими очередями, следуя за

красной точкой на тепловизоре. Враг побежал и вышел аккурат к Кощею, который, разобравшись с «охваченными» на улице, вошел на склад. Короткая очередь. Ноги бойца нелепо заплелись. Он дернулся из стороны в сторону, точно танцевал неизвестный танец, и упал на пол. Теперь осталась только парочка за палетами.

Боксер уже выглянул из своего укрытия и медленно приближался к спрятавшимся «охваченным». Кончилась обойма. Пока он менял ее, они попытались огрызнуться. Из-за палет показался бородач с автоматом. Он даже выстрела не успел сделать. Я прицельно снял его.

— Мужик, выходи. Ты остался один. Расскажешь, кто вас послал, оставлю тебе жизнь, — предложил я достойный обмен.

Боксер поменял обойму и продолжил путь.

Взять «охваченного» живым — большая удача. Уж мы найдем способ развязать ему язык.

Я и Кощей зашли с двух сторон. «Охваченный» оказался в ловушке. У него никаких шансов.

Враг промолчал. Но красноречивей его слов прозвучали одинокие выстрелы. Он пытался отстреливаться, но любую его вылазку мы подавляли огнем. Вскоре у него кончились патроны. Он выскочил из укрытия в надежде, что мы пристрелим его. Но мы не стали стрелять. Вот он, целый и невредимый. А в его голове хранится масса полезных знаний. Мы же не имели права быть расточительными и отправлять в расход столь ценный экземпляр.

Я опустил «Вихрь». Друзья последовали моему примеру. «Охваченный» просто так не дастся, придется побороться за него внимание. Я был готов к этому.

Схватка быстро кончилась. Хватило нескольких ударов, и «кукла» оказалась на полу в отключке. Зарецкий сдернул с него куртку, содрал рубаху, пустил ее на лоскуты, этими тряпками связал руки пленнику и засунул ему в рот кляп. Это, конечно, все полная фигня. Но на время хватит. Теперь надо доставить трофей Лекарю. Он найдет медикаментозный способ развязать язык «охваченному».

Я набрал номер Фимы и через минуту услышал его сварливый голос:

— Гладиатор, у тебя совести нет совсем. Я уже спать лег.

— Как там Светка? — поинтересовался я.

— Ты чего издеваешься? До утра потерпеть не мог? — возмутился Лекарь.

— Да я бы потерпел. Но не могу, — отрезал я.

— Нормально все. Жива, здорова. Пока удастся свести к минимуму вредное воздействие нейрона. Она в спячке. Чего тебе надо, Гладиатор? Никогда не поверю, что ты только ради этого звонишь.

— У меня для тебя есть груз. Надо ему язык развязать. Думаю, что у него есть полезная для нас информация.

— Вези на прошлый адрес. Я пришлю своего человека, — сказал Фима.

— А сам чего?

— Я тоже человек, если ты не успел заметить, и мне иногда надо отдыхать, хотя бы немного. Я и так двадцать часов с лишком без сна. Все. Через час на старом адресе. Приедет Сеня Горянский.

— Факел, что ли? — уточнил я.

— Именно. И учти, у него плохое настроение. Он на тебя зуб точит. Сам знаешь, он с Бородой по корешам был.

— Ничего. Разберемся.

Я отключился. Пнул носком ботинка бесчувственную тушку «куклы» и приказал:

— Тащите эту гадость ко мне в машину.

Боксер подхватил «охваченного» под руки. Кощей взялся за ноги. И они потащили его.

Я окинул взглядом склад. Хорошо мы тут порезвились, нечего сказать. Теперь надо срочно сматываться отсюда, пока «кукловод» не опомнился и не прислал сюда еще пару отрядов зачистки. Он может.

Плечо и бок горели. Терпеть можно, но надо остановить кровь.

Я вышел на улицу. Покопался в багажнике «мерса», нашел аптечку. Кое-как из подручных средств соорудил ватные подушки для плеча и бочины. При помощи скотча я примотал их к ранам. На время это должно помочь. Плащ, конечно, жалко. Две дырки за один раз. Многовато. Ничего, заштопаю.

Боксер и Кощей взяли из багажника веревку и надежно спеленали пленника. После чего засунули его на заднее сиденье.

— Разъезжаемся. Я отвезу этого гаденыша. А вы отдыхайте. Встречаемся завтра.

— Командир, ты ранен, — указал на очевидное Кощей.

— Ничего. До утра все заживет, — пообещал я.

Они мне не поверили. Но у них не было «Регенрона», иначе они увидели бы мир другими глазами. Кстати, если я так буду транжирить лекарство, то

скоро и у меня его не останется. А когда в следующий раз мне его привезут и привезут ли вообще, я не знаю.

— Слушай, может, с тобой съездить? — предложил Кащей.

— Спасибо. Я сам справлюсь, — отрезал я.

Боксер презрительно смотрел на меня и молчал.

Я сел за руль, взревел мотором и выехал на Верхнюю улицу. Я набрал через нейрофон номер Рогова и через четверть минуты услышал его бодрый голос. Вот что значит молодость. Энергии через край.

— Скажи, удалось ли что-нибудь полезное выудить из компа Кормчего? — спросил я.

— Как раз занимаюсь этим вопросом. Тут вся инфа зашифрована.

— Сможешь вскрыть?

— Постараюсь. Думаю, да, — ответил Рогов.

— И когда будет результат? Мне нужны точные сроки.

— Гладиатор, не мешай работать. К утру, надеюсь, смогу показать работу.

— Принято, — сказал я и разорвал соединение.

Клонило в сон, и чтобы отвлечься, я включил магнитолу. Я не ожидал услышать ничего приличного. Разве может быть хороший вкус на музыку у бездумной «куклы», которая раньше владела этой машиной, но из динамиков полилась знакомая музыка — Dire Straits. Через пару минут от сна остались только воспоминания. Надо бы кофеем заправиться, и тогда пару часов я продержусь. Я был уже возле «Озерков», свернул к «Макдоналдсу», подъехал к окошку автозаказа и выбрал два больших капучино.

Я проехал дальше, нашел тихую улочку, чтобы никто не мешал попить кофе, и остановился. Первый глоток большой. Как горячо и вкусно!

Пленник на заднем сиденье пошевелился.

ГЛАВА 19

Беспокойная оказалась «кукла». Всю дорогу вертелся из стороны в сторону, пытаюсь развязаться, и мычал. Меня это не напрягало. Пусть делает что хочет. Но когда «охваченный» стал бить ногами в спинку водительского кресла и бодать пассажирское окно, пришлось принимать меры. Я прижался к обочине, обернулся и вырубил его, нажав на болевую точку. Теперь он беспомощной «куклой» проваляется несколько часов. Самое ужасное, он оставался в сознании, все видел и понимал, только вот пошевелиться не мог.

С «Парнаса» на улицу Есенина я приехал быстро. Несмотря на поздний час, машин на улицах было много, но все двигались, не создавая пробок. Я хотел побыстрее избавиться от тела, забраться к себе в берлогу и заняться лечением. Кровь остановилась, но раны болели. Да еще перспектива встречи с Факелом не радовала.

Стас Горянский был правой рукой Фимы. Прозвище свое получил за вспыльчивый характер. Медики вроде должны быть сдержанными. Факел вспыхивал по любому поводу. Фима постоянно говорил ему, что надо по такому случаю «новопассит» пить. Это еще больше злило Горянского. А тут говорят, он на меня обозлен за смерть Бороды. Представляю, какой вулкан ждет извержения.

Возле Скобы я заметил знакомую машину, вишневый «Фольксваген Туарег». Подрулив к ней, я вышел и направился навстречу Горянскому. Факел выглядел как обычный мужик лет сорока пяти, каштановые волосы, средний рост, простое лицо с крупными чертами лица и серые, словно выцветшие глаза. Он немного сутулился и любил держать руки в карманах брюк, отчего создавалось впечатление, что он вечно чем-то недоволен.

— Привет, Факел, — поздоровался я.

Горянский бросил на меня злой взгляд. Его глаза вспыхнули бешенством и тут же потухли.

— Здорово.

Руки он мне не подал.

— Я человечка привез. Надо над ним поколдовать. Мне нужно знать, на кого он работает. И кто поручил ему убрать меня. Полагаю, это те же люди, которые стоят за уничтожением моей команды.

Горянский заскрипел зубами, но сдержался. Было видно, что он хотел двинуть мне в лицо.

— Тебе есть что мне сказать? — спросил я.

Нарочно его провоцировал. Нельзя в себе злость копить. Пусть уж лучше выговорится. Быть может, сможем урегулировать наши разногласия прямо здесь.

— Как так получилось, что все погибли, а ты выжил? — процедил сквозь зубы Факел.

— Я бился вместе со всеми. Но когда ребята легли, я ушел. Мне повезло. Не было смысла погибать там вместе со всеми только из чувства солидарности. К тому же двое моих ребят оказались захваченными. Я должен был им помочь?

— Получилось? — спросил Горянский.

— Не очень.

Факел выпятил вперед челюсть и задумался. Он не сводил с меня взгляда, и от этого взгляда становилось неуютно.

— Как погиб Борода? — спросил он.

— Быстро.

Больше Горянский не сказал мне ни слова. Мы перегрузили тело «охваченного» к нему в машину. Я попросил позвонить мне, когда клиент расколется. Факел кивнул, сел за руль и уехал.

Я так и не понял, он все еще злился на меня или остался доволен полученным разъяснением.

До дома я добрался к двум ночи. Спать хотелось дико. Раны болели. Желудок ныл от голода. Я забрался в холодильник, достал остатки курицы, бутылку пива и поужинал, если можно так назвать ночной прием пищи. После этого достал из рюкзака шприц-тюбик «Регенрон-2» и вколол себе препарат. Скрутило меня знатно. Я успел пожалеть, что поел. Вынесло все, что съел и выпил, наружу, еле успел до туалета добежать. Мускулы скручивало в жгуты. Все нервы продернуло, так что я почувствовал каждую клеточку тела, как раскаленный уголек.

Когда боль утихла, я с трудом пополз до кровати. Упал, не раздеваясь, и уснул.

Проснулся я рано утром. Хотел протереть глаза и чуть было не расцарапал лицо. На руках не ногти, а когти росамахи. Каждый раз одно и то же. Вместе с заживлением ран отрастают ногти на руках и ногах, волосы на голове и лице. Подобный эффект препарата из-за того, что организм за несколько часов

проживает несколько недель, необходимых для полноценного излечения.

Я поднялся, прошлепал в ванную и принялся приводить себя в порядок. Сперва подстриг ногти на руках и ногах, потом сбрил двухнедельную бороду и причесался. Окинул себя придиричивым взглядом в зеркале. Надо бы все-таки заглянуть в парикмахерскую, а то скоро буду расхаживать с львиной гривой. Раны все затянулись. Порядок. Но запас «Регенрона» подходит к концу. Осталась последняя ампула. Использую ее только в самом крайнем случае.

Я поставил чайник на плиту, засыпал растворимый кофе из пакетика в кружку и, дождавшись, когда вода закипит, налил себе до верха. Завтракать нечем. Холодильник пустой. Так хоть кофе попью. Включил телевизор, пощелкал по каналам, нашел новости, но ничего интересного не услышал. Допив кофе, я оделся, рассовал по местам снаряжение и покинул квартиру.

До Олеко Дундича я добрался за полчаса. Из ребят в конторе был только Рогов. В джинсовых штанах и футболке с надписью «WINTER IS COMING». Судя по взъерошенному виду и красным глазам, спать он вообще не ложился. На столе рядом с ноутбуком пустая кружка в кофейных разводах и облатка аспирина.

Открыв мне дверь, Макс вернулся в гостиную и плюхнулся в резное деревянное кресло возле ноута. Он устало потянулся и принялся что-то набивать на клавиатуре. Даже не поздоровался, зараза.

— Доброе утро, коллега, — сказал я.

Рогов посмотрел на меня мутными глазами и кивнул.

— Удалось что-нибудь выцарапать из компа Кормчего?

— В основном данные по деятельности компании «ИМПРА».

— И чем она занимается?

— Оптовыми поставками женского нижнего белья. У него весь комп забит прайсами, накладными, сертификатами да каталогами. Так что ничего интересного. Есть еще уставные документы компании, клиентская база. Несколько папок с фотографиями. В общем, пока зацепиться не за что.

— Плохо.

— Я еще в работе. Так что, может, что и найду.

Рогов уныло зевнул и чуть было не проглотил кулак, пытаясь им прикрыться.

— Хоть поспал ночью?

— Не вышло. Работы много.

— Нам такие трудовые подвиги ни к чему. Сгорать на работе нельзя. Так что пока мы по адресам ездим, ты поспи. А то потребуется помощь, а от тебя толку ноль, — распорядился я.

Рогову не понравился мой приказ, но спорить он с ним не стал. Трудоголик на мою голову нашелся.

На кухне в холодильнике я нашел копченую колбасу и кусок сыра. Отрезав пару ломтей батона, я сделал бутерброды и быстро их съел. Регенерация организма требует энергетических затрат, и тут парой бутербродов не отделаешься, но пока что и этому рад.

Ребята прибыли один за другим. Я немного поработал дворецким, открывая им двери. Когда вся команда была в сборе, я начал небольшое производственное совещание.

Коротко рассказал о вчерашних приключениях. Пояснил, что пока вопрос с поиском Кузнеца откладываем в сторону, до получения данных от Факела или от Рогова, и сегодня займемся подозреваемыми. Давно пора взять их в разработку.

Я предложил начать с Занозы. У него самое прозрачное досье. Да и особо искать его не надо. Он жил на Комендантском проспекте недалеко от торгового центра «Атмосфера». Офис его интернет-магазина находился на углу Обводного канала и Лиговского проспекта. Проверить офис я отправил Боксера и Кощея. Вчера они неплохо вместе поработали. Пусть закрепят успех.

— Убедительная просьба, если найдете объект, брать его без шума и пыли. А главное, целым и невредимым. Вина его не доказана. Так что если он честный человек, а мы ему руку ломаем или ребра пересчитаем, будет очень стыдно, — напутствовал я их. — Если удастся его задержать, везите сюда.

— Будет сделано, командир, — пообещал Кощей. Зарецкий, как обычно, ни слова не сказал.

— Мы проверим его квартиру. Если парень не на работе, то дома. Поскольку сегодня суббота, это становится более вероятным.

Мы ушли из конторы все вместе. И только на улице разделились. Боксер сел в машину Кощея, и они уехали.

Я предложил ехать на моей машине. Ребята не возражали.

Василиса села на переднее сиденье рядом со мной. Петр Крюков удобно расположился по центру заднего. Просто его падишахское величество. Можно было позавидовать. Мне-то придется баранку крутить, а он

нагло рассматривал Яну Корневу, раздевая ее глазами. Василиса делала вид, что не замечает этого.

Мы выехали со двора и взяли курс на кольцевую.

ГЛАВА 20

Хорошо Заноза устроился. Шикарный высотный дом из новостроек. Он сразу привлекал внимание огромной аркой, разделявший здание на две части. Это сколько же полезного пространства было убито на эту арку высотой в десять этажей в городе, где за каждый квадратный метр идет война. На первом этаже рестораны «Бричмула» и «Евразия», рядом аптека и банк, неподалеку супермаркет и магазин разливного пива. Все в шаговой доступности. Удобно, ничего не скажешь. Неудивительно, что многие петербуржцы дальше своего района никуда не ездят, в особенности, если работают недалеко. Так и живут в пределах заданной сетки координат, а Зимний дворец и Неву видят только по телевизору, а вживую раз в пять лет, когда приедет кто-нибудь из родственников и надо с гордостью показать достопримечательности города провинциалам.

Я так думаю, что в будущем человеческий уклад все больше будет походить на пчелиный улей. Все будет сосредоточено возле места жительства человека. И он будет трудиться и жить в одном и том же здании, здесь же будет находиться его поликлиника, продуктовый магазин, торговый центр с кинотеатром, бассейн, и прочие удобства. Даже роддом и морг на первом этаже. Человек будет рождаться в высокой башне, всю жизнь жить в ней, не покидая,

и умирать тут же. И только на кладбище его повезут в другое место, если не сделают погост в подвальном помещении.

Я завернул во двор дома с высокой аркой и, к своему удивлению, нашел место для парковки. В последнее время в городе с этим большие трудности. Красиво тут. Много деревьев и кустарников, пока еще зеленых, но осень брала свое. Повсюду виднелись желтые листья, и на земле уже был их избыток. Заглушив мотор, я вышел из машины и услышал голос Василисы Корнеевой:

— Зачем ты нас разделил?

— Я уже видел, как работает Кощей без Василисы. Теперь хочу увидеть, как работает Василиса без Кощей, — ответил я.

— Мудрое решение, — поддержал меня Крюков.

Высоко Заноза забрался. На восьмой этаж. Как говорится: «высоко сижу, далеко гляжу». Главное, чтобы лифт работал. А то я как-то однажды приехал на точку, надо было человека одного допросить, он на двенадцатом этаже жил, а лифт в этот день отказался работать. Вот я попотел, пока до двенадцатого пешком добрался.

На наше счастье, с лифтом был полный порядок. Мы загрузились в коробку, нажали кнопку восьмого этажа, двери закрылись, и лифт плавно тронулся с места.

Я смутно себе представлял, как построить общение с Бурляком. С чего начать? Сразу с обвинений? Или сначала устроить танцы вокруг да около? Но решил, что надо действовать по ситуации. Посмотрим, как Заноза отреагирует на наше появление. Если он предатель, то, вероятно, знает, что я жив. С ним могли

поделиться этой информацией. Все-таки он на линии огня. Если же мужик не при делах, то очень удивится моему воскрешению. Шахматист пока держит в тайне тот факт, что Гладиатор жив. По сути, об этом знают только мои ребята, Лекарь, Факел да сам Шахматист. Хотя вот в молчании Факела я не уверен. Он по пьяной лавочке может сболтнуть лишнее.

Двери разъехались в сторону, и я первым выскользнул из лифта. Осмотрелся. Кажется, чисто. Найти нужную квартиру не составляло труда. Коричневая металлическая дверь со звонком, глазком и зеленым матерчатым ковриком «Милый дом». Никогда бы не подумал, что наш Заноза такой романтик в душе. Судя по работе, там романтики ни на грамм. Я вытащил пистолет из кобуры и спрятал его в карман плаща. Мало ли какие сюрпризы меня за дверью ожидают. Надо быть ко всему готовым. Василиса встала справа от двери. Крюков слева.

Я позвонил. Электрическая трель разлилась по квартире и стихла. Прошла минута. Никто не торопился нам открывать. Я еще раз позвонил. Похоже, хозяина нет дома.

Развернуться и уйти, признав поражение, плохая мысль. Надо проникнуть в квартиру и осмотреться на месте. Быть может, мы найдем что-либо, что сможет пролить след на деятельность Бурляка. Я стал копать-ся отмычками в замке квартиры. Через минуту что-то щелкнуло, провернулось, и мы вошли. Главное, чтобы любознательные соседи не подглядывали в дверные глазки. Тогда могут вызвать полицию, а нам лишняя встреча с правоохранительными органами ну совсем не в тему.

Оказавшись в коридоре, первым делом я включил свет и прошел в гостиную. Не стоит создавать толкучку в тамбуре. Крюков остался возле дверей контролировать лестничную площадку. Василиса пошла за мной.

Несмотря на такой шикарный дом, квартирка у Занозы была скромненькой. Две комнаты, маленькая кухня, хорошо хоть санузел не совмещенный. Как всегда, за шикарным фасадом скрывалось посредственное наполнение.

На столе возле окна стоял монитор с клавиатурой. Системный блок прятался под столом. Надо покопаться внутри, посмотреть, чем Заноза дышит, какие сайты посещает. Это может пролить свет на его причастность или непричастность к нападению «кукол» на конспиративную квартиру моей группы.

Я попросил Василису посмотреть вторую комнату, а сам сел за компьютер.

Момент начала боя я пропустил. Василиса послушалась моего приказа и заглянула в соседнюю комнату, где, как оказалось, нас ждал неприятный сюрприз. В квартире Занозы сидела засада: пятеро крепышей с нейрофонами в ушах, похоже, из той же конторы, что гоняется за мной по всему городу.

Василису вынесло в коридор. Она ударилась о дверь туалета и рухнула на пол. Нехорошо получилось. Девочка приняла на себя первый удар.

Я тут же отреагировал, упал из кресла на пол, выхватывая пистолет, и открыл огонь на поражение. Первой же «кукле», появившейся в гостиной, я продырявил голову. Вторая «кукла» была уже осторожнее. Метнулась по коридору, паля из пистолета в мою сторону. Я прижался к полу. Пули засвистели

над головой. Но «охваченный» малость просчитался. Он думал, нас всего двое, поэтому и сам не заметил, как отправился на тот свет от руки Петра Евгеньевича. Крюков оставил свой пост возле входных дверей и столкнулся лицом к лицу в коридоре с «куклой». Близкий контакт, тут уже не до огнестрелов, тут рукопашная началась. Как оказалось, Крюков неплохо дрался. Он мигом навязал «охваченному» свой стиль боя. «Кукла» только успевала отбиваться. А кулаки у Петра Евгеньевича большие. Пару раз прилетит — и можно заказывать койку в ближайшей больнице.

Пока Крюков боксировал с «охваченным», я бросился посмотреть, как там Василиса. Оказалось, что моя помощь ей уже не нужна. Она ворвалась в комнату, где прятались «охваченные», и налетела на оставшуюся парочку, как разъяренная фурия. Дралась девочка жестко, любо-дорого посмотреть. Я слышал, что у нее младшая сестра подцепила нейрофонную заразу. Теперь пропадает где-то по игровым клубам, исполняя чужую волю. Сто процентов сражается против нас, и однажды девочки встретятся на одном ристалище, если, конечно, одну из них не убьют раньше. Печальная перспектива.

Тем временем Петр Евгеньевич закончил с «куклой». «Охваченный» выдохся, пропустил два удара и оказался в бессознании на полу с расквашенным лицом и свернутым на сторону носом. Крюков бросился было Василисе на помощь, но я остановил его. Не время. Пусть она сама себя покажет. Я был уверен, что она и без нас справится.

Ногами девчонка работала просто на загляденье. Удары сыпались на «охваченных» со скоростью моло-

тики. Удар ногой с разворота, серия ударов руками, снова ноги идут в ход. Первая «кукла» пропустила мощный удар в голову и оказалась на полу на коленях. Девчонка подскочила к нему, схватила вроде бы за волосы и рванула на себя.

«Что за дурацкая бабья привычка, чуть что, за волосы таскать?» — успел я подумать, но, как оказалось, я ошибался.

Василиса выдрала из уха «охваченного» нейрофон с корнем. На пол хлынула черная кровища. Мужик задержался в конвульсиях. Даже представить себе не могу, что он сейчас испытывал. Да и не хочу. Боль дикая. Глаза у него вылезли от напряжения из орбит. Он молотил руками по полу, точно собирался уплыть подальше из этого страшного места. Василиса подняла нейрофон с клубком черных извивающихся червей и бросила его в лицо второй «кукле». «Охваченный» отвлекся на летящий подарок с желтой улыбкой на корпусе и пропустил сближение с Василисой. Она оказалась возле него, саданула ногой в промежность и затем насадила мужика лицом на свое колено. Она потянулась за вторым нейрофоном, но я решил не мучить несчастного. Выстрел в голову закончил его земной путь.

— Ну, что, командир, посмотрел, как работает Василиса без Кощея? — зло спросила она. — Принимаешь работу?

— Порядок, — сказал я.

Хотя мне показалось, что сработала она неразумно жестко. Можно было и не вырывать нейрофон. Слишком много грязи.

Потом мне Петр Евгеньевич рассказал, что Василиса всегда так работает. Это ее фирменный почерк.

Минимум одному на поле боя она вырвет нейрофон, чтобы выжившие передали, кто их сделал. Она хотела, чтобы ее сестра знала, что она ищет ее и рано или поздно найдет.

В квартире мы изрядно наследили. «Куклы», вероятнее всего, ждали не нас, а Занозу. Судя по тому бардаку, что они оставили в комнате, здесь они уже минимум сутки. Тогда можно смело уходить, Бурляк сюда не придет. Только вот не мешало бы покопаться в его компьютере. Я не оставлял надежды найти след.

Я включил компьютер и достал флешку с «Рукой», воткнул ее в USB-порт. Тут же пришел вызов на сотовый. Звонил Кощей.

— Докладывай, — приказал я.

— В офисе полно народу. Только Занозы нет.

— Ты уверен? — спросил я.

— На все сто. Тут целая рота «кукол» пасется. Да в бизнес-центре их полно. Не протолкнуться. Они, похоже, тоже Бурляка ищут.

— Мы это уже заметили, — я бросил взгляд в коридор, где торчали ноги «охваченного». — Ты уверен, что они не схватили его?

— В наше время нельзя быть ни в чем уверенным. Но Заноза здесь давно не появлялся. Мне удалось парой слов с дедком на охране перекинуться. В последний раз ключи от офиса ему выдавали три дня назад.

— Это хорошо. Значит, у нас есть еще шанс перехватить Бурляка.

— Что нам делать, шеф? — запросил инструкции Кощей.

— Возвращайтесь на базу. Мы скоро будем.

— Принято.

Он разорвал соединение, а я уже набирал номер Рогова. Максим подсоединился к «Руке» в считанные секунды и вскрыл компьютер Занозы. Процесс скачки данных занял полчаса. Много, очень много времени. Каждую минуту я ожидал, что в дверь квартиры начнут ломиться. И тут уж как повезет. Либо это будет полиция, либо «куклы» из отряда подкрепления. Ни с теми, ни с другими мне встречаться не хотелось.

Пока Рогов работал, я активировал нейрофон и загрузил отсканированные документы из досье Александра Бурляка. Если он ушел на дно, то где может скрываться? Я был уверен, что в досье есть необходимая мне информация. Пусть и не вся, но зацепка точно должна найтись.

И я ее увидел.

У Бурляка была девушка Настя. Они встречались уже полтора года, но вместе не жили. Затянувшийся конфетно-букетный период. Такое встречается сплошь и рядом. Вряд ли девушку это устраивало, но такова реальность.

Она жила на Пушкинской улице в пяти минутах от метро «Площадь Восстания», и чутье подсказывало мне, что если где Заноза и спрятался, то именно тут. Беда в том, что такую простую схему и «охваченные» легко могли раскрутить, поэтому надо торопиться.

— Готово. Можно вырубать, — раздался в трубке голос Рогова.

Я тут же поставил компьютер на выключение и выдернул флешку.

— Я там маленький подарок оставил. Когда комп в следующий раз включат, все данные будут автома-

тически уничтожены. Полное стирание диска, — похвастался Рогов.

— Молодец. Возьми из холодильника вкусненькое, — сказал я и отключился.

Выходя из квартиры Бурляка, я буквально кожей чувствовал посторонние взгляды. Наше появление тут не осталось без внимания, как и стрельба, которую мы учинили. Любопытные пенсионеры есть на любой лестничной площадке. Они работают безотказно. Самая надежная сигнализация в мире.

Я ожидал, что во дворе нас уже встречают с распростертыми объятьями и придется пробиваться силой. Но на удивление никого не было. Плохо работают «охваченные» либо, наоборот, идут на опережение.

Мы залезли в машину. Я завел мотор и аккуратно вырулил со двора, ожидая подлянки в самый последний момент. Лобового столкновения с лихачом при выезде на проспект, упавший на лобовое стекло кирпич с крыши соседнего дома, выстрел снайпера из одного из окон многоквартирного муравейника. Но ничего не случилось. Мы уехали без шума и пыли. И это было чудо.

ГЛАВА 21

Пушкинская улица начиналась от Невского проспекта, дальше огибала памятник Александру Сергеевичу, стоявшему в зеленом сквере, и уходила в сторону Кузнечного переулка. Популярное место у киношников. Вот и сейчас улица была перекрыта, пришлось оставлять машину на Невском и дальше идти пешком. По Пушкинской разгуливали дамы в шикарных

пышных платьях, меховых накидках и вычурных шляпах. Рядом с ними прогуливались кавалеры в длинных пальто и выглядывающих из-под них фраках, с тросточками и в цилиндрах. По мостовой катили частные конные экипажи и извозчики. Они огибали памятник Пушкину и возвращались к Невскому, чтобы начать новый круг.

На углу Пушкинского сквера стояли несколько фургонов с аппаратурой, камеры и прожекторы, сновали люди, чем-то очень занятые, а в центре всего этого сумасшествия возвышался мужчина в джинсовом костюме и кожаной кепке. Он курил сигарету за сигаретой и о чем-то ругался с полной дамой в кремовом берете и черном платье до пола. Похоже, во всем этом хаосе только он знал, что происходит, поскольку являлся режиссером.

Нам был нужен дом номер десять. В нем на первом этаже находился магазинчик «Ведьмино счастье», в витринах которого были выставлены ловцы снов, колоды таро разнообразных расцветок, статуэтки эльфов и ведьминская атрибутика. Возле магазина стояла карета с открытым верхом, и в ней сидела девушка в пышном платье, из-под которого выглядывали стройные ножки, обутые в кроссовки. Она уговаривала молодого человека во фраке и в белой рубашке с кружевными рукавами, с поднятым воротником и жабо, заглянуть в магазинчик и купить что-нибудь интересное. Он отказывался, но, чувствовалось, что оборона трещит по всем фронтам и скоро будет выкинут белый флаг капитуляции.

Рядом с «Ведьминым счастьем» находился банкетный ресторан и маленькая арка с железными ворота-

ми. Калитка на кодовом замке, комбинацию которого я не знал. Чисто механическая коробочка, где надо нажать несколько кнопок одновременно, и тогда дверь откроется. Будь это электронный замок, я попробовал бы его открыть, но этот бесполезно. Можно попытаться подобрать комбинацию, но это привлечет внимание. Оставалось только ждать, когда появится кто-то из жителей дома и откроет дверь.

Ждать пришлось недолго. От Пушкинского сквера пришла старушка в теплом пальто и синем берете. Она некоторое время копошилась возле замка, пристраивая сумки с продуктами, потом открыла дверь и шагнула в арку. Я придержал дверь, помогая бабушке пройти. Она посмотрела на меня подозрительно, но все же поблагодарила. Теперь проход открыт.

Во дворе мы быстро нашли нужную парадную, но дверь также оказалась на кодовом замке. Петр Евгеньевич решил не дожидаться, пока кто-нибудь из жильцов откроет дверь, и попробовал подобрать комбинацию. Старинная хитрость — нажать самые стершиеся кнопки, но у него не получилось. Он пробовал снова и снова, пока дверь не открылась и из парадной не вышла женщина в сером пальто и с белой кожаной сумочкой с большой буквой «W», выложенной золотого цвета стразами. Она окинула нас настороженным взглядом, но промолчала. Первым в парадную вошел Крюков. За ним последовала Василиса, а потом я. Перед тем как закрыть дверь, я окинул взглядом двор и ничего подозрительного не заметил.

Третий этаж, квартира сто двадцать четыре. Мы поднялись по лестнице и оказались возле двери из деревянных панелей, покрытых лаком. Я позвонил. По

квартире разлилась электрическая трель, но никто не торопился нам открывать. История имеет привычку повторяться. После повторного звонка пришлось мне опять браться за отмычки. Если так дальше пойдет дело, то я смело могу подрабатывать на ниве вора-домушника. Профессию в азах я уже освоил.

Помня, какой сюрприз нас ожидал на квартире Занозы, я достал пистолет, прежде чем переступить порог. Скорее всего, жилище пусто, а девушка просто ушла в магазин за продуктами или стоит на улице под накрапывающим дождем и глазает на съемочную группу и дам в кринолинах. Но подготовиться к любым неожиданностям надо.

Если верить досье, Настя Кораблева жила одна. Квартира родителей находилась в Московском районе рядом с метро «Электросила». Так что никого постороннего мы застать не могли. Жилье у Кораблевой было не в пример лучше, чем у Занозы. Что говорить, старый фонд, а не новодел какой. Просторные комнаты с высокими потолками заставлены древней мебелью, с небольшими вкраплениями современных изделий.

Сперва нам показалось, что в квартире никого нет. Крюков проверил кухню и одну из комнат. Василиса заглянула в гостиную. Мне досталась спальня. Вот тут нас и ждал неприятный сюрприз. В кровати лежал Бурляк, рядом Кораблева. Они были мертвы. Простыни насквозь пропитались кровью, но можно было разглядеть дырки от пуль. В него выстрелили два раза в грудь и контрольный в голову. Ей досталось три пули. На контрольку даже патрон расходовать не стали.

— Кошмар какой, — сказала Василиса, зайдя в комнату.

Тут же в спальне появился Петр Евгеньевич. Он подошел к кровати и прощупал тела. По-другому и не скажешь. Я отвернулся. Смотреть на это не было желания. Заноза знал, на что шел, когда связался с повстанцами, а вот девчонку жалко. В свое время была популярна пословица: «лес рубят, щепки летят», только вот мне жалко было каждую щепку, которая погибла в процессе достижения великой цели. И я не был уверен, что цель оправдывает средства. Если это достойная цель, то ее можно достичь и другим путем. Конечно, нельзя было винить себя или повстанческое движение в гибели девушки. Если уж кто тут и виноват, то только и исключительно Заноза, который не позаботился о ее безопасности.

— Тела свежие. Еще не успели остыть, — доложил Крюков.

Значит, убийцы ушли недавно. Интересная картина мира получается. Зачем убили Занозу? Подчищают следы. Крыса засветилась, больше не нужна и ее можно убрать? Или это очередное убийство повстанцев? Шахматист говорил, что в последнее время сопротивленцев стали убирать по одному? Похоже, смерть Занозы пока принесла только больше вопросов, чем ответов.

Если «охваченные» знали, где находится Бурляк, то зачем они оставили засаду на его квартире? Или они вычислили эту точку одновременно со мной, только их оперативная группа оказалась ближе, чем я? Черт, слишком много вопросов. В любом случае надо быть готовым на случай появления «кукол». Покидать место преступления я не мог. Пока вина Бурляка не доказана, он один из нас. Поэтому мы должны позаботиться о его теле, да и о девушке тоже.

Я набрал один из номеров Шахматиста. Он поднял трубку сразу, точно ждал моего звонка.

— Занозу выдернули. Но есть нагноение. Не можешь прислать хорошего врача, а то из дома выйти не могу, — сказал я.

— Диктуй адрес, — потребовал он.

Я продиктовал. Шахматист без лишних слов повесил трубку. Теперь оставалось только ждать команды зачистки, а пока можно было осмотреться. Быть может, Бурляк оставил нам что-нибудь, хоть малейшую зацепку.

— Гладиатор, я на доме и в парадной камеры видел. Может, попробуем получить доступ? — предложил Петр Евгеньевич.

Дело мужик говорит. Наши «куклы» обязательно засветились, когда уходили с точки. Их лица нам, конечно, мало что дадут. Все-таки это просто исполнители, простые «куклы», но след есть, и его надо проверить. Возможно, его удастся пробить через майора Щеглова, мы вычислим силовую структуру, которая работает против нас.

Я набрал номер Рогова. Максим, как всегда, сидел на связи. Я поставил ему задачу. Он почесал голову, я прямо-таки представил себе эту картинку, и сказал, что для подключения к камерам ему нужен к ним доступ, а вот сделать это будет трудно, поскольку камеры, скорее всего, связаны в локальную домовую сеть, куда пробиться сложно, но можно попробовать. Я сказал, что это очень нужно сделать, и отключился.

Посмотрим, так ли хорош Рогов, как мне его Шахматист рекламировал.

Мы остались дожидаться команду зачистки в квартире. Я был уверен, что «охваченные» сюда больше не сунутся. Они свое дело сделали и ушли. Я решил не терять время и предложил тщательно осмотреться на месте. Может, что удастся найти. Никогда раньше не думал, что мне придется заниматься обысками. Но жизнь заставит, и не на такую работу подпишешься.

Петр Евгеньевич занялся спальней. Только трупы он трогать не стал. Этим займется группа зачистки. Я взял на себя гостиную. Василиса — вторую комнату и кухню. Сорок минут мы убили на то, чтобы обследовать квартиру, но так ничего и не нашли. Это было типичное женское обиталище со следами индивидуальности, только принадлежали они Насте Кораблевой. Если Заноза и бывал здесь, то только как приходящий любовник. Он здесь не жил и делами не занимался.

Когда осмотр подходил к концу, позвонил Рогов и доложил:

— Мне удалось кое-что найти. Но изображения нечеткие, хотя лица опознать можно. Пришлось, правда, потрудиться. Тут интересная связка получилась. Я сперва подсоединился к...

— Не грузи меня подробностями. Отправь портреты мне на почту, — потребовал я.

Рогов сказал:

— Хорошо.

Но, похоже, парнишка обиделся. Хреново, когда начальник доволен результатом, но отказывается оценивать степень сложности проделанной работы.

Я активировал нейрофон, вошел в почтовый ящик и скачал свежие письма. В который раз поразившись

количеству мусора, рассылаемого по сети, я нашел нужное письмо и загрузил содержимое. Сперва я открыл фотографии. Портреты повисли прямо перед моими глазами, заслонив собой большую часть реальной картинки. Я сделал их максимально четкими, но все равно видно, что изображение некачественное, хотя есть с чем работать. Несколько лиц с нейронами и один без. Может, конечно, просто неудачный снимок, но есть вероятность, что «куклам» помогал кто-то из «неохваченных» — «ренегат». Я сохранил фотки себе. Потом вновь вошел в почтовый ящик и переслал письмо майору Щеглову с припиской: «Пробей по своим каналам». Можно было, конечно, отдать эту информацию Шахматисту. Он тоже знает, кому ее показать, чтобы получить результат. Но беспокоить начальство? Да и через Щеглова будет быстрее.

Раздался звонок. Судя по номеру, Шахматист.

— Я отправил к вам очень хорошего врача. Поможет удалить Занозу, так что и следа не останется. Встречайте, он уже на подходе.

Петр Евгеньевич направился к входным дверям. Через минуту он входил в комнату в сопровождении сотрудников полиции и людей в штатском. Все из числа «неохваченных». Они служили в сопротивлении, оставаясь на службе в государственных органах, и прикрывали нас, если имелась такая возможность. Один из полицейских скользнул по мне взглядом, видно, узнал, задержался. Я видел, как в его голове происходит процесс сравнения всех доступных ориентировок с моим портретом. Вот появилось удивление, заинтересованность, но тут же все пропало. Полицей-

ский увидел, что я из числа повстанцев, и сделал вид, что не видит меня.

Мы здесь больше не нужны. Без нас справятся.

Я вышел на улицу. Захотелось закурить. В первый раз после армии. Хорошо, что я избавился от этой дурной привычки. Но вот выпить — святое дело, к тому же надо осмыслить все, что сегодня произошло. Ехать к себе домой и там в одиночку устроить мозговой штурм. Я посчитал это неправильным ходом. Надо отправляться в штаб и там совместно обсудить все, что мы сейчас имеем. В конце концов, нам предстоит стать командой. Значит, все вопросы мы должны решать вместе.

По дороге мне позвонил Факел.

— Твой клиент раскололся. Он мало что знает, но один адрес назвал. Похоже, тот, кого вы ищете, сейчас обретается там. Я тебе выслал информацию на почту. Надеюсь, что это поможет.

Вот и след Олега Кормчего, Кузнеца, появился. Это очень хорошо.

Первый порыв — развернуть машину и отправиться по указанному адресу. Но я остановил себя. Сначала надо все обмозговать, посмотреть на карте местность, прощупать все входы и выходы, вооружиться как следует. И ехать надо на нескольких машинах, так чтобы были варианты отступления. Любую операцию сперва надо подготовить. Так что я спокойно продолжил путь.

Мы добрались до конторы без проблем. Никакого хвоста. Никаких непредвиденных осложнений, что в свете последних событий выглядело настоящим чудом. Наконец-то вся команда в сборе. Я попросил Пе-

тра Евгеньевича обрисовать остальным текущую оперативную обстановку. Сам же направился на кухню и взял бутылку пива. Судя по состоянию холодильника, кто-то уже сходил сегодня за продуктами. На этот раз в ящиках и на полках лежали алюминиевые банки с немецким «Черным бароном», приличное пиво по доступной цене.

Когда я вернулся в гостиную, Крюков закончил доклад.

— У нас появились свежие данные по оружейнику. Есть адрес, где он может находиться. Предлагаю его проработать, и завтра утром отправимся на дело.

— Не торопимся ли мы, командир? — спросил Зарецкий. — Надо бы все серьезно обсосать.

— Боюсь, что оружейника кто-нибудь предупредит и он исчезнет.

— Разве Заноза не был нашей крысой? Теперь, когда его нет, все чисто, никто стучать не будет, — возразил Кощей.

— Пока это не доказано, мы считаем, что крыса продолжает работать, поэтому работаем крайне осторожно. К тому же среди тех, кто приходил в квартиру на Пушкинской, был и «неохваченный». Так что все варианты со счетов сбрасывать нельзя. Я считаю, что часов пять на разработку адреса оружейника нам хватит. Работаем, господа, работаем.

ГЛАВА 22

Кузнец обосновался в бизнес-центре «Обводный, 24а». Если верить сайту-визитке, абсолютно малоинформативному, в здании велось видеонаблюдение,

работала круглосуточная охрана и народу не протолкнуться.

— Зато место глухое и ресторан хороший, — решил поднять настроение Кощей.

Это не могло не радовать. Только глухое место, если вдруг начнется стрельба, станет мигом оживленным. А от ресторанной кухни нам ни холодно, ни жарко. Значит, делаем вывод: работать придется аккуратно и желательно без огневой поддержки. Утром в бизнес-центре будет много народу, все офисы работают, по этажам снуют курьеры, сотрудники бегают в курилку и за перекусом, фланируют по этажам, разговаривая по телефону. Кузнеца надо брать живым, а охрану его желательно вывести из строя без крови. Но это, конечно, по ситуации.

Кузнец обосновался на десятом этаже в офисе компании «Дубравка Мебель». Контора занимала шесть кабинетов, один из них принадлежал директору по маркетингу Олегу Кормчему. Это могло быть совпадением, но источник утверждал, что это один и тот же человек.

Мы приехали на место к открытию, но на дело решили идти часов в двенадцать. Сперва надо на месте осмотреться, да и в такую рань есть вариант не застать Кузнеца на месте. Хотя наш источник утверждал, что в офисе он последнее время проводит весь рабочий день от звонка до звонка. Но я решил, что надо дать ему плотно в сетях осесть, а уж тогда можно и подсекать.

Обводный канал был перекопан. Повсюду грязь, пыль и чадающие машины. Одни копали землю, другие вывозили отходы, третьи укладывали асфальт. Во-

круг ходили люди в красных одинаковых спецовках с логотипами «ГарантСтрой» и изображали бурную деятельность.

Я с трудом нашел место для парковки, так чтобы бизнес-центр был в зоне видимости. «Обводный, 24а» — это пятнадцатизэтажная башня из красного кирпича с маленькими окнами, возвышающаяся на холме. Молоденькие зеленые елки, высокий сплошной забор из рифленого металла и бензоколонка вот и все, что есть в округе. До ближайших жилых домов около километра. И вот эту крепость нам предстоит бесшумно взять. Задача не из простых.

Петр Евгеньевич прогулялся до проходной на разведку. Прикинулся курьером, который заблудился в бизнес-центрах и приехал не на тот адрес, переговорил с охранником на входе. Вернувшись, он доложил, что охранник — молодой парень лет тридцати, солидный вес, но не толстый, может, бывший борец. Сидит он в стеклянной будке с приоткрытой дверью, всех регистрирует в бумажном журнале, компьютер у него есть, но туда выведены данные с камер, турникет металлический — вертушка. Регистрация идет по паспортам. Светить свой документ — опасное дело, но другого выхода нет. Надо только при отступлении уничтожить данные в регистрационном журнале. Вырвать страницу или унести весь журнал, это не проблема.

На операцию решили идти налегке. Из оружия только колюще-режущее и пистолеты, но это на самый крайний случай, если придется отступать с боем. Надеюсь, до этого не дойдет.

Приблизившись к башне, я активировал нейрофон и загрузил игровой режим. Мир привычно поддер-

нул пленкой наложенной вселенной, я крутанул настроечное колесико, и реальность уступила место игровым декорациям. Передо мной возвышалась высокая башня из красного обработанного кирпича, из окон бойниц верхних этажей свисали два красных стяга с золотыми орлами и аббревиатурой SPQR, как недавно я узнал, это означало «Сенат и граждане Рима».

Я окинул взглядом свою команду. Выглядела она причудливо. Справа вышагивал Кощей в облачении гладиатора-димахера. В легкой белой тунике, с непокрытой головой, руки и ноги стянуты тугими повязками, предохраняющими от скользящих ударов, на ногах кожаные сандалии с множеством ремешков. В каждой руке у него по испанскому гладиусу, который отличался от обычного римского пехотного меча чуть большими размерами. Рядом с ним шагал Боксер в костюме гладиатора-андабата. Его туловище скрывала плетеная кольчуга, на ногах металлические поножи, руки и плечи сковывали латы, а голову скрывал глухой шлем с забралом. Не римский гладиатор, а типичный средневековый рыцарь, вышедший на турнирную арену. Вооружен он был коротким мечом и кинжалом. Слева от меня шла Василиса в облачении гладиатора-фракийца. Золотого цвета защитные щитки доходили до колен, а дальше начинались красные штаны, поверх которых свисала зеленая юбка. Грудь скрывала неуставного вида рубаха. В левой руке она держала щит. Правую руку скрывал зеленого цвета рукав, под которым находился стальной наруч. На голове большой шлем, скрывающий всю голову, с забралом-решеткой и стальным грифоном,

украшенным красным гребнем. Василиса была вооружена изогнутым фракийским мечом. Рядом с ней шел Петр Евгеньевич в костюме гладиатора-мирмиллона. Прямоугольный щит римских легионеров, меч — гладиус, на голове шлем с гребнем в виде рыбы. Пестрая команда у нас подобралась, нечего сказать.

Путь в башню преграждали высокие железные ворота. Слева виднелась дверца, которая постоянно открывалась и закрывалась, то впуская, то выпуская мужчин в белых и красных тогах, женщин в длинных туниках и коротких столах. Я направился туда. Войдя внутрь, я оказался в приёмных покоях. Путь дальше преграждал железный шлагбаум, украшенный щитом с изображением медвежьей морды. Возле него в деревянной будке сидел легионер, вооруженный копьем, и откровенно скучал. При виде нас он вскочил, преградил дорогу и потребовал предъявить охранные грамоты, удостоверяющие личности визитеров. Я достал из-под панциря грамоту и протянул ее легионеру. Он бегло просмотрел ее, записал данные в длинный свернутый в свиток пергамент и поднял шлагбаум.

Мы вошли на территорию башни. Длинный коридор, украшенный мраморными колоннами, и лифтовая площадка, возле которой стояли люди в туниках и тогах. Они разговаривали о делах, о политической ситуации в стране, о ценах на мясо и молоко и повышении цен на квартплату. Мы встали рядом, ничем не выделяясь из толпы. Никто из римских граждан не обращал на нас внимание. Их не смущало соседство с гладиаторами. В отличие от меня они видели обычных людей в деловых костюмах, приехавших на бизнес-встречу. Вероятно, большинство из них были

из числа «охваченных» и сами были погружены в виртуальный мир. По крайней мере трое из них играли в «Рим-онлайн», если верить подсказке нейрофона.

Мы дождались лифта. Я вошел первым. Потом затолкались сотрудники башни, а уж затем вошли мои ребята. Лифт двигался быстро, останавливаясь практически на каждом этаже. Постепенно народ рассосался, осталась только моя команда. Наконец звякнул колокольчик, возвещая, что мы достигли цели путешествия, десятого этажа. Дверцы раскрылись, и я увидел длинный белый коридор с резными деревянными дверями, на которых висели таблички с наименованиями контор и номерами кабинетов. Быстро сориентировавшись, я свернул направо и вскоре увидел знакомое название «Дубравка». Тут же я заметил трех легионеров, стоявших возле окна и о чем-то разговаривающих. По всей видимости, эти ребята были из числа охранников Кузнеца. Они окинули нас внимательным взглядом и ничего не сказали. По всей видимости, мы не показались им подозрительными. Скоро они будут проклинать себя за такую беспечность.

Я нашел нужный нам кабинет. Петр Евгеньевич и Зарецкий застыли в коридоре, охраняя подступы, а мы вошли без стука. В кабинете я насчитал четверых. За большим резным деревянным столом в красной тоге восседала наша цель. Двое легионеров сидели на диване в правом углу кабинета. И один человек в тоге, с виду патриций, восседал в мраморном кресле напротив Кузнеца.

Судя по удивленным лицам, нас здесь не ждали. Олег Кормчий рывкнул:

— Что вам здесь надо? По какому вопросу?

Прозвучало это очень невежливо. Он махнул рукой, отдавая приказ, и навстречу нам поднялись двое легионеров.

Все произошло быстро. Я встретил первого легионера ударом справа, сбил его с ног. Он упал обратно на диван. Второй легионер словил ногой в грудь от Василисы, но устоял. Наше выступление разозлило их, но дало нам минутную фору. Я успел выхватить меч и проткнул им первого легионера. В это время Василиса расправилась со вторым.

Жестко, конечно, но выбора другого не было.

Кормчий вскочил с места. Его собеседник тоже резко поднялся, но я толкнул его назад в кресло и приставил меч к горлу.

— Кормчий, ты пойдешь с нами. И без шума.

Кузнец зло осклабился, но все же согласно кивнул. Похоже, его наше появление несколько не испугало. Крепкий орешек, такой будет трудно расколоть. А ведь нам надо узнать, кто стоит за поставками оружия на питерский рынок и кто контролирует всю операцию с нейрофонами.

Кощей мигом оказался возле Кузнеца и подтолкнул его к выходу. Первый этап операции прошел гладко, если не считать одного погибшего «охваченного». Но я чувствовал, что скоро начнутся приключения. Уверен, что Кормчий успел уже нажать тревожную кнопку и на улицу нам придется пробиваться с боем. Мои опасения тут же подтвердились, стоило нам перешагнуть порог кабинета. Пятерка легионеров в сверкающих новеньких доспехах неслась к нам по коридору. Их встретили во всеоружии Петр Евгеньевич и Зарецкий. Зазвенели клинки. Первому досталось

двое противников. Второй взял на себя троих. Силы явно неравны. Но на удивление мои ребята держались стойко и даже умудрились потеснить противника. В дело вмешался Кощей. Он превратился в стальную мельницу. Налетел на врага, и через минуту двое легионеров лежали на полу в луже крови. Третьего же Боксер сам отправил на тот свет. Кощей тут же переключился на противников Петра Евгеньевича, и вскоре путь был свободен.

Кормчий взирал на нас со снисходительной усмешкой, словно ему были доступны высшие знания, о которых мы и не догадывались, и в связи с этим все наши потуги он рассматривал как жалкие трепыхания малышей в песочнице.

Мы рванули к лифту. Но там нас уже ждали трое легионеров. Один тут же замахнулся и метнул в нас копье. Жалкая потуга. На что он только надеялся. Через мгновение он лежал на мраморном полу, рассеченный сильным ударом Василисы. Мне все больше и больше нравилась эта девочка. Как уверенно и жестко она сражается. Как независимо и решительно ведет себя среди нас. Тут нельзя не влюбиться. Двое других легионеров попытались взять нас в мечи, но тут же поплатились за свою самонадеянность. Кощей и Боксер расправились с ними за полминуты.

Оставалось удивляться, где только Кормчий набрал себе в телохранители таких неумех. Я посмотрел на Кузнеца. Он выглядел торжествующим, точно это не мы выигрывали бой за боем, а его воины. И при этом он не вымолвил за последнее время ни слова.

Из кабинетов то и дело выглядывали встревоженные лица. Шум драки в коридоре привлекал их внимание,

но, увидев нас, они тут же старались спрятаться. Никому из этих людей не нужны были лишние проблемы. Кого-то волокут вооруженные гладиаторы, и возможно, на верную смерть. Так это его проблемы. У каждой проблемы свои, и их нужно решать самостоятельно. Такой верный принцип современного мира.

Я вызвал лифт, но тут же передумал ехать на нем. Если охрана Кузнеца сообразит, то попытается заблокировать нас в лифте, а там запустит усыпляющий газ и возьмет нас тепленькими. Рисковать нельзя. Придется спускаться с десятого этажа по лестнице. Я предположил, что охранники будут следить за лифтом и не сразу сообразят про лестницу. Это даст нам пусть небольшую, но фору.

Мы выиграли три этажа. На седьмом нас уже встречали четверо бойцов. Они перегородили лестничную площадку и выглядели очень устрашающе. Им навстречу бросились Кощей и Василиса. Теперь я на деле мог увидеть, как работает эта легендарная парочка. Каждое их движение было отточенным и быстрым. Они не задумывались ни о чем и действовали как единый организм, предугадывая следующий шаг друг друга. Они не сражались, а танцевали, и этот танец с саблями принес свои кровавые плоды. Они прорубились сквозь линию легионеров, чтобы мы могли продолжить путь.

Удивительное дело, как еще по нам не открыли огонь. Похоже, «охваченные» сами не хотели привлекать лишнее внимание к фигуре Кузнеца. Ведь если начнется стрельба, появится полиция, а тогда образ оружейника обязательно всплывет в официальных рапортах и протоколах. Кормчему это было не нужно, равно как и его хозяевам.

Шестой и пятый этаж мы миновали без проблем. Такое чувство, что легионеры отступили и давали нам возможность выбраться беспрепятственно из здания. Но это было обманчивое впечатление. Они просто готовились к встрече на четвертом этаже.

Их тут скопилось человек десять. Они стояли по двое друг за другом. Передние ряды вооружены мечами, а вот задние ручными арбалетами, которые, если мне не изменяет память, появились несколько позже Римской империи. Я подозреваю, что нейрофоны так замаскировали огнестрельное оружие. Значит, «охваченные» все-таки решились, и это было очень плохо.

Кощей и Василиса отступили за спину Кормчему. Настала их очередь охранять оружейника. Вперед выдвинулся Зарецкий, а я бросился на легионеров.

Назвать это боем язык не поворачивался. Это была драка. Драка за каждый шаг, за каждую ступеньку. Легионеры стояли крепко. Они рубились ожесточенно, словно отступать им некуда, позади только огненное пекло. Так что или погибнуть в бою с честью, или сгореть в позоре. Я наносил удары направо и налево, отражал контрвыпады, колот и рубил. При этом чувствовал себя не воином, а мясником, который забивает на бойне скот. У них не было шансов. Слишком молоды и неопытны. Вероятно, оружейник не ожидал, что его местонахождение вычислят, и чувствовал себя в полной безопасности. Правая рука очень быстро стала уставать.

Трое легионеров уже выбыло из строя. Один выронил меч и, зажимая руками живот, скулил возле стены от боли. Второй с рассеченным горлом лежал на ступеньках. Ему уже никто не мог помочь. Третий от-

делался шрамом через все лицо и лишился глаза. Товарищи утащили его себе за спину и сомкнули строй, и я вновь оказался перед свежими, полными сил легионерами. На помощь мне пришел Петр Евгеньевич. Он взял на себя правый фланг возле стены. Остальные члены моей команды могли только наблюдать за боем, в любую минуту готовые подменить выбывшего. Втроем, вчетвером здесь было не развернуться.

Мраморные плиты лестницы обильно орошались кровью. Римские боги будут довольны такой обильной жатвой.

Прошло минут семь, а мы продвинулись всего лишь на несколько ступенек. В то время как число легионеров, казалось, не уменьшилось. Двери на нижних этажах хлопали, впуская все новых бойцов. Послышался топот откуда-то сверху, похоже, нас зажимали в тиски. Скоро мы будем вынуждены биться на два фронта.

Я сделал шаг назад, и на мое место тут же заступил набравшийся сил Боксер. Он ворвался в бой с яростью берсеркера. Легионеры дрогнули от такого натиска, но устояли.

Я вызвал через нейрофон номер майора Щеглова. Он ответил не сразу. Я обрисовал вкратце ситуацию, назвал адрес и запросил силовой поддержки.

— Гладиатор, ты сошел с ума, это не мой участок, — возмутился Щеглов.

— Какая, к чертям, разница! Нам нужна помощь! — рявкнул я.

— Высылаю команду, — ответил Щеглов и отсоединился.

Хороший мужик. Ко всему с пониманием относится. Кто бы мог подумать, что я сам вызову полицию.

Но в нашей ситуации вмешательство официальных властей только будет на руку. К тому же власти в этом случае выступят на нашей стороне.

Мы увязли на этом уровне, и дальше не пройти. Продолжить бой, завалить лестницу трупами легионеров, но рано или поздно мы все тут поляжем. Их слишком много. Главное — это выполнение задачи, поставленной руководством. Я скомандовал отступление. Мы поднялись на пятый этаж. Позади остались Зарецкий и Крюков, прикрывали отход.

Будем надеяться, помощь в лице оперативников майора Щеглова приедет быстро, а пока нам надо найти другой выход из этой башни. Не сидеть же на этаже, запершись в каком-нибудь кабинете и держа глухую оборону до подхода подкрепления. Это не мой путь. Если мы вышли на операцию, то должны выпутаться своими силами, не надеясь на вмешательство извне.

Я вызвал программу «Схема» и включил геолокацию. В правом углу повисло окошко с картой и крохотным вращающимся земным шаром. Через несколько секунд передо мной развернулась схема пятого этажа башни, на которой зеленым пунктиром был проложен путь к пожарной лестнице. Выход на нее находился в противоположном конце коридора. Я жестом указал направление и первым бросился к запасному пути. Позади уже слышались голоса легионеров, которых все еще сдерживали Боксер и Крюков. У нас были все шансы прорваться. Вряд ли у Кормчего достаточное количество охраны, чтобы перекрыть оба пути.

И я оказался прав. Пожарная лестница, являвшаяся точной копией парадной, встретила нас пустотой.

Мы понеслись вниз, перескакивая через ступеньки. Я и Кощей тащили Кузнецца за собой. Выглядел он уже не таким довольным и уверенным. Мы уже были на третьем этаже, когда на лестнице показались Боксер и Петр Евгеньевич. Я слышал их злые голоса и лязг мечей.

— Мужики, вы чего? Вы не того взяли. Это какая-то ошибка, — заскулил Олег Кормчий.

Не так я себе представлял грозного Кузнецца, через которого шел поток нелегального оружия. Как-то он слишком быстро скис. Или играет на публику? Такую версию тоже со счетов сбрасывать нельзя.

До первого этажа мы добрались без проблем. Удалось все-таки обмануть «охваченных». Остался последний, самый тяжелый отрезок пути. Нам предстояло выйти из здания и добраться до машины. Охранников у Кузнецца еще прилично осталось, и они приложат все усилия к тому, чтобы нас не выпустить. Я вышел из игрового режима и притушил нейрофон. Реальность предстала передо мной во всей красе. И тут же появились запахи. Пожарная лестница насквозь провоняла табаком. Казалось, даже стены источают этот жженный аромат. Когда я был в костюме гладиатора, нейрофон любезно убирал все лишнее, аккуратно выстраивая римские декорации. В этом плане нейрофон был педантичен до тошноты. Он даже пожарную лестницу превратил в лестницу для прислуги, которая могла пахнуть как угодно, но только не табаком.

— Мужики, я ничего не знаю. Всем святым клянусь. Я просто продавал примочки для нейрофонов. Всякие разные приспособы для игр, — опять заговорил Кормчий.

Губы у него тряслись. По виду совсем испугался наш оружейник. Как сильно он отличался от того уверенного господина, которым был на верхних этажах. Тот шел по принуждению, но не терял собственного достоинства, а этот был готов на все, лишь бы его отпустили.

— Заткнись, — рывкнул Кощей и ударил его в спину.

Я толкнул дверь, и мы вылетели в вестибюль бизнес-центра. Нас тут уже ждали. Десяток «охваченных», стянутых со всего здания, заняли выгодные позиции и при нашем появлении открыли огонь. Они все-таки решились устроить стрельбище. Я чудом разминулся с пулей. Упал на пол, перекатился в сторону и выхватил пистолет. Моя команда отреагировала быстро, бросилась в разные стороны, стараясь спрятаться за естественными укрытиями, а их в вестибюле еще надо было умудриться найти.

Боксер рванул на себя Кузнецца и под его прикрытием спрятался за торговым автоматом. Если бы «охваченные» хотели, они бы нас подстрелили, но они стреляли так, чтобы не задеть своего босса. Кто знает, быть может, у них практиковалось древнее правило телохранителя: потерял клиента — голову на плаху. Боялись, что за гибель столь ценного объекта их казнят. Может, и так.

Я укрылся за большим диваном для посетителей. Ничего более удачного найти я не смог. Василиса и Кощей вжались между стенкой и зеленым банкоматом Сбербанка. Петр Евгеньевич занял позицию за кофейным автоматом.

Он первым сориентировался на месте и открыл ответный огонь. Теперь я мог только жалеть, что при-

казал не брать автоматы. Они бы сейчас оченьгодились. Мы бы подавили огнем сопротивление «охваченных», а затем прорвались бы на улицу.

Крюков стрелял отлично. Двумя первыми выстрелами он поразил две цели. И «охваченные» стали осторожнее. Скоро они сообразят зайти к нам с тыла. Преследователей Зарецкий и Петр Евгеньевич еще на верхних этажах положили всех до единого. Так что пока удара в спину нам можно не опасаться.

От моего диванчика в разные стороны летели клочки дерматина и поролона. Но он пока еще держался. Пули пробивали его насквозь, не задевая меня. Это просто чудо. Я выскочил из укрытия и, не прицеливаясь, сделал два выстрела. Первый угодил в стеклянную перегородку поста охраны. Она разлетелась брызгами на пол. Второй попал в цель. Одна из «кукол» нелепо всплеснула руками и упала на пол.

Но закрепить успех мне не удалось. «Куклы» переключили все внимание на меня, и от летящей смерти вскипел воздух. Я упал на пол, растянулся, стараясь вжаться в него, и замер. От спинки дивана остались одни воспоминания. Но тут на помощь мне пришли Василиса и Кощей. Высунувшись из укрытия с двух сторон, они быстро расстреляли все патроны, отправив на тот свет парочку «кукол», и резво спрятались. Это дало мне возможность отползти к кофейному автомату и встать рядом с Петром Евгеньевичем.

Крюков довольно подмигнул мне. Мужик старался держаться бодрячком, но чувствовалось, что он на пределе. Губы у него дрожали, как с дикого похмелья, да лицо посерело. Ничего, скоро все закончится так или иначе. Но сдаваться я не собирался.

В тот момент, когда я собирался уже идти на штурм проходной, вдалеке слышались полицейские сирены. Хотелось бы верить, что это орлы Щеглова прибыли. Я выглянул из-за автомата, несколько раз выстрелил для острастки, но на рожон уже не лез. Резона не было. Сейчас все решится.

Стеклянные входные двери разлетелись вдребезги, и в вестибюль ворвалась третья сила. Пятеро бойцов полиции в бронежилетах и касках с автоматами в руках. Кто-то из «кукол», так и не сообразив, что ситуация изменилась, решил пострелять по сотрудникам полиции. За что тут же и поплатился. Его расстреляли на месте. Этот глупый поступок развязал руки бойцам Щеглова. Они стреляли не стесняясь.

Я поспешно спрятал пистолет в кобуру, и жестами показал ребятам сделать то же. Они убрали оружие.

Вскоре все закончилось. Те из «охваченных», кто не отличался сообразительностью, остался лежать на полу, заливая его кровью. Те же, у кого с головой был полный порядок, сдались, выбросив оружие.

— Всем на пол. Руки за голову. И не шевелиться, — проорал один из полицейских.

Оставшиеся в живых «куклы» поспешили подчиниться. Вскоре они лежали все. При беглом подсчете их тут набралось еще с десятков.

Возглавлял группу полиции лейтенант Егоров. Увидев меня, он махнул рукой. Пора было выходить. Мы подняли руки, делая вид, что сдаемся, и пошли к ним навстречу. Только Боксер продолжал выполнять свою работу по конвоированию задержанного. Кормчий попытался было подать голос, но Зарецкий тут же показал ему, кто в доме хозяин. Оружейник, словно

рыба, вытащенная на берег, захватал жадно воздухом, согнувшись. В таком положении его вывели из здания.

Я шел последним. Поравнявшись с Егоровым, я кивнул в сторону кабинки охраны. Надо потереть за собой следы. Он понял меня без слов. Аккуратно перегнулся через стеклянные осколки, торчащие из разделительного барьера, и схватил журнал регистрации.

— Конфискуется, — заявил он.

Парнишка на охране не посмел ничего возразить. Сложно спорить, когда тебе в голову смотрят дула как минимум трех автоматов.

Оказавшись на улице, Егоров выругался и заявил:

— Гладиатор, у тебя окончательно крышу сорвало. Ты чего тут устроил? Жить надоело? Даниил Дмитриевич вне себя от ярости.

— Гриш, поговорим обо всем потом. Давай убираться отсюда, — предложил я.

Бойцы упаковали Кузнец в полицейскую машину, несмотря на наши возражения.

Егоров сказал:

— Следуйте за нами.

И мы рванули в сторону от Обводного канала.

ГЛАВА 23

Не нравилось мне, что Кузнец ехал отдельно от нас. Но в данной ситуации полицейское сопровождение было для него лучшим вариантом. Сейчас они могли добиться максимальной безопасности для нашего подопечного. А нам надо было прийти в себя после штурма да зализать раны. Досталось нам крепко. Я не

ожидал встретить такое количество вооруженной охраны. Значит, крупную рыбу мы взяли. Верной дорогой идем, господа.

Лучше всех выглядела Василиса. Несмотря на то что она великолепно показала себя в бою, смотрелась, словно только что вышла из косметического салона. Волосы чуть растрепались. Сидя на заднем сиденье, она усиленно приводила себя в порядок. Справа, приткнувшись к пассажирскому окну, дремал Кощей. Он заснул быстро, стоило ему только закрыть глаза. Лицо бледное, губы красным налились, через левую щеку большой свежий шрам с запекшейся кровью. Да правую руку зажал, видно, подрезали его. Слева от Василисы сидел Петр Евгеньевич. Он уже не выглядел таким крепким, как в первую встречу. Весь обмяк, ссутулился, глаза потухли, а в рыжей бороде, казалось, прибавилось седины. И только один Зарецкий сидел справа от меня злой, собранный, готовый по команде сорваться в новое сражение. Ему, казалось, все было нипочем.

Ребята выложились основательно. Тут говорить не о чем. Но к масштабным серьезным сражениям они были не готовы. Маленькие уличные бои, локальные стычки. Они все еще играли в сопротивление. В то время как нам надо было привыкать к тому, что на улицах нашего города идет война. Чужая война. Навязанная нам со стороны неведомыми кукловодами. И пока это не уляжется в мозгах повстанцев, мы будем обречены играть в догонялки с «охваченными», при этом они всегда будут на несколько шагов впереди. Они знают конечную цель всего проекта. Мы же пока блуждаем в темноте и не видим всей картины мира в целом.

Я боролся с мрачными мыслями, но они все лезли и лезли в голову. Надо срочно допросить Кузнецца, а потом решать, что с ним делать. Лучшего места, чем полицейские допросные, и не придумаешь. Так что я не возражал против короткой прогулки до вотчины майора Щеглова. После допроса надо было решать, что делать с Олегом Кормчим, но я надеялся, что это решение придет в процессе. А потом на базу, зализывать раны, приводить себя в сознание. Вероятно, Петра Евгеньевича надо будет закинуть к Лекарю. Не нравилось мне, как он выглядит. Остальные сами восстановятся.

До отделения майора Щеглова мы доехали без проблем. Даниил Дмитриевич встречал нас на ступеньках по полной форме, в фуражке, руки уткнул в бока, лицо багровое, глаза навывкате. Он явно был не в духе. Егоров выволок за воротник Кормчего из машины и подтолкнул в сторону крыльца. Щеглов бросил на него беглый взгляд и кивнул в сторону отделения. Егоров понял приказ без слов и поволок задержанного в камеру до дальнейших распоряжений.

— Слышь, Корнев, ты чего такое творишь? Ваши операции — это ваши операции! Я в них не лезу. Вы ко мне не лезете. Обводный не наша земля. Ты думаешь, нас по головке погладят за такое самоуправство. Я уже с погонами прощаюсь. Влезли на чужую территорию, забрали всех и уехали. Никакого официального оформления. Ничего. Мы тебе не бандиты с большой дороги. Мы по Уголовному кодексу работать должны.

— Не кипятись, Дмитрич. Все образуется.

— Что значит не кипятись? Да я с ребятами на десять лет себе наработал в красной зоне. А ты мне говоришь, не кипятись, — возмутился Щеглов.

— Мы большую рыбу взяли. Через этого человечка в Питер нелегальные стволы шли, из которых потом на улицах народ вялили. Так что ты нам еще спасибо сказать должен. За вас работу делаем, — внаглую заявил я.

От такого нахальства Щеглов потерял дар речи.

— Мы воспользуемся одной из твоих камер. Нам по душам поговорить надо. А ты пока прикрой нас.

— Ты вообще понимаешь, что ты в розыске?

— Не я. А кто-то очень похожий на меня. В ориентировке же не написаны мои ФИО? — возразил я.

— Нет. Но...

— Вот и никаких но. Тут вопрос серьезный. Нам нужно с ним парой слов перекинуться, чтобы понять, что с этим Кузнецом делать. А потом мы тебя покинем и его с собой заберем.

— А как мне из той каши, что ты заварил, выкручиваться? — спросил Щеглов.

— Дмитрич, а не придется выкручиваться. Хозяин «охваченных» замнет дело. Оно не пойдет по официальным каналам. Все сделают вид, что ничего не было. Так что ты не парься по этому поводу, — посоветовал я.

— Успокоил, твою мать. Горский, проводи товарища в камеру к задержанному, — приказал он.

Молодой парень с сержантскими погонами и густыми усами вытянулся как струнка и козырнул, принимая приказ.

Я последовал за сержантом Горским.

Олег Кормчий дожидался меня в допросной комнате. Выглядел он растерянным и напуганным. Не осталось и следа высокомерия, которое он источал

в своем кабинете. Он сидел за столом, как человек, смирившийся со смертным приговором и ждущий, когда же его приведут в исполнение. При моем появлении он поднял глаза и несколько оживился.

— За что меня арестовали? Я требую адвоката.

Я не ответил на его вопрос. Придвинул стул поближе к столу и сел. Некоторое время я молча смотрел на него, пытался оценить. Из-за этого человека погибло столько хороших людей, моих друзей, а он живой и невредимый сидит напротив меня и еще пытается качать права. Мне внезапно захотелось его ударить. Он, видно, прочитал это в моих глазах, втянул голову в плечи и умолк на середине гневной фразы, которую я пропустил мимо ушей.

— Вас зовут Олег Кормчий. Чем вы занимаетесь?

— Кто? Я? — зачем-то переспросил оружейник.

— Ну не я же. Чем я занимаюсь, я в курсе. Я охочусь на таких гадов, как ты. И сегодня мне улыбнулась удача. Поэтому я повторяю вопрос. Чем вы занимаетесь? И советую отвечать честно. У меня дикая аллергия на ложь. Кулаки чесаться начинают.

Я положил на стол руки, так чтобы сбитые костяшки пальцев оказались у него на виду.

— Я руководитель отдела продаж в компании «Технопром».

— И что вы делали в офисе компании «Дубравка»? — уточнил я.

— Наша компания крупная. В нее входит много маленьких компаний. В том числе и «Дубравка». В последнее время мы работали на их площадях. Пока наш собственный офис находится в ремонте, — зататорил Кормчий.

— И чем занимается ваша компания «Техно-пром»? — спросил я.

— Мы поставляем различные игровые приспособления для расширения возможностей нейрофонов. Я смотрю, вы подключены, поэтому, вероятно, знаете, что такое игровые миры. На игровых площадках вы можете покупать себе виртуальное оружие и аммуницию. Последняя разработка нейрофона — это внедрение реальной имитации оружия. Любой пользователь может купить для себя и повесить, к примеру, у себя дома на стену. Разумеется, это не настоящее оружие. Из него никого в реальном мире убить нельзя, только на игровой виртуальной площадке. Также это скорее сувенир, очень дорогой сувенир.

Я смотрел на Кормчего и размышлял. Он правда верит в то, что говорит. Его использовали втемную. Или все-таки он умело врет мне в глаза и надеется, что я поверю в эту развесистую клюкву?

— Откуда вы берете оружие?

— Я же уже говорил вам. Это не оружие. Это имитаты. Мы так это называем, — поспешил меня поправить Кормчий.

— Это без разницы. Откуда они попадают к вам?

— Нашей компании очень повезло. Мы выиграли конкурс и теперь являемся эксклюзивными поставщиками имитатов на северо-западном рынке. А производителем этого продукта является компания «Лоджик-тек». Она же является производителем нейрофонов.

— Оружие можно купить только у вас в офисе? Или есть еще точки продажи? — спросил я.

— У нас больше двадцати офисов по всему городу. А также офисы в Новгороде, Петрозаводске и Мур-

манске. Но я не понимаю, почему вас это интересует. У нас совершенно легальный бизнес. Мы имеем разрешение на торговлю. Все наши продукты имеют сертификаты качества и допущены на российский рынок.

Интересно, мы поймали самую крупную рыбу? Или это просто ширма, прикрытия? Я не сомневался, что если я запрошу документацию на их товары, то с бумажками у них будет все в порядке. Комар носа не подточит. В любом случае Кормчий знает куда больше, чем говорит. Я уверен, что он знает, кто стоит за поставками оружия, и может назвать конкретные имена. Это видно невооруженным взглядом. Но меня он не боится. Мы находимся в полицейском отделении, и его это успокаивает. Он уверен, что здесь с ним ничего плохого случиться не может. Здесь с ним будут обходиться по закону. А с точки зрения закона у него все чисто и гладко. Надо передавать его в руки опытных мозгололов, которые найдут способ извлечь из него правду.

— Ладно. Раз вы не хотите сотрудничать со следствием, придется применить к вам другие методы дознания.

Я поднялся из-за стола.

Кормчий встрепнулся. В его глазах заплескался страх.

— Какие методы дознания? Я ничего не знаю. Мне нечего вам сказать. Проведите выемку документов. Посмотрите все. У нас все чисто и открыто.

Хорошо играет, собака, профессионально.

Я молча вышел из допросной. В коридоре меня ждал встревоженный Щеглов. Выглядел он так, слов-

но я ему в штаны горячих углей насыпал. Схватив за руку, он отвел меня в сторону и спросил:

— Ну, что?

— Держится. Лепит чушь. Как его учили. Пока ничего серьезного не сказал.

— А ты уверен, что это он?

— Мы его две недели пасли, — ответил я. — Точно он.

— У нас на районе уже четыре убийства за последнюю неделю с применением неизвестного ранее огнестрела. Мои ребята землю роют. Но пока результата ноль. Удалось только пару стволов захватить. Если ты взял того самого гада, который стоит за всем этим, то я тебе все прощу. Клянусь.

— Можешь показать свой конфискат? — спросил я.

— Ты о чем? — не понял Щеглов.

— О стволах, конечно.

Он проводил меня в свой кабинет, вызвал сержанта Горского и попросил принести вещдоки по делу об убийстве на улице Белы Куна. Через пять минут передо мной на столе оказался полиэтиленовый прозрачный пакет с пистолетом, выглядевшим как бластер из научно-фантастического фильма. Я взял его в руки, внимательно осмотрел со всех сторон. Необычное оружие. У него не было ни одного шва, словно оно было цельнолитое. И никаких заводских клейм, специальных обозначений, хоть чего-нибудь, по чему я смог бы вычислить производителя. Вторым оказался автомат обтекаемой формы с толстым подствольником. Ни на что не похожие игрушки. Думаю, что в оружейных справочниках я эти модели не смогу найти.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Щеглов.

— Как минимум мы имеем дело с подпольным заводом по производству оружия и неизвестным нам гением, который сконструировал все это. Вы пробовали его в деле?

— Пока нет. Со дня на день их должны забрать спецы на баллистическую экспертизу.

— Хотел бы я их испытать, — мечтательно заявил я.

— Если на улицах ситуация не изменится, то у тебя скоро представится такая возможность, — обнадежил Щеглов.

— Дмитрич, мы у тебя оружейника заберем. Попробуем его колонуть своими методами. У меня к тебе в связи с этим просьба. Помогите с конвоем. На твоей машине под прикрытием твоих ребят будет надежнее.

— Веревки из меня вьешь, — тяжело вздохнул Щеглов. — Хорошо.

Он нажал кнопку вызова на телефоне, стоящем перед ним на столе, и приказал:

— Егорова ко мне.

Пока Щеглов занимался организацией перевозки задержанного, я позвонил Шахматисту и доложил об успешно проведенной операции. Он внимательно выслушал меня, поинтересовался, уверен ли я в том, что мы задержали именно Кузнецца, а не постороннего ни в чем не повинного человека. Я решительно ответил, что ошибки быть не может. Тогда Шахматист спросил, какие мои дальнейшие планы. Я сказал, что намерен доставить задержанного Лекарю. Его люди смогут получить нужную нам информацию. Я также доложил, что попросил помощи майора Щеглова в транспортировке Кузнецца и он любезно выделил

для этого машину и людей. Шахматист одобрил мое решение и отсоединился. После этого я набрал номер Лекаря и сообщил ему, что везу ценный груз. Он назвал мне адрес, куда нужно его доставить. В этом месте я еще не был. Я также предупредил Лекаря, что у меня будет один пациент, о котором надо позаботиться. Так, ничего серьезного. Рабочие травмы, но надо бы подлечить сотрудника. Лекарь сказал «привози», и отключился. Теперь о Петре Евгеньевиче позаботятся.

Щеглов закончил отдавать приказы и вернулся ко мне.

— Я выделю тебе Егорова и его ребят в сопровождение. Довезут до места. Сдадут клиента с рук на руки. И все. Постарайся в дальнейшем нас во все это не впутывать.

— Извини, Дмитрич, сам понимаешь. У меня не было выбора.

В сопровождении Щеглова я вышел из отделения полиции. Ребята в форме уже грузили в «уазик» Олега Кормчего. Он не понимал, что происходит, пытался говорить с полицейскими, но они изображали глухонемых. Возле моего «мерина» стояли Кощей, Боксер и Василиса. Кощей курил черные сигареты. Боксер расхаживал вдоль машины, заложив руки за спину. Василиса сидела на капоте и грелась на солнце, подставив лицо лучам.

При моем появлении ребята встrepенулись. Только Василиса продолжала греться, словно ничего не произошло.

— Отвезем Кузнецца. А дальше можно и отдохнуть по-человечески, — предложил я.

— Нормально, командир, — одобрил Боксер, садясь в машину.

— Гладиатор, там Евгенийчу совсем худо, — доложил Кощей. — Надо бы его врачу показать. У него пулевое в живот. Вроде ничего серьезного не задело. Только крови много потерял.

— Я уже об этом позаботился. Лекарь ждет его. Заштопает. Будет как новенький.

Я сел за руль, ударил по клаксону, привлекая внимание Василисы. Ишь, пригрелась на солнце. Девушка слезла с капота и забралась в машину.

Мы выехали со двора.

ГЛАВА 24

Этот день вымотал нас, и я с нетерпением ждал, когда мы доставим Кузнеца Лекарю, сдадим с рук на руки и можно будет расслабиться. Сегодня мы прошли первое боевое крещение как команда, и по традиции это дело надо было отметить. Жалко, конечно, что Петра Евгеньевича с нами не будет, но ему надо отлежаться, залечить раны. Мысленно он будет с нами, в этом я не сомневался.

— Как ваше самочувствие? — поинтересовался я.

Крюков посмотрел на меня, словно пытался понять, издеваюсь ли я или на полном серьезе интересуюсь, и ответил:

— Бывало и лучше. За правое дело пострадать — это в удовольствие.

Все произошло быстро, и я практически не видел как. Начало событий потом пришлось восстанавливать по общей картине. Мы двигались по маленькой

улочке, окруженной трехэтажными домами с облупившимися фасадами и балкончиками с железными перилами и цветочными горшками. Я не узнавал эту улочку, раньше мне здесь ездить не приходилось. Почему Егоров выбрал именно этот маршрут, не знаю. А он уже и не скажет. Я сбросил скорость и плелся в хвосте полицейского «уазика». Внезапно водила Егорова прибавил скорость. Он собирался на зеленый перекресток проскочить. Нормальное решение. Вот тут их и подрезали.

Две машины выскочили на перекресток. Одна справа, другая слева. И остановились.

Водила ударил по тормозам. Представляю, какой мат стоял в салоне. Ребята не заподозрили ничего плохого. Они не ожидали такой беспредельной дерзости. Егоров полез из машины. Его старый друг Семен Казаков стал выбираться, намереваясь устроить разборку с наглыми водителями. В этот момент из преградивших дорогу машин появились стрелки. Их было пятеро. Все из «охваченных». Одеты в простую неброскую одежду. В руках они держали автоматы Калашникова. Не говоря ни слова, они открыли огонь на поражение. Ребята не успели сообразить, что случилось. Такого беспредела никто из них не ожидал. Казаков упал на асфальт. Его грудь была разорвана пулями. Егоров получил две пули в грудь, но его спас броник. Он упал на мостовую и попытался отползти за машину, на ходу вытаскивая пистолет. Но не уполз далеко. Один из стрелков перебил ему ноги. Егоров обернулся, приподнялся на локтях и пробовал отстреливаться, но получил пулю в голову и упал. Водитель «уазика» погиб на месте. Первая же пуля, расплескав-

шая лобовое стекло, пробила лоб. Он удивленно ойкнул и упал лицом на руль. Сидевший рядом с ним сержант Ваганов вывалился через дверь на асфальт, сдернул автомат с плеча и открыл огонь. Одного бойца из нападавших ему удалось подстрелить. «Кукла» дернулась, поймала несколько пуль в грудь и завалилась на капот машины. Но на этом удача сержанта Ваганова закончилась. Его хладнокровно расстреляли. Убийцы пришли в движение и направились к машине, не прекращая огонь. Они явно охотились не за полицейскими. У них другая цель.

Все это произошло за несколько минут. Общая картина была скрыта от нас, и пока не раздались первые выстрелы, я даже не пошевелился. Думал, что впереди произошла авария, с которой сейчас ребята быстро разберутся. Когда Ваганова убили на моих глазах, я уже с пистолетом в руках вылезал из машины. Когда расстреляли Егорова, я уже занял позицию под прикрытием автомобиля, а Боксер и Кощей встали с другой стороны. Василиса еще только вылезала. И я пожалел, что запретил им брать автоматы. С пистолетами против лавины огня тяжело нам придется. А ведь надо пробиться к «уазику» и забрать Кормчего. Без него все теряет смысл. Понятно, что «куклы» пришли за ним.

Я прицелился и выстрелил. Пуля ушла чуть выше головы «охваченного». Он подходил к расстрелянной машине справа. Боец пригнулся и тут же увидел меня. Они не ожидали появления нового противника. Двое развернулись ко мне и стали поливать огнем из автоматов. Я пригнулся и нырнул за машину. По пути ухватил Василису и втащил за собой. Иначе лежала бы она уже на асфальте, заливая его кровью. Боксер

и Кощей успели сделать по выстрелу, но их тут же подавили огнем. Пришлось прятаться. Из машины не успел выбраться Петр Евгеньевич. Он упал на заднее сиденье и постарался забраться между сиденьями на пол. Я не видел, получилось у него или нет. Хотелось верить, что с Крюковым все будет в порядке. Ему и так сегодня досталось.

Я высунулся из-за машины. Практически вслепую выстрелил несколько раз. Надеяться, что мне удастся уложить кого-нибудь, глупо. И к тому же у меня кончились патроны. Пока я перезаряжался, Кощей и Боксер предприняли попытку прорыва к «уазику», но их порыв агрессивно затушили. Боксер поймал пулю в живот и рухнул на мостовую. Я не видел, жив он или нет. Кощейю пришлось отступить. Он схватил Боксера за ворот и потащил за собой. Когда они оказались за машиной, я увидел, что Боксер дышит. Пуля пробила мякоть. На первый взгляд ничего серьезного. Но теперь для Лекаря у меня два пациента. Хреново работаем. И как только мы угодили в эту засаду? Откуда «куклы» узнали, что мы поедем по этой улице? Как они вообще нас вычислили?

Я выглянул из-за машины. «Куклы» уже стояли возле «уаза». Один выволлок с заднего сиденья закованного в наручники Олега Кормчего. Вид у него, торжествующий. Он, похоже, знал, что его все равно вытащат. Вот же сука.

Трое «кукол» держали нас на огневом поводке. Лезть под пули, чтобы отбить оружейника, чистой воды самоубийство. Стоило мне поднять руку с пистолетом, как воздух от летящих пуль вскипал, так что можно было обжечься.

Ярость душила меня. Я с трудом удерживал себя в руках, чтобы не броситься в лобовую атаку. Понимал, что шансов у меня никаких. Но так хотелось закопать этих уродов в асфальт.

Того, что произошло дальше, никто из нас не ожидал. Даже сам Олег Кормчий. Он уже наслаждался запахом свободы, радостно смотрел на мертвые тела полицейских и рвался к машине, чтобы уехать подальше от этого кошмара, когда один из «охваченных» направил ему в живот дуло автомата. Я видел выражение глаз Кормчего. Ужас, появившийся на его лице. Он не верил, что такое возможно. «Куклы» приехали вытащить его, а тут такая вселенская несправедливость. В следующую секунду «охваченный» выпустил очередь прямо в живот оружейнику. Олег Кормчий хотел что-то сказать или закричать. Он открыл рот, но из него хлынула кровь, и в следующую секунду он умер. Лишь только после этого тело Кузнеца упало на асфальт.

Я видел это сам. Я не мог его спасти. Я не мог перестрелять этих уродов. Я мог только смотреть, как второй раз моя операция проваливается с треском.

— Как же так? — услышал я голос Василисы.

Мне нечего было ей ответить.

Покончив с Кормчим, «куклы» заторопились к машинам. Захлопали дверцы.

Я сорвался с места, выскочил на дорогу, обогнул «уазик» и стал стрелять как заведенный, пока обойма не издала сухой щелчок. Патроны кончились, а мне удалось только покалечить лобовое стекло на одной тачке да пробить переднюю пассажирскую дверцу в двух местах. Я отбросил в сторону пистолет и схватил автомат из рук мертвого Ваганова.

Тем временем два «Мерседеса» «охваченных» развернулись и стартовали вперед.

— Гладиатор, бегом за руль, — услышал я надрывной голос Петра Евгеньевича.

Я послушался его. Ребята уже рассаживались в салоне. Кощей помогал Боксеру устроиться на заднем сиденье рядом с Крюковым. Василиса заняла место рядом с водителем. И только тут выяснилось, что у нас потери. Петр Евгеньевич не смог укрыться от пуль. Поймал несколько штук и остался лежать, привалившись лбом к пассажирскому окну. На его лице застыла блаженная улыбка, словно он прощался с нами и говорил, ничего, не переживайте, я уже в лучшем мире.

Я крепко выругался. Опять я потерял своего человека. И ведь мы еще толком даже познакомиться не успели. В Крюкове чувствовался стержень. Он нравился мне, и со временем мы могли бы стать друзьями. Но война рассудила иначе.

Кощей аккуратно усадил Боксера рядом с Петром Евгеньевичем, сел сам и захлопнул дверцу. Я тут же втопил педаль газа в пол. Машина сорвалась с места как сумасшедшая. Я обогнул расстрелянный полицейский «уазик» и взял курс за «мерсами» противника.

Первым делом я активировал нейрофон и вызвал из памяти номер майора Щеглова. Я доложил ему о том, что произошло и где находится место преступления. Координаты я взял из «Схемы». Он только спросил, есть ли выжившие. Мне пришлось его расстроить. В этой мясорубке выживших не было. Его близкий товарищ Алексей Егоров погиб смертью храбрых, как и остальные полицейские. Щеглов сухо поблагодарил меня за информацию и отсоединился. Чувствовалось,

что новость убила Дмитрича. Теперь он долго в себя приходиться будет. И уж точно в ближайшее время ему попадаться на глаза не стоит. Пусть переварит случившееся и смирится. Он теперь в рапортах утонет. Вот когда разгребет всю бюрократию, связанную с гибелью его ребят, тогда можно будет и пообщаться. Если жив, конечно, буду.

Затем я набрал Шахматиста и доложил ему обо всем, что произошло. Новость о гибели Кузнецца и о провале нашей операции он воспринял спокойно. Я бы на его месте наорал, пригрозил бы страшными карами, из которых расстрел был бы самой легкой, а он невозмутимо выслушал меня и сказал: «Принято». Хотя, с другой стороны, работа у него такая, если он всю работу будет через себя пропускать, то скоро спечется и не будет у нас координатора. Я доложил ему, что преследую преступников, и получил тот же строгий ответ: «Принято». После этого Шахматист сбросил вызов.

«Мерсы» врага гнали вперед по улице с устрашающей скоростью. Казалось, еще чуть-чуть, и они взлетят. Пока им везло. Поймали зеленую улицу. Но долго это везение продолжаться не могло. К тому же они приближались к центру, а там в любое время дня и ночи от транспорта не продохнуть. Я с яростью жал на педаль. Еще чуть-чуть, и продавлю ей пол. Позади меня тихо матерился Боксер. Несмотря на свои раны, он держал в руках мертвое тело Петра Евгеньевича и не давал ему упасть и стукаться безвольной головой об окно.

«Охваченные» знали, что делали. Они подготовили пути отступления. В этом можно было не сомневаться. На очередном перекресте они неожиданно разделились. Одна машина ушла вправо, другая влево.

Разделиться я не мог, поэтому свернул налево. Лучше поймать синицу в небе, чем упустить двух журавлей.

Задача максимум для меня — взять хоть одну «куклу» живой. Быть может, через нее мы сможем выйти на того, кто заказал это убийство. Меня мучил вопрос, почему они решили устранить Олега Кормчего? На основании его показаний я считал, что он возглавляет группу Кузнецов. Он самый главный оружейник. Через него проходили все поставки, а уж дальше поступали рядовым толкачам на улицах. И получается, Кормчий не был главной фигурой в этой схеме. Он был самым рядовым оружейником. Одним из многих. Или он все-таки был ведущей фигурой в схеме. Тогда его казнь означала, что для кукловода все люди, работающие на него, всего лишь винтики. Выкрутил, выбросил один и тут же заменил его на другой, пока и этот не придет в негодность. Это, черт побери, очень важный вывод. Для кукловода все люди «куклы». У него нет важных фигур. Любой элемент в цепочке заменим.

Я не заметил, как мы вылетели на Московский проспект в районе метро «Фрунзенская».

ГЛАВА 25

На Московском проспекте двигался сплошной поток обтекаемых цветных железных коробок. С высоты птичьего полета — миграция гигантских жуков. Любая погоня в таком потоке закончится полным провалом для преследуемого. Мне так казалось. Но водила «охваченных» оказался виртуозом своего дела. Он так уверенно лавировал между машинами, пере-

страивался из потока в поток, что за каких-то пару минут между нами существенно увеличилась дистанция разрыва. Я матерился, крутил руль, старался не отстать, но все было тщетно. «Охваченные» заметно лидировали в этой игре.

Я потерял их. Не знаю, как это произошло. Вот впереди еще виднеется корпус машины «кукол». Мгновение, и их уже нет, словно сквозь землю провалились. Я скорее по инерции еще продолжал движение вперед, перестраивался из ряда в ряд, крутил головой, стараясь найти цель. Но их нигде не было. Пришлось признать свое поражение.

Я свернул с Московского проспекта на Обводный канал и втопил педаль газа. Кормчего мы потеряли. Петра Евгеньевича не сберегли. Остался еще Боксер, и его я не собирался хоронить. Значит, надо быстро доставить его Лекарю. Пусть подшаманит, пока еще не поздно.

На этот раз Лекарь назначил встречу на Малом проспекте Васильевского острова. Пятьдесят пятый дом, кирпичное трехэтажное здание старой постройки. Раньше, до революции, здесь размещались либо склады, либо какой-то маленький заводик. Сейчас же красовалась гордая надпись «Фехтовальный зал имени Ивана Сивербрика — временная вывеска». Рядом основательная табличка «Памятники» и часы работы и унылая обшарпанная деревянная дверь.

Место мне сразу не понравилось. Неподалеку Смоленское кладбище. Соседство на оптимистические мысли никак не наводило. Остановившись под фехтовальной вывеской, я набрал Лекаря и сообщил, что мы прибыли. Он сказал: «Ждите». И через минуту об-

шарпанная дверь открылась и показались двое. Первым шел Фима Павзун. Второго я не знал. Они помогли Боксеру выбраться из машины. И напарник Лекаря увел его внутрь здания.

— Фима, у нас неприятность. Одному из наших не повезло, — сказал я, кивнув в сторону заднего сиденья авто.

Лекарь нагнулся и заглянул в салон.

— Крюк. Хреново. Два раза его штопал. Всегда по краю ходил. Но везло, чертяке. Сейчас ребята помогут ему дойти до места.

Я сначала не понял, что значит «дойти до места». Но потом все прояснилось. Дверь опять открылась, и появились двое незнакомых мне парней. Они открыли машину, взяли Петра Евгеньевича, аккуратно извлекли из салона и повели в дом. Понятно, что Крюков висел на них мертвым грузом, но складывалось впечатление, что он сам переставляет ноги. Просто дядечка хорошо набрался, и ему друзья помогают дойти до офиса.

— А где оружейник? — спросил Лекарь.

Пришлось признаваться в своем провале. Я в подробностях описал нападение на конвой, сопровождавший задержанного оружейника. Фима молча выслушал меня, потом сказал:

— «Куклы» совсем страх потеряли. Вероятно, они вас от бизнес-центра пасли.

— Вероятно, — согласился я.

— Или это опять крыса в подполье сработала, — тут же выдал вторую версию Лекарь.

— Возможно.

Только вот откуда крыса могла узнать, что мы этой дорогой поедem? И самое главное, откуда она могла

знать, что оружейника повезут в полицейской машине? О задержании Олега Кормчего я сообщил Шахматисту и Лекарю. Больше никто не знал. Но утечка могла произойти и из полицейского отделения. Этот вариант нельзя сбрасывать со счетов.

— Ты должен найти крысу, Корнев. Кто-то очень хорошо окапался и работает тонко. Пока ты это не сделаешь, мы все под ударом, — сказал Лекарь. — Ладно. Пойду займусь твоим человеком. Держи в курсе. И вообще отдохни сегодня. Ты плохо выглядишь.

Еще бы я выглядел хорошо. Меня прямо-таки коржило от мысли, что преступник в очередной раз обставил меня на ровном месте. Голова пухла от разных мыслей. Того и гляди взорвется к чертовой матери, обдав всех кровищей и серым веществом. Приятного мало.

Я попрощался с Фимой и сел в машину. Некоторое время я просто сидел за рулем, тупо уставившись впереди себя.

— Что, командир? Какие указания?

— Предлагаю надраться, — мрачно сказал я.

— Хорошая идея, Рома. Можно я так буду тебя называть? — спросил Кощей.

— Да, конечно, — рассеянно ответил я.

— Тогда заедем по дороге в одно место. Купим хороших напитков, — предложил Кощей.

И снова я согласился.

Василиса все время молчала, уставившись на здание, куда унесли тело Петра Евгеньевича.

Я завел мотор, и мы выехали в сторону Купчино. По дороге заехали в магазин «Ароматный мир», куда Кощей пошел один. Вскоре он вернулся с двумя паке-

тами, в которых позвякивали бутылки. Он поставил их между собой и Василисой. И мы продолжили путь.

Мне в принципе было все равно, что он купил. Сейчас что спирт, что водка — все едино. Тело лихорадило. Мысли путались. Ноги заплетались. Я чувствовал то дикую слабость, то резкий прилив энергии и желание кого-либо убить.

Начался отходняк после операции. Если бы она удалась, я бы легче перенес последствия нервного напряжения. Миссия успешно выполнена. Можно и расслабиться. Но я погружался в мрачную пучину безысходности и не знал, как оттуда вынырнуть.

Я завернул в знакомый двор на улице Олеко Дундича и остановился перед нашей парадной.

— Пойдем, командир, спрыснем раны, — сказал Кощей.

Мы поднялись на этаж в мрачном молчании. Я позвонил в дверь. Встретил нас Рогов. Одного взгляда ему хватило, чтобы понять, что с вопросами сейчас лучше не лезть. Он пропустил нас в квартиру и запер дверь.

Я вошел в гостиную и плюхнулся на диван. Откинулся на спинку и закрыл глаза. Тем временем Кощей увлек Рогова на кухню, и они там усердно зазвенели бутылками, соображая на стол.

— Рома, ты ни в чем не виноват, — неожиданно раздался рядом женский голос.

Я вздрогнул и открыл глаза. Это была Василиса. Она сидела в кресле напротив и выглядела — закачаешься.

— Почему все пытаются меня убедить в том, что я ни в чем не виноват? — мрачно спросил я.

— Потому что у тебя такой вид, словно ты себя винишь за все грехи человечества, — ответила она.

— Я считаю, что где-то что-то недоглядел, поэтому мы и попали в переплет. Но вот понять никак не могу, где ошибся.

— А я думаю, что ты действовал правильно. Просто ты видишь так картину мира, исходя из вводных, а они у тебя не полные. В то время как крыса, играющая против нас, обладает полной картиной мироздания. Поэтому ты все время на шаг позади него. И вовсе не из-за медлительности или ошибок, а потому что ты идешь ровно, а он опережает тебя. Ты делаешь шаг, а он два.

Василиса говорила с жаром, словно пыталась убедить незрячего в том что он может видеть. Но неожиданно от ее слов стало легче.

Тут и Кощей нарисовался. Он позвал нас на кухню, где была накрыта поляна.

Выпили по первой. Водка как вода пошла. Я даже не заметил, что выпил. Тут же Рогов налил по полной еще раз. После второй я почувствовал легкое охмеление. Оберюмки выпили молча. Кощей, видно, все рассказал Рогову. Максим смотрел на нас со смешанными чувствами. Тут был и восторг, и горечь от потери. Мы все-таки еще не успели притереться как команда, стать друзьями, одной семьей. Для него Петр Евгеньевич Крюков был еще один погибший соратник, которых на его коротком пути сопротивленца было уже достаточно.

Из закуски на столе была копченая колбаса, соленые огурцы, селедка, утопающая в подсолнечном масле, лук кольцами и, конечно, черный хлеб. На плите стояла кастрюля, в которой варилась в кипя-

щей воде картошка. И когда только ребята успели ее почистить? Или это домашняя заготовка Рогова?

Я съел пару кружков колбасы и закусил соленым огурцом. В голове сделалось тепло, но на душе оставалось так же погано. Впрочем, после разговора с Василисой жить было можно.

— Сегодня мы работали хорошо. Но я переоценил наши силы, поэтому получилось так, как получилось, — мрачно сказал я.

Ребята молчали. Но я чувствовал их поддержку.

— Кощей, налей, — попросил я.

Выпили по третьей.

Дальше потихоньку начался разговор. Ребята рассказывали о том, чем занимались до войны. Кощей рассказал, что преподавал в университете историю, специализировался на древнерусском периоде, в частности на феодальной междоусобице, предшествовавшей татаро-монгольскому нашествию. Василиса, как оказалось, была его студенткой. И во время учебы они не думали друг о друге, но сопротивление объединило их. Рогов рассказал, что до войны работал системщиком в крупной компании. Один из многих, кто обслуживал компьютеры серьезной фирмы. Он сразу заподозрил неладное, когда попытался проанализировать работу нейрофонов с точки зрения компьютерного специалиста. Пытался друзьям рассказать, но ему никто не верил.

Закончилась вторая бутылка водки. Я почти не слушал, о чем они говорят, пытаюсь понять, кто предатель, как его найти и что я с ним буду делать.

Звонок оторвал меня от пьяных мыслей. Это был Шахматист. Вот уж с кем я сейчас точно не хотел раз-

говаривать, так это с ним. Но пришлось ответить. Голос у координатора был как всегда невозмутимый. Но то ли спьяну, то ли по правде мне показалось, что он чем-то недоволен.

— Слушай внимательно, Гладиатор. Завтра вечером в шесть состоится совещание командиров Штаба Сопротивления. Ты должен быть. Я предупреждал, что готовится крупная операция. Твоя инициатива по попытке ареста Олега Кормчего ускорила процесс. Теперь командиры считают, что «кукловод» заляжет на дно и свернет сеть оружейников. Соответственно мы окажемся у разбитого корыта, как предрекал наше все. Было принято решение начать операцию уничтожения немедленно. Завтра ты узнаешь о сути операции, ее деталях и получишь свое задание.

— Я напортачил? Ты так считаешь? — спросил я заплетающимся языком.

— Ты делал свою работу. Тебя никто ни в чем не винит. У Петра Евгеньевича двое детей осталось и трое внуков, — зачем-то сообщил мне Шахматист.

На душе стало еще более тошно. Хотя, казалось, куда уж больше.

— Завтра я скину тебе на почту адрес встречи в кодировке. Ключ у Рогова. До свидания.

— И тебе не болеть, — сказал я коротким гудкам в трубку.

Ребята встревоженно смотрели на меня.

— Налей, — попросил я Кощея.

Он наполнил рюмки.

Мы выпили молча.

— Короче, завтра утром приводим себя в порядок. Мы втроем съездим в одно место, проверить версию.

А вечером у меня дела. Не могу пока ничего конкретного сказать, но намечается серьезная заварушка. Надо быть готовым ко всему.

И мы снова выпили.

ГЛАВА 26

Рассол от соленых огурцов наутро пригодился. Хватило на всех. Кощей запасливый. Он еще и «Боржом» прихватил. Одна Василиса выглядела бодро и свежо, словно вечером не сидела с нами. Да она и пила меньше.

Я принял душ. Холодные струи воды приятно бодрили тело. После чего сварил на всех кофе. Кощей тем временем возился с завтраком. Пожарил сосиски, залил яйцом, взболтанным с молоком, и разделил омлет на четыре тарелки. Кофе варить пришлось еще раз. Первая партия на удивление быстро разошлась, и народ попросил добавки.

Я пил кофе с наслаждением, чувствуя, как утренняя похмельная оторопь отступает. После второй кружки я уже был готов к подвигам. Объявив пятнадцатиминутную готовность, я отправился проверить снаряжение. На этот раз я не собирался попасть в переплет просто потому, что на операцию мы взяли недостаточно стволов. Пусть у нас с собой будет столько железа, что все металлодетекторы в округе свихнутся, но зато мои ребята будут готовы к любой локальной войне.

Рогов включил телевизор. Показывали новости. Удачно он попал. На экране появилась башня на Обводном канале, и диктор занудным голосом стал рассказывать о съемках нового фильма режиссера Пого-

нова, которые прошли на территории бизнес-центра. Съёмки были настолько натуралистичными, что испуганные жители окрестных домов вызвали полицию, которая и поспешила всех успокоить. На экране появилось одутловатое, с опухшими глазами и небритое лицо режиссера Федора Погонова, известного по фильмам «Детонатор», «Кровавый дождь» и «Улица разбитых фонарей». Он рассказал, что в Петербурге снимает новый полицейский боевик, и одна из съёмочных локаций находится на Обводном канале. Но поспешил успокоить всех жителей, что съёмки уже закончены, и продолжать снимать они будут в другом месте. Ведущая задала вопрос, когда ждать выхода фильма в свет. Погонов пообещал, что к майским праздникам следующего года он обязательно появится на всех киноэкранах страны. Также Погонов порадовал, что готовится релиз фильма, сгенерированный специально для нейрофонов, с эффектом полного присутствия. Он пообещал, что релиз состоится где-то через полгода после премьеры в кинотеатрах.

— Ничего себе, — слышался голос Василисы. — Как они серьезно подсутились.

— Следы заматают. Теперь ни у кого не осталось сомнений, что мы имеем дело с очень крутым противником? — спросил я.

— Ни у кого их и не было, — ответила Василиса.

— А фильмы у Погонова говно, — высказал свое мнение Рогов.

— Не удивлюсь, если они правда снимут что-то подобное, — произнес Кощей.

— Через год все забудут об этом инциденте, так что и снимать ничего не надо будет, — сказал я.

— Да и сам Погонов говно, — поставил финальную точку в дискуссии о современном кинематографе Рогов.

Пока есть время, я решил проехаться на домашний адрес Степана Корнилова. Проверить второго подозреваемого.

Жил он в конце Ленинского проспекта в новостройках, на пересечении с проспектом Героев. Если удача улыбнется, то мы сможем либо вычеркнуть второго подозреваемого из списка, либо взять крысу. Ночью я все обдумал и решил, что нападение на Кузнецца по дороге к Лекарю никак не связано с разгромом на Бухарестской улице. Мы хорошо наследили на Обводном канале, да к тому же «охваченные» могли отследить нейрофон Кормчего. Это я в своей чудо-машинке, провалилась она пропадом, заблокировал все лишние функции. Так что мы очень рано расслабились, думая, что все закончилось. За что и заплатились.

Мы выехали из Купчино и скоро уже въезжали с Московского на Ленинский проспект. Огромная статуя Ильича указывала протертой рукой на одну из главных правительственных трас города. Хорошо, что вокруг памятника разбили фонтанный комплекс. Эта территория города заметно преобразилась. Я помню, какой унылой и помпезной она казалась мне в детстве. Теперь здесь всегда было полно молодежи на трюковых велосипедах и скейтбордах. А в особо жаркие дни подростки купались в фонтанах, хоть это и было запрещено, но их никто не вылавливал. Даже сейчас, несмотря на осень и раннее утро, народу возле фонтанов было много.

Ленинский проспект был пуст. Машин мало.

Страшно подумать, что каких-то лет сорок назад на месте этого проспекта стояли леса и красовались пустыри. Мой отец вспоминал, что, когда учился в школе, бегал купаться на пруд за Варшавскую улицу, дальше которой домов практически не было.

На площади Конституции сразу за бизнес-центром «Лидер», на первом этаже которого располагался финский гипермаркет «Призма», возвышалась стеклянная башня. На самой вершине огромными буквами было написано «Лоджитек». Странно, я здесь в двух шагах квартиру снимаю, а внимания на логотип не обращал. Просто тогда мне было все равно, что «Лоджитек», что «Газпром». Теперь же я знаю, что это за компания. Похоже, все ниточки ведут сюда.

Мы проехали под магистралью Западного скоростного диаметра. Все водители города хвалят и ругают этот объект. Хвалят, потому что быстро можно попасть из одного конца города в другой, минуя все пробки. А ругают, потому что цены на ЗСД кусаются, и если ездить каждый день, то можно разориться.

Мы миновали круглую шайбу Путиловского рынка, от которого осталось одно название, и метро «Ленинский проспект», возле него всегда движуха: множество машин и людей. Через пять минут мы выкатили на большую Кронштадскую площадь, обогнули уродливое здание строительного гипермаркета «Максидом», и пролетели мимо здания Морского технического университета, в народе именуемого Корабелка. Здание было похоже на вросший в асфальт огромный корабль. Через пятнадцать минут мы уже въезжали во двор нужного нам дома.

Припарковавшись возле парадной, я вышел из машины. Кощей и Василиса уже прохлаждались на улице. В городе стояла не питерская погода. Слишком жарко для осени. Впору после Корнилова прокатиться на залив и искупаться. Благо до него тут рукой подать.

Из парадной выходил молодой человек лет двадцати с неопрятными волосами в грязных джинсах. На лбу у него красовалась надпись, выведенная шариковой ручкой: «Смысл есть». На правой щеке рисунок — крест в прямоугольнике, похожем на гроб. Такой же рисунок был и на левой щеке. Вот что этот человек хотел этим сказать? — невольно задумался я. Или это просто элемент молодежного эпатажа, когда для серьезных вещей ты еще не созрел, но уже хочется заявить всему миру: «Я — Личность!» Правда, мир чаще всего не верит. Миру нужны не слова, а действия.

Я перехватил закрывающуюся дверь парадной. Хорошо, что не захлопнулась, а то пришлось бы подбирать код домофона. Вспомнился Петр Евгеньевич. У него это хорошо получалось. В отличие от вчерашнего, вспоминался он уже с легкой грустью, а не с прогрессирующей депрессией.

Лифт маленький, на половине кнопок отсутствовали цифры, сверху свисала какая-то проводка, а на стенах кабинки с двух сторон были фанерные щиты с объявлениями обо всем на свете, две другие стороны занимали зеркала. Давно заметил, что в новостройках полная беда с лифтами. Такое чувство, что дом сдают, жильцы въезжают, а лифты так и стоят, не доведенные до ума.

Мы поднялись на восьмой этаж. Сорок четвертая квартира. Железная коричневая дверь и маленький

зеленый глазок по центру. Я нажал кнопку звонка. Электрическая трель раскатилась по квартире. Никто не спешил нам открывать. Я нажал снова. Либо Корнилова нет дома, либо он сейчас линяет из хаты по связанным вместе простыням. Что, конечно, маловероятно. Восьмой этаж как-никак. У него просто простыней не хватит.

— Клиента нет на месте. Пишите письма до востребования, — задумчиво произнесла Василиса.

И чего нам так основательно не везет? Может, правда Корнилов и есть наша цель. Услышал, что в городе делается. Понял, что скоро на него выйдут, и свернул все удочки. Если он залег на дно, мы теперь вряд ли его вычислим. С тем же успехом он мог вообще из города уехать. Ищи его теперь по всей необъятной родине. Уверен, что и в других городах есть сопротивленцы. Только у нас с ними связи нет.

Я уже собирался достать отмычки, чтобы проверить квартиру изнутри, когда дверь напротив открылась и в коридоре появилась большая красная коляска, из-за которой выглядывала хрупкая блондинка в круглых очках. Увидев нас, она засмушалась, но спросила:

— Вы Степана ищите?

— Да. Его.

— Так он еще вчера вечером на дачу уехал. На пару дней. У него отгулы накопились.

Что это? Удача или слепое провидение? Теперь мы знаем, где искать подозреваемого. В досье на Степана Корнилова, которое мне передал майор Щеглов, имелся точный адрес дачи подозреваемого. Поблагодарив девушку, я направился к лифту. Вызвали гру-

зовой, помогли девушке закатить коляску, тут постарался Кощей. В коляске посапывал милый младенец в розовом чепчике, с зажатой в руке погремушкой в виде деревянного оранжевого жирафа.

На улице я достал досье, пролистал его и нашел адрес. Садоводство называлось грозно — «Марс» и находилось недалеко от Лемболовских озер, сразу за Агалатово. Мне эти места были хорошо знакомы. Чуть дальше у моего деда была дача, в садоводстве «Керро» на озере Ройка.

Как же далеко Корнилов забрался! Квартира на Ленинском, а дача на другом конце города. Пока доедешь, успеешь трижды устать, в особенности если на общественном транспорте. Два с лишним часа на дорогу. На машине чуть меньше.

Я решил не откладывать дело на потом. Тем более сегодня вечером должна состояться Большая Сходка. Мало ли что на ней будет принято. Может, нам завтра будет уже не до Корнилова и не до крысы. Как говорится, «смело мы в бой пойдем за власть свободных и как один умрем в борьбе за это». Настрой мне показался пессимистичным, и я поспешил переключиться на другое.

Ребята меня поддержали. Кощей сказал, что загородная прогулка нам сегодня будет очень в тему. Василиса заявила, что с удовольствием побродила бы по лесу и подышала бы свежим воздухом. Лес я ей обещать не мог, боюсь, на него у нас времени точно не хватит, а вот воздух всегда пожалуйста. Тем более места там и правда чудесные.

Мы забрались в машину. Я выехал со двора на Ленинский проспект.

Кощей попросил:

— Включи музыку. Что мы как на поминках в тишине!

Я включил приемник. Волна «Нашего Радио», удачное попадание. Тут же в салоне разлилась гитарная музыка и послышался голос Вадима Самойлова, который пел про «других» и «космос». Эту песню я у него еще не слышал.

ГЛАВА 27

Мы ехали по Новоприозерскому шоссе, когда позвонил Лекарь.

— Докладываю. Твой боец заштопан, теперь отдыхает. Через пару дней сможет вступить в строй. О Крюкове мы позаботились. С его семьей связались. Все в порядке.

Разве может быть хоть что-то в порядке в этой ситуации? — подумал я, но вслух говорить не стал.

— Спасибо, Фима. С меня причитается.

— Это уж само собой. Когда все закончится, посидим где-нибудь уютном местечке. Например, в «Диккенсе».

— Хорошее место, — одобрил я выбор Лекаря.

На этом мы попрощались.

Новая дорога испортила немало крови местным жителям. Строили ее лет двадцать и для этого перепахали шикарные леса, выведя их подчистую. В этих лесах жители окрестных садоводств и деревень любили собирать грибы и ягоды, теперь же вынуждены были ездить за сто километров на заставу Карабицина, которая раньше славилась своей безлюдностью,

теперь же умирала от перенаселения. Но это еще полбеда. В лесах этих в годы Великой Отечественной войны шли бои за оборону Ленинграда, и старики рассказывали, что там стояло множество столбиков с указаниями воинских братских захоронений. Когда же копали дорогу, то эти захоронения без лишних слов и шумихи пустили под каток асфальтоукладчика. Одному садоводству так вообще не повезло, трасса прошла прямо под окнами окраинных домов. Купил себе мужик двадцать лет назад участок, выстроил дом, жил, отдыхал в тиши и спокойствии, а потом у него перед домом проложили новое шоссе, аккуратно на уровне окон второго этажа, так что можно было перекинуть трехметровый мостик прямо на трассу и торговать яблоками и картошкой на обочине.

Но с другой стороны, Новоприозерское шоссе сильно разгрузило старую дорогу. В пятницу по ней было не проехать из города, все стояло в многокилометровых пробках. В воскресенье ситуация повторялась в зеркальном отражении, многокилометровые автомобильные хвосты стояли уже по направлению в город. Теперь же все дороги были пустыми. По трассе на скорости сто километров в час шли потоки машин, по старой дороге летели пригородные автобусы и автомобили жителей ближайших садоводств.

На шоссе я прибавил скорости и уже через пятнадцать минут сворачивал на дорогу, ведущую к Агалатово. Оттуда до садоводства «Марс» было рукой подать. Если все пойдет хорошо, то минут через десять мы сможем поговорить со Степаном Корниловым по душам. Вряд ли он успел куда-то скрыться.

Агалатово мы пролетели за считанные секунды. По извилистой старой дороге мимо полей и лесов мы доехали до поворота на «СНТ «МАРС», так значилось на табличке. Спокойно заехали на территорию садоводства, и тут пришлось останавливаться у обочины, сверяться с досье, чтобы выяснить улицу и номер дома.

Садоводство тихое. В будний осенний день не видно людей. Пустые улицы, не у кого дорогу спросить. Аккуратные двухэтажные домики за низкими заборами из покосившегося штакетника. Участки, заросшие зеленью, с высокими раскидистыми яблонями. Стоит переступить границу такого места, как тут же чувствуешь блаженство, растекающееся по душе. Под шинами авто громко шуршит гравий, убаюкивая. Полная лирика.

Нужный нам дом находился в самом дальнем конце садоводства на границе с лесом. Удачное месторасположение. Вдалеке от любопытных глаз, поближе к природе. Вырулив из-за поворота на Кленовую улицу, я увидел столб дыма. Густой, черный, он буравил небо и находился в той же стороне, где и наш объект. На улице заметно прибавилось народу. Из домов выскакивали люди и бежали в сторону дыма. Интересно, что у них там случилось?

— Похоже, мы опять опоздали, — сказала пророческие слова Василиса.

Я прибавил скорости, и через минуту был уже у запахнутых настежь зеленых железных ворот. На участке напротив горящего дома столпилось человек двадцать: пенсионеры и пенсионерки, до первых заморозков живущие на дачах, крепкие мужики лет за сорок, по виду бригада строителей, завершающих

сезон, и мужчины и женщины разных возрастов из числа отпускников. Они стояли, глазели и живо обсуждали, отчего могло загореться, был ли кто в доме и как скоро приедет пожарная команда, которую Федотов уже вызвал. Двое мужиков в грязных шортах и футболках растянули шланги и поливали дом, но помогало мало. Пожар разбушевался. От сильного жара окна полопались, и пламя выбивалось из дома, лизало снаружи стены второго этажа.

— Степка-то только вчера приехал. С другом. В баню ходили. До полуночи свет у них горел точно. Я ходила как раз до ветра. Вот смотрю и вижу, свет горит и музыка играет, — делилась воспоминаниями полная женщина лет пятидесяти в оранжевом теплом жилете и синих шароварах.

— Давно его не было видно. Полгода не ездил точно, — сказала старушка в белом платке и закачала головой. — Жалость-то какая. Сколько деньжищ сгорит.

— Этот дом-то Степке от отца, покойника, достался. Тот на заводе каком-то работал, в управлении. Говорят, хороший капиталец сумел сколотить. Да вот и все, что осталось, горит синим пламенем, — отвечала женщина в оранжевом жилете.

Я подошел к дамам и заговорил:

— Извините, что вмешиваюсь. Мы друзья Степана. Приехали навестить. А Степа-то сам где?

— Уехал, наверное, — сказала женщина в оранжевом.

— Да и машины его вона нету, — поддержала ее бабушка в платке.

— Вы точно уверены, что уехал? — уточнил я.

— Ну, машина вчера была. Они с другом приехали. Это я видела. А сейчас нету. Значит, уехали, — ответила женщина в оранжевом.

— Да нет. Не слушайте их. Я все видел. Друг его один уехал. Минут тридцать назад, прямо накануне пожара. Мы с ним на улице столкнулись. Я сосед, вон в том доме живу, справа, — вмешался в разговор полный лысый мужик с густыми усами. — Друг сказал, что поехал в магазин, а Степа спит еще. Так что он там еще, несчастный.

Я бросил взгляд на дом, а потом на Кощея. Он меня понял без слов. Надо попробовать войти внутрь и найти Корнилова. Это, конечно, пахивало чистым безумием. Судя по пожару, даже если Степа там, то от него остались одни головешки. Но я должен был попробовать. Надо установить, сам он угорел по пьяни либо ему друг заботливый помог.

Я сбросил плащ на капот машины. Туда же отправилась куртка Кощея. Отстегнул кобуры с пистолетами и ножны с мечом. Постарался особо не светить амуницией, не хватало еще, чтобы по садоводству слухи поползли, закинул их в салон. После чего я направился к дому.

Василиса почувствовала неладное, выбралась из машины. Попробовала нас отговорить, но не получилось. Пришлось ей остаться на обочине наблюдателем.

По нашей просьбе мужики окатили нас из шлангов водой. Я первым поднялся на крыльцо. От жара перехватывало дыхание и горели уши. Я попробовал войти в дом, аккуратно избегая встречи с огнем, угнездившемся на дверном косяке. Дверь кто-то уже

позаботился выбить. Ну нету у меня опыта работы в горящих домах. Переступить порог я переступил, в коридор вошел, пригнувшись к полу, руками прикрывая голову. От жара глаза не открыть, сквозь узкие щелки удалось осмотреться. Но вокруг все красное. Огонь повсюду. Ни черта не разобрать. Даже если Степка остался здесь, то мы ему уже ничем помочь не могли. Я попробовал пробиться в сторону комнаты на первом этаже, но дверь оказалась заперта. Ручка пластиковая стекла на пол, остался железный каркас. До него даже в брезентовых перчатках не дотронуться, обжигает. Я попробовал выбить дверь плечом, но только плечо отшиб.

Воздуха не хватало. Горячая гарь лезла внутрь. Легкие, казалось, испаряются на глазах. Я закашлялся, потерял ориентацию и, чтобы не упасть, ухватился рукой за стену. Словно тонущий, я не соображал, что делаю. Руку обожгло, я отдернул ее и бросился на выход.

Я вытолкнул Кощея на крыльцо, и, спрыгнув на лужайку, упал на траву. В легкие ворвался свежий воздух, тут же обдало прохладой, а обожженная рука заболела.

— Что там? — подбежала Василиса.

— Ничего там. Все сгорело. Надо узнать, что это за друг был.

Я попробовал подняться, оперся на обожженную руку и зашипел от боли. Кощей помог мне встать.

— Соседи готовы рассказать все, что помнят о друге, — сказала Василиса. — Они ждут тебя.

Я направился к стоящим возле нашей машины соседям. Одежда еще в доме высохла. От нее шел пар, и такое чувство, словно меня прогладили огромным

утюгом. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Сейчас бы в тенечек, окатиться холодной водой да выпить ледяного пива. Мигом в себя бы пришел. Но дело есть дело. Уже второй подозреваемый перед нашим приездом отправлялся на тот свет. Я очень сомневался, что это просто совпадение. К тому же подозрительный друг, который очень своевременно уехал. Уж не помогли этот таинственный товарищ загореться дому? Я не удивлюсь, если, когда потушат дом, обнаружат прикованное к постели, к батарее, к стулу, камину или чему-нибудь еще тело. Хотя, быть может, Степана убили еще раньше, а пожар — это просто замечание следов. Главный вопрос, Корнилов — наша крыса, которую просто убили, чтобы он не стал давать показания, или это очередная невинная жертва нашего предателя?

Василиса собрала всех свидетелей, которые видели Степана и его друга накануне вечером.

— Они у меня вчера пиво брали да две литрушки водки. Закуски там всякой. Степка радостный такой был. Сказал, работа хорошая появилась. Вот он аванс получил и празднует. С другом, мол, приехал. А друг у него такой неприятный тип, хмурый, весь какой-то напряженный, словно солдат на плацу перед генералом, — рассказывала полная женщина с круглым, покрытым веснушками лицом и русыми волосами, завязанными в тугую косу.

— Это Прасковья, продавщица в местном магазине, — сообщила шепотом мне Василиса.

— Вы можете мне описать этого друга? Может, Степан его как-то называл? — спросил я.

— Пашкой он его звал. Точно Пашкой, — вспомнила Прасковья.

Она как могла, в меру своих талантов, описала друга Корнилова. Что-то было знакомое в ее описании. Я сразу это зацепил.

Дальше говорили другие.

Я обратил внимание, что большая часть людей была из числа «неохваченных». Здесь просто заповедник для нашего брата. Только у пятерых мужиков я увидел в ушах коробочки нейрофонов. Все они были из числа сезонных рабочих.

Я внимательно выслушал всех, кто видел накануне вечером Степана Корнилова и его товарища, а также соседа Фомича, которому довелось говорить с другом Степана утром. Все они описывали одного и того же человека, разнились только в деталях. Прасковья, продавщица, говорила, что он хромал на левую ногу. Бабка Степановна, соседка слева, говорила, что на правую. Фомич, сосед справа, утверждал, что он печатал шаг, как бывший военный.

Пока они описывали друга погибшего, приехала пожарная команда. Они развернули шланги и стали тушить дом. Ко мне подошел старший расчета, я представился ему как майор полиции Михаил Андреев. У меня для такого случая липовые корочки были заготовлены. Сказал, что приехали в гости к Степану, когда увидели, что его дом горит. Отступить от первоначальной версии нельзя. Потом настоящие полицейские опросят свидетелей пожара и сопоставят показания. И у всех они будут одинаковыми. Это хорошо. Старший расчета майор Петр Иванов пообещал доложить, будет ли обнаружено тело, когда пожар будет потушен.

Я вернулся к опросу свидетелей, и через некоторое время меня осенило. Я, кажется, понял, о ком говори-

ли все дачники. Я достал из машины досье, собранное майором Щегловым, и достал фотографию моего последнего подозреваемого, Павла Трофимова, главного оружейника Юго-Западной группировки повстанцев. Я показал фотографию свидетелям, и они все как один опознали в нем друга Степана.

Все элементы пазла встали на свои места.

Мы дождались, когда пожар потушили и пожарники вошли внутрь. Через несколько минут мы знали, что пожар имел искусственное происхождение, а главное, в доме есть тело. Погибший никак не мог выбраться из охваченного пожаром здания, поскольку его руки и ноги были связаны проволокой. Сомнений у меня не было, это был Степан Корнилов. И я также не сомневался, что наша крыса — это Павел Трофимов по прозвищу Прапорщик.

ГЛАВА 28

Свидетели показали, что у покойного Степана Корнилова был красный «Форд Фокус». Такие данные имелись и в досье, переданном мне майором Щегловым. Так что теперь на счету Павла Трофимова было не только предательство, работа на врага, убийство наших братьев, но и угон. Надо бы объявить машину в розыск, и тогда мы быстрее сможем найти ренегата. Но Щеглову сейчас не до меня. К тому же это не его территория. Так что придется ждать, когда придет полиция, проведет следственные мероприятия и в процедурном порядке подаст машину в розыск.

Мы же не могли терять время. Прапорщик опережал нас на несколько часов. Я нашел в досье адрес

его квартиры, и мы выехали в город. Гнать пришлось на пределе. Я чувствовал себя как герой сказки, который должен бежать изо всех сил, чтобы оставаться на месте. Мне казалось, что Трофимов смеется над нами. Что бы мы ни делали, как бы ни действовали, он всегда опережал нас на несколько шагов. В хитрости и уме ему не откажешь. Что могло толкнуть такого человека, как Прапорщик, на предательство? Вот самый главный вопрос. Надо не просто выкорчевать заразу под корень, надо понять причину, по которой она заводится. И тогда можно провести профилактику и не допустить ее появления в будущем.

Павел Трофимов жил на Туристской улице в одном из новых высоких домов, которые пузатыми великанами возвышались над проезжей частью. Первый этаж нужного нам дома занимала пиццерия «Дон Карлеоне», пекарня «Три пирожка», пивоварня «Суслов», супермаркет «Перекресток», аптека «Радуга» и частный детский сад «Лебединая стая». Странное название для садика. Очень домашний, уютный район, где, кажется, не может ничего плохого произойти, где нет зла, только лишь любовь и всепоглощающая доброта. Но это очень обманчивая и лживая вывеска. В этом доме, как и в других таких же, сидели внутри термиты зла, которые разъедали его изнутри. И если не контролировать их численность, то скоро весь мир полетит в тартарары. И всегда этот контроль помогал поддерживать баланс сил, только вот с появлением «охваченных» баланс оказался нарушен. Мы пробовали бороться. Мы боролись. Мы пытались восстановить статус-кво, но безбожно опаздывали, бежали вдогонку за поездом, пытаясь заскочить в последний

вагон. У меня складывалось такое чувство, и я ничего не мог с собой поделать.

Оно особенно усилилось, когда мы оказались перед пустой квартирой. Никто не отвечал на звонок. Тогда я решился на проникновение. Отмычками вскрыл квартиру, и мы вошли внутрь. Со стороны могло показаться, что хозяин долго возится возле двери из-за заевшего замка. Ничего подозрительного. На взломщиков мы точно не походили.

Детальное обследование квартиры показало, что здесь давно никто не живет. По крайней мере, протухшая и покрывшаяся плесенью селедка в холодильнике указывала именно на это. Кто куда, а Василиса первым делом полезла в холодильник. Не знаю уж, собиралась она подкрепиться на халяву или просто профессиональное любопытство, но вышла она из кухни побледневшая, со слезами на глазах.

Я включил компьютер, стоявший в гостиной, связался с Роговым и при помощи «Руки» вошел в систему. Дав возможность Максиму покопаться внутри, я вышел на балкон. Восьмой этаж. Перед взором расстилалась панорама нового района: дома, детские площадки, десятки припаркованных автомобилей. Ничего странного и подозрительного. Мир как мир. Только вот он уже был не наш, вернее, не до конца наш. Захват мира произошел быстро и незаметно для простых людей, а не простые люди, уверен, все знали и торговались за лучшие места в новом мироустройстве.

Что-то мелькнуло справа. Я резко обернулся. На соседнем балконе стоял человек в черном с коробочкой нейрофона в ухе. Он целился в меня из пистолета. Выстрел. Пуля пробивает застекленный балкон

и устремляется ко мне. Я падаю боком в комнату, выхватывая «макаров». Назад на балкон. Два выстрела с ходу. Балконное окно стеклянным градом осыпалось на мостовую. Надеюсь, там никто не прогуливался в этот момент или хотя бы не было мамаш с колясками. Человека в черном на соседнем балконе не было. То ли он мне примерещился, то ли теперь стоило ждать гостей.

Василиса и Кощей были уже во всеоружии в коридоре. Я активировал нейрофон и перевел его в игровой режим. Обычная современная квартира растаяла, и на ее месте проступило древнеримское жилье. Белые оштукатуренные стены с потрескавшимися фресками, изображавшими непристойные картинки, большая деревянная кровать с одеялами и подушками, кованый столик, на котором стояла пустая ваза для фруктов, и большой резной стол в дальнем углу комнаты. На нем стоял монитор, похожий на каменный домашний оракул.

Входная дверь распахнулась, и в коридор ворвались «куклы». Первую парочку навеки успокоили Кощей и Василиса прицельными выстрелами. Но затем уже было не развернуться. Двое «охваченных» налетели на Кощея и вытеснили его в кухню. Трое загнали Василису в спальню, а ко мне бросились трое «кукол», вооруженных мечами. Я выхватил свой клинок и ретировался в гостиную. Там было больше простора для боя. Эта троица в блестящих доспехах римских легионеров с шлемами, украшенными красными гребнями, была вооружена короткими мечами и кинжалами. И была настроена решительно. Нас здесь явно ждали. Я решил не играть в благородство и открыл огонь

на поражение, но легионеры двигались очень быстро. Они словно знали, куда я буду стрелять, и в последнюю секунду уходили с траектории полета пули. Это было нечеловечески страшно, словно я сражался с роботами.

В пистолете кончились патроны, и я откинул его в сторону. Сейчас это была бесполезная игрушка, в дополненной реальности похожая на ручной арбалет. Я атаковал ближайшего легионера. Рубящий удар сверху, который «кукла» с легкостью отклонила. Теперь пощупаем его справа, и снова легионер парировал выпад, одновременно пытаюсь дотянуться до меня кинжалом. Тем временем двое других легионеров стали обходить меня с разных сторон, пытаюсь взять в кольцо. Этого нельзя было допустить. Сражаться на два фронта — это еще куда ни шло, а вот рубиться против троих противников, крутясь на месте, словно собака, пытающаяся поймать свой хвост, это уже за пределами моих фантазий. Левой рукой я выхватил нож с нагрудного ремня и отправил его в полет в сторону противника. Не дожидаясь результата, я рубанул его по ногам. Легионер отразил мой нож, но не увидел летящего в ноги меча. Я подрубил его, словно молоденькое деревцо. Кровь хлынула на каменный пол: густая, словно томатная паста, черная. Легионер не устоял и упал, но не терял надежды дотянуться до меня. Я рубанул его по руке, держащей меч, и она улетела в сторону стола с оракулом. Не теряя ни секунды, я обернулся и встретил второго легионера, отразил его удар, отразил прилетевший справа выпад третьего легионера и чуть было не поймал кинжал в грудь от второго.

Они плотно насели на меня. Ни секундного просвета. Клинки мелькали серебряными вихрями в воздухе.

Тем временем оставшийся без руки и обезноженный легионер не терял надежду убить меня. Он полз к лежавшему возле стола клинку, подтягивая тело единственной здоровой рукой. А за ним оставался густой кровавый след.

В свое время я очень долго думал, почему среди «охваченных» и повстанцев так популярны мечи, ножи и прочие колюще-рубящие предметы. Откуда такая тяга к давно вышедшему из употребления оружию? Вероятно, все началось тогда, когда огнестрел достать было тяжело, а защищать свое право на свободу как-то надо. Найти же мастеров, которые за хорошие деньги смогут изготовить заказ, не составляло труда. Много их работало для реконструкторов и просто коллекционеров, изготавливая точные реплики древнего оружия. С новыми реалиями рынок сбыта расширился, и теперь они изготавливали настоящие мечи и кинжалы для нужд сопротивленцев. В то время как Кузнецы поставляли клинки для «кукол». К тому же «охваченные» пребывали в блаженной уверенности, что все, что происходит вокруг них, это игра, поэтому в средневековой реальности они сражались на мечах и убивали вполне реальных людей на улицах современного города, не выходя из загруженного в их головы игрового сценария. Да и шуму от мечей куда меньше, чем от автоматического оружия.

Легионеры теснили меня к балкону. Откуда у них только силы берутся? Я уже чувствовал, что выдыхаюсь, и этот фактор тут же сказался на моем здоровье. Я пропустил выпад, и клинок легионера пробил до-

спех с правого бока. Ничего серьезного, доспех задержал удар. Так что я отделался рассечением, но все равно приятного мало.

Я остановился возле балконной двери. Дальше отступать нельзя. На балконе не развернуться. К тому же я подозревал, что по соседству засел стрелок и легионеры выводили меня на линию огня.

Раненый дополз все-таки до своего меча, с трудом освободил рукоять из мертвой хватки, и теперь полз в мою сторону. Жуткое зрелище. Но с каждым движением он терял все больше крови, так что была велика вероятность, что он не доживет до последнего удара.

Пора было кончать. Слишком долго мы тут разводили благородство в тухлой воде.

Я одним прыжком сократил дистанцию с первым легионером. Он не ожидал этого. Его удар пришелся в пустоту. Он попытался ткнуть меня кинжалом в бок, но я перехватил его руку и ударил рукоятью меча ему в лицо. Брызнула кровь из разбитого рта. Я ударил снова. На пол полетели выбитые зубы. Я крутанул руку, вырывая кинжал, который тут же воткнул ему в живот. Легионер не ожидал такой наглости. Его глаза выпучились от боли. В них застыла обида. Я оттолкнул его от себя и обрушил ему на голову меч.

Последний оставшийся в живых легионер бросился ко мне. Но я встретил его во всеоружии. Отразил один выпад, парировал второй и рубанул снизу вверх, в то время как он занес клинок для нового удара. Легионер от неожиданности ойкнул, захрипел и выронил меч. Я отбросил свой в сторону, схватил его за грудки и выбросил на балкон.

Раздались выстрелы. И тело legionера задергалось, принимая в себя пули. Я дернул колесико настройки, возвращаясь из Древнего Рима в нашу реальность. Комната выглядела как бойня после рабочего дня. Я подхватил с пола пистолет, выщелкнул пустую обойму, вставил полную и бросился на балкон.

Умирающая «кукла» в черном костюме, попавшая на линию огня, шаталась на балконе, цепляясь из последних сил за жизнь. Я вылетел на балкон, толкнул «куклу». Она перевалилась через перила и отправилась в полет к мостовой. На соседнем балконе стоял растерявшийся «охваченный». Он не ожидал моего появления, и я расстрелял его в упор.

ГЛАВА 29

План по приключениям мы сегодня выполнили. По крайней мере, так мне казалось. И ребята меня целиком поддерживали. Пока я возился с legionерами и устранял стрелка, Василиса и Кощей решили проблемы со своими противниками и уже торопились ко мне на помощь. Хорошо, что помощь мне не требовалась.

Где искать Трофимова, я не знал. В досье я не видел ни одной зацепки. Кроме квартиры, имелся еще адрес его родителей. Но старичков, обоим далеко за семьдесят, я пока решил не беспокоить. Теперь, когда мы знаем, кто враг, надо сообщить в Штаб, чтобы по всем отрядам сопротивления была отправлена ориентировка. И только потом надо дернуть Щеглова и попытаться через него выйти на след Прапорщика. Дмитрич, конечно, не сильно будет рад меня слышать

после последних событий, но это, в конце концов, война, а на войне потери неизбежны.

Я довез ребят до базы, а сам отправился к себе на площадь Конституции. Надо привести себя в порядок перед вечерним совещанием. Ничего хорошего я от общего сбора не ждал. Вероятно, мне придется отвечать на вопросы, часть из которых будет весьма неудобной и скользкой. Но такова работа. На это совещание я шел с двойственным чувством: Кузнеця я упустил, зато нашел ренегата. Важно, что сегодня, как обещал Шахматист, станет понятен план дальнейших действий.

Когда я добрался до дома, на почту пришло письмо от Шахматиста с адресом места встречи. Улица генерала Хрулева, дом шестнадцать. Место мне незнакомое. Я загрузил «Схему» и сверился с картой. Оказывается, это находится в районе метро «Пионерская». Глухое место, заводской район, сплошные склады. Рядом склад детских игрушек. Хорошее соседство.

Время до часа отъезда пролетело незаметно. Большую часть я провалялся на диване, разглядывая экран телевизора. Ничего интересного я не увидел, но надо было как-то время убить. Передавали привычные российские ток-шоу, развлекательные программы и набившие оскомину сериалы. Я заметил, наличие нейрофонов на экране уже стало нормой. Через одного актеры красовались нейрофонами. В сюжетах сериалов пока их не задействовали, но то ли еще будет. В конце концов назойливая телевизионная картинка мне надоела, я выключил телевизор и сам не заметил, как заснул. Проснулся я по будильнику, который

завел на смартфоне заблаговременно. Как говорится, надейся на себя, но о страховке не забывай.

Я быстро собрался (оружие взял с собой по минимуму) и вышел из дома.

До Пионерской я добрался без осложнений. Дороги свободные. Пробки на пять минут и саморассасываются, как по волшебству. Кто-то объявил для меня зеленый свет. Улицу генерала Хрулева нашел без проблем. Сложнее оказалось найти нужный дом. Это оказался складской ангар, находящийся на закрытой охраняемой территории. Пришлось останавливаться у невзрачной проходной и предъявлять паспорт. Проходная — деревянная будка, обшитая металлическими рифлеными листами, с турникетом внутри. На входе усталый мужик с седыми усами и выцветшими глазами смотрел в черно-белый экран телевизора, который изредка продергивало сполохами помех. Звука у телевизора не было. В левом ухе охранника торчал нейрорфон. Это, по крайней мере, объясняло, как он смотрел телевизор без звука. Мое появление вызвало у него зевоту. Он принял документ, записал номер и время проезда на территорию и выдал магнитную карточку.

Ее я отдал второму охраннику, дежурившему на воротах. Он приложил ее к магнитному замку, и шлагбаум поднялся. Забрав карточку, я въехал на закрытую территорию. Передо мной предстали одинаковые склады. Белые, с кое-где облупившейся краской, из-под которой пробивалась ржавчина, они тянулись далеко вперед в несколько рядов. Возле них стояли машины и суетились люди, занимавшиеся погрузочно-разгрузочными работами. Я сверился со «Схемой» и выбрал верный маршрут. Через минуту я уже оста-

навливался перед нужным мне ангаром, возле которого были припаркованы с десяток легковых автомобилей.

Меня встречали двое бойцов в черных куртках и вязаных шапках. Под куртками опытный взгляд тут же вычислил спрятанные стволы. В лица я не вглядывался. Этих ребят я не знал. Возможно, кто-то из новичков. Хотя и не все сопротивленцы мне знакомы в лицо.

Заглушив мотор, я выбрался из машины и зашагал в сторону ангара с большой черной цифрой «16». На входе я столкнулся с Барабаном. Он приехал недавно и выглядел значительно лучше, чем в нашу последнюю встречу.

— О, Гладиатор, какие люди! — протянул он мне руку.

Я пожал ее.

Мы вошли на территорию ангара.

— Спасибо тебе, Рома. Ты тогда вовремя меня остановил. Если бы не ты, я бы еще долго... — попытался поблагодарить меня Барабан.

Я поспешил его остановить

— Не за что. На моем месте ты сделал бы то же самое.

— Как думаешь, что сегодня решат наши старейшины? — спросил он.

— Я думаю, что пора уже что-то решать, — уклончиво ответил я.

Первый этаж ангара ровными рядами занимали стеллажи, заставленные коробками. Типичное складское помещение. Уверен, что в обычное время его используют по назначению. Днем здесь работают сотрудники, загружают машины, осуществляют по-

ставки товаров по всему городу. Но нас первый этаж не интересовал. В паре метров от входа стояли двое охранников в серых спецовках. С виду обыкновенные грузчики, ждущие конца своей смены. Только это обманчивое впечатление. Я видел в них опытных бойцов, прошедших не одну уличную бойню. Может, когда-то они работали в правоохранительных органах, а теперь сменили форму.

Один из охранников указал нам на лестницу, ведущую на второй этаж. Я кивнул ему в знак благодарности и пропустил вперед Барабана. Поднявшись, мы оказались в коридоре, по обе стороны которого находились белые двери, помеченные цифрами. Коридор упирался в выставочный зал, заставленный образцами продукции, всевозможной посудой на все случаи жизни. Здесь по центру выставочного зала в окружении кастрюль и сковородок был установлен большой вытянутый стол, вокруг которого сидели люди. В основном это были мужчины, но хватало и женщин. Часть из них я знал, но были и незнакомые лица.

Во главе стола восседал Михаил Бражников, известный более как Шахматист, координатор сопротивления, в неизменном строгом черном костюме. По правую руку от него сидел Андрей Кожухов, один из ветеранов нашего движения. По левую Семен Карпов, бывший мой командир. Также за столом я узнал командиров отрядов: Мишу Поспелова, Армена Айвазяна, Лешу Бреславца по прозвищу Боцман, Рустама Бови и Светлану Огонек. Остальные восемь человек мне были незнакомы, вероятно, кто-то из молодых, кто только недавно принял на себя командование людьми. Если вдуматься, то нас очень мало, это

просто капля в море против многочисленной армии «охваченных».

Заметив нас, Шахматист наклонил голову в приветствии и указал на свободные стулья, которые стояли вне общего стола, за спинами других командиров. Несколько обидно, конечно, находиться на выселках, но мы приехали позже всех, так что стоит смириться. Главное — не положение за столом, а дело, которому мы служили. Хотя, если посмотреть на ту не афишируемую конкуренцию, что царила за столом совещания, я готов был усомниться в своем мнении. А конкуренция чувствовалась.словно между боевыми командирами была натянута колючая проволока, по которой был пущен электрический ток, и время от времени кто-то из них нарушал границы. Ток не убивал, но доставлял изрядное беспокойство.

— Теперь, когда почти все в сборе, я открываю наше совещание, — негромко произнес Шахматист, и тут же все разговоры за столом стихли. — Собираемся мы в тревожное для нас время. С каждым днем наш противник становится все сильнее, а мы все беспомощнее. Наши методики больше не работают. Отлавливать «кукол» по темным подворотням и обезвреживать по одному больше не выход. Мы должны выработать новую методику борьбы.

— Пока не будет уничтожен последний «охваченный», никакая методика не сработает. Заразу надо выжечь каленым железом, — заявил Семен Карпов.

Он всегда был горячим человеком, не способным на компромиссы.

— Так мы все человечество уничтожим. А надо признаться, это не в наших силах. Давайте не будем

растекаться мыслью по древу и углубляться в дебри демагогии. Сперва я обрисую общее положение на улицах, а потом обозначу план дальнейших действий. И мы его обсудим, — предложил Шахматист.

Никто не посмел ему возразить. Я сидел тихо и не вмешивался в общение за столом. Мое время еще не настало. Спросят — отвечу. Будет что сказать скажу. А пока сиди тихо да анализируй. Так когда-то меня Карпов учил. Похоже, он свою школу давно забыл.

— В последнее время на нашего брата была объявлена охота. За несколько дней мы потеряли многих. Погибла практически полностью группа Гладиатора. Выжил только один боец, но и он находится на излечении. Пострадали и другие группы, но не так катастрофично. На улицах города отстреливали наших бойцов. Мы потеряли лучших ребят. Погибли Анатолий Козырев, Гриша Бойков, Федор Ковач и другие. Перечислять всех не буду. Вы и так все знаете. Все это началось, когда мы стали копать под каналы распространения нелегального оружия, которое появилось в городе. В разработке групп оказались так называемые Кузнецы, оружейники, через которых нелегальное оружие попадало в руки конечных потребителей. Операции по задержанию Кузнецов оказались сорваны. Погибли люди. Оружия на улицах только прибавилось...

На лестнице слышались шаги, и в коридоре показалась грузная фигура. Когда она приблизилась, я узнал Даниила Дмитриевича Щеглова. Майор выглядел вулканом, в котором пламя клокочет, но пока еще не вырвалось наружу. Увидев меня, он кивнул и сел на свободный стул в стороне.

— Вот теперь все в сборе. Я продолжу. Несмотря на все потери, мы продолжили работу, и теперь у нас есть полная цепь Кузнецов, со всеми адресами и зонами охвата. Нет сомнения, что у Кузнецов есть единое руководство. Также нет сомнения, что это руководство ответственно за распространение нейрофонов и является тем самым невидимым «кукловодом», которого мы пока не можем вычислить. У нас разное мнение относительно происхождения «кукловодов» и их целей, но если мы захватим Кузнецов, уничтожим их единым ударом, то сможем однозначно установить, кто стоит за всей этой многоходовой комбинацией.

— Тут и думать нечего, это мировое правительство, которое пытается взять нашу страну под свой контроль, — заявил с горячностью в голосе Рустам Бови.

— А у него что ни напасть, так мировое правительство виновато. Глобалисты проклятые, — с усмешкой в голосе сказал Армен Айвазян.

— А кто по-вашему? — загорелся Рустам Бови.

Сейчас все пойдет по кругу.

Одни будут утверждать, что во всем виновато теневое правительство, которое своими щупальцами опутало весь мир и влияет как на мировую политику, так и на экономику. Именно оно запустило проект нейрофонов, чтобы получить послушное стадо, которым удобно управлять. Другие будут возражать, что это разработка российского правительства с целью получения послушного народа, верных подданных, которые будут всегда и всем довольны. Третьи заявят, что нейрофон — это продукт оппозиции с целью провести безболезненную смену власти. И начнется базар,

который Шахматист попробует прекратить, но у него это будет плохо получаться. Как все-таки все совещания сопротивления похожи друг на друга. Быть может, благодаря этому мы и не добились никаких заметных результатов. Вроде объединились, действуем сообща, имеем общий командный центр, который отвечает за разработку и управление всеми отрядами, но продолжаем при этом играть в партизанщину.

— На российский рынок нейрофон запустила компания «Лоджитек». Вам не кажется, что надо проникнуть в компанию и попытаться выяснить, что такое нейрофон, зачем он нужен и кто за всем этим стоит, — неожиданно сам для себя я вступил в спор с командирами сопротивления. — Уже сейчас ясно, что это не просто прибор. Он вживляется в человека, подключается ко всем его органам чувств, и разъединить его с владельцем не представляется возможным без летального исхода. При этом нейрофон — это симбиоз техники и биологии. Те, кто видел эту штуку вблизи, могут это подтвердить. Я очень сомневаюсь, что наши компании способны на такие технологии. Тут что-то другое. И пока мы не потряхнем основательно «Лоджитек», мы не сможем сказать точно, кто за этим стоит и что им надо.

— Гладиатор, смотрю, в своем репертуаре, — заявил Рустам Бови.

— Вы сваливаете вину за нейрофон на кого угодно, но не пытаетесь докопаться до истины. Просто говорите, виноваты американцы, наше правительство или кто-то еще. Ни до кого из них вы дотянуться не можете. Вы можете бороться только с последствиями, а не с причиной. Поэтому и людей теряем, поэтому

и плетемся в хвосте. Я предлагаю взять в разработку «Лоджитек». Если мы объединимся, то сможем справиться с этой задачей. Но только вместе.

Я поймал на себе заинтересованный взгляд Шахматиста. Но кроме него никто всерьез к моим словам не отнесся.

— Сейчас у нас другая угроза. Мы должны решить вопрос с Кузнецами. Через них идет поток нелегального оружия в город. Потом это оружие расползается по улицам. Оно легкодоступно, и из-за этого мы теряем контроль над улицами. Любой сопляк на перекрестке может стрельнуть в нас или в соседа. Если мы сейчас упустим этот момент, то скоро у нас будет как на Диком Западе, — сказал как отрезал Армен Айвазян.

— Если мы найдем и уничтожим управляющий центр нейрофонов, то проблема с Кузнецами решится автоматически, — возразил я.

— Бороться надо с тем, что мы знаем, а не с ветряными мельницами. Где этот управляющий центр? Есть ли он вообще? Что это такое? Слишком много вопросов, ответов на которые нет. А Кузнецы — это реальная проблема, и она вот здесь, прямо тут. Бери и решай, — голос Рустама Бови дрожал от напряжения.

— Когда мы уничтожим Кузнецов, то сможем начать разработку «кукловода». Пока же дыры в дамбе не закрыты и вода хлещет в долину, мы не можем распылять свои силы, — сказал Армен Айвазян.

Остальные командиры отмалчивались. Но было видно по их усталым лицам: они целиком и полностью поддерживают Бови и Айвазяна.

— Если мы закончили с этим вопросом, то предлагаю перейти непосредственно к обсуждению опера-

ции «Наковальня», — поставил точку в споре Шахматист.

Он смерил меня холодным взглядом, и я вынужден был отступить.

Кто спорит, проблема с оружием есть, Кузнецы завалили дешевыми стволами улицы нашего города. Теперь у каждого подростка, только вставившего нейрофон в ухо, может оказаться пистолет. Город еще как-то живет и справляется с проблемой. Но если не остановить процесс, то начнется форменный беспредел. Я понимал это, но в то же время чувствовал, что мы делаем ошибку, отвлекаемся на второстепенные задачи, в то время как не решена главная.

Однако солдат на войне должен подчиняться приказам командиров. И я подчинился.

Между тем Шахматист развернул у себя за спиной большой белый экран и вывел на него картинку с ноутбука, который словно по волшебству появился перед ним на столе. Похоже, кто-то из подручных подсуетился. На экране появилась карта города. Шахматист запустил проекцию и стал рассказывать. По мере его слов карта города изменялась.

— Вот сейчас вы можете увидеть, как увеличилось количество нелегального оружия в городе за последние три месяца. Сейчас мы видим, что в районах города...

И началась нудная статистика, которая, по мне, так вообще не нужна. Шахматист пытался донести до самых тупых, таких как я, что с Кузнецами надо разбираться немедленно, и для этой цели решил использовать графики и слайды. Но я и так уже со всем согласился. Надо убрать Кузнецов, уберем. Но я на своем

опыте убедился, что Кузнецы — это не самая главная проблема, если что, их пустят в расход без размышлений. Значит, на место каждого выбывшего из игры Кузнеца тут же встанет пара новых. Если чему и научил меня провал по поимке Кормчего, то только тому, что нужно бороться с первопричиной, а не с последствиями. Поэтому раз руководство сопротивления решило прикрыть сеть Кузнецов, мы в этом участвуем. Но параллельно я займусь своим исследованием. Я проникну в компанию «Лоджитек» и выясню, кто стоит за распространением нейрофонов.

Когда со статистикой было покончено, Шахматист очистил карту от цветowych пятен и графиков. Через несколько секунд вся карта была усеяна множеством флажков.

— Как вы видите, на карте обозначены офисы Кузнецов, через которые идет продажа оружия. В городе их уже не один десяток. И они разрастаются. Я разделил сферы влияния между нашими отрядами. На каждый отряд приходится свой сектор работы. Дату и время операции вы узнаете после совещания. Могу сказать одно, что она начнется одновременно по всему городу.

Шахматист сел в кресло. Тут же возле него оказался парнишка лет двадцати с портфелем, из которого он достал стопку планшетов.

— Каждый из вас получит планшет, в который закачаны все необходимые документы по операции «Наковальня». Также в планшетах вы найдете точную дату операции и ваше боевое задание. Просьба приступить к изучению документов после окончания совещания, у себя на базах.

Ничего не скажешь, обстоятельно подготовился Шахматист. Даже с планшетами заморочился. Впрочем, у одного из наших ребят своя фирма по оптовым поставкам компьютерного оборудования, вероятно, он и выделил в качестве спонсорской помощи.

— Я хочу сказать, — неожиданно заговорил Андрей Кожухов, один из самых старых боевых командиров, один из первых партизан нашего города.

Мигом за столом стихли все голоса.

— Наша задача — нанести единый массированный удар по Кузнецам. Уничтожив их, мы надолго выведем из строя «кукловодов», и это позволит нам разобраться с нейрофонами и найти, кто за всем этим стоит. Но мы должны серьезно взяться за дело. Это самая детально проработанная наша операция. На планшетах вы найдете инструкцию. Запомните, Кузнецы — очень тяжелая цель. Ее не так просто поразить. Прошу в отрядах провести необходимую разъяснительную работу. На этом наш совет закончен. Спасибо всем.

ГЛАВА 30

Складской ангар командиры покидали в молчании. На улице Кожухов, Карпов, Айвазян и Рустам Бови сбились в кучку и вскоре задымили. Курили молча, но по напряженным лицам можно было подумать, что они общаются телепатически. Похоже, они ждали, когда разъедутся остальные, чтобы обсудить услышанное на совете.

Я собирался идти к воротам, когда появился Шахматист. Он направился ко мне.

— Корнев, задержись на минуту.

Я кивнул Барабану, который остановился, чтобы подождать меня. Он все понял без слов и направился к воротам. Через несколько минут я его догоню, когда закончу разговаривать с Шахматистом.

— Удалось что-либо узнать о ренегате? — спросил он.

— Мы отработали несколько вариантов. И похоже, я знаю, кто стоял за последними провалами. Это Трофимов.

— Прапорщик, — задумчиво произнес Шахматист, словно смакуя слово. — Ты уверен?

— Уверенным можно быть только в том, что я это я. Но иногда по утрам я и в этом не уверен. Все указывает на его кандидатуру. Мы утром были на даче у Корнилова. Он накануне уехал из города с другом, всю ночь они квасили, утром случился пожар. Корнилов погиб, а друг его незадолго до пожара уехал на его машине. Соседи и продавщица в магазине, где накануне вечером они отоваривались, опознали в друге Прапорщика. Мы пытались найти Трофимова на квартире, но он дома не появлялся. Похоже, давно там не живет. Да и засада нас там ждала.

— Я попробую пробить Трофимова по своим каналам. Если мне удастся получить информацию, то тут же скину ее тебе. Пока что сосредоточься на «Наковальне».

— Я считаю, что надо разрабатывать «Лоджитек», все нити ведут к этой компании. А мы топчемся на месте. Сопротивленцы стали похожи на стадо баранов, которое ведут на бойню. Порубим мы Кузнецов в капусту, так через месяц появятся новые, и все закрутится. К тому же ты показал карту, там этих Кузне-

цов, что в муравейнике опилок. Нам с ними со всеми не справиться, ты же понимаешь. Да и операция будет проводиться одновременно. Как быть?

Шахматист улыбнулся. Так мог бы улыбаться манекен.

— Ты же знаешь, что я один из координаторов. Нас пять человек. Каждый отвечает за работу энного количества групп. Только координаторы знают друг друга. Простые сопротивленцы не знают о других группах. Это сделано на тот случай, если провалится кто-то из координаторов и его команды будут уничтожены. Тогда остальные смогут продолжить работу. Полная автономия. Сейчас другие координаторы также работают со своими командами. Им выделены свои участки работы, так что единым ударом мы сможем покончить с этой заразой в городе. Выжжем ее окончательно, поэтому и «Наковальня».

О существовании других координаторов я знал, как и о других группах, но это было все на грани слухов, пьяные сплетни между своими в кабаках. Зато теперь стал понятен весь план.

— На время прекратить любую отсебятину. Все силы только на подготовку к операции. Очень надеюсь, что ты слушаешь меня на этот раз, — в глазах Шахматиста вспыхнул безумный огонек и тут же погас.

— Постараемся, Михаил Петрович, постараемся, — уклончиво ответил я.

Судя по взгляду, Бражников не очень-то мне и поверил.

Мы попрощались, и я направился к проходной. Шахматист же подошел к дымящим одну за другой

сигареты командирам и заговорил с ними. Вероятно, давал последние наставления перед операцией.

Я благополучно миновал проходную и обнаружил Барабана. Он сидел на капоте моей машины и курил. Вид у него был взъерошенный, похмельный.

— Чего так долго? — недовольно спросил он.

— За жизнь говорили, — ответил я уклончиво. — Какие планы на вечер?

— Я бы посидел где-нибудь. Потом уже можно и диспозицию изучить.

— Может, тогда заедем куда-нибудь.

— Только вот что с колесами делать? — загорелись глаза Барабана.

— А мы пить не будем. Сейчас не до спиртного. У нас на носу серьезная операция, надо быть готовым ко всему, — огорчил я его.

— Плохо. Решай сам.

— Тогда в «Нуар» на «Электросиле». Там и покушать можно, и чай вкусный, — предложил я.

Я сел в машину. Барабан неохотно слез с капота и поплелся к своему потрепанному «Доджу Калиберу». Мы отъехали от складских ворот одновременно. Дорога до «Электросилы» прошла без приключений. Ни тебе пробок, ни «охваченных» без головы, норовящих устроить пальбу на ровном месте. Припарковались в ста метрах от ресторана. Пока шли, я позвонил Рогову и попросил обзвонить всех ребят, чтобы завтра утром все были на базе. Буду задачу ставить.

В ресторане мы забрались в самый дальний угол, чтобы никто нам не помешал. Тут же нарисовался официант с большими папками меню. Я ткнул пальцем в знакомые названия и закрыл папку. Барабан

возился долго, мусоля страницы, наконец и он определился. В последний момент он все-таки меня не послушался и заказал себе пива.

Я посмотрел на него укоризненно, но ничего не сказал, а он сделал вид, что ничего не заметил.

— Надоело все. Хочу в Крым, на песочек, пиво пить да живот греть. Мне вся эта муть вот уже где сидит, — неожиданно поделился Барабан. — Как думаешь, когда это закончится?

— Не знаю, Коль. Я тебе не пророк. Если бы не вся эта заваруха, то я бы тоже уже давно грелся на песочке, где-нибудь на пляже. Только вот сейчас не время для отдыха. Сейчас надо сконцентрироваться. Думаю, что ближайшая операция потребует от нас всех сил, что еще остались, — попытался я привести его в чувство.

— Это если остались. А что делать, если их и нет уже давно?

Плохо дело. Если человек сдулся, как воздушный шарик после бурного праздника, то ему уже вряд ли что-нибудь поможет. Верить в это не хотелось. Не может такой боевой мужик, как Барабан, поднять белый флаг. Не в его это характере. Так я себе твердил. Но видел перед собой опустошенного человека. И от этого становилось гадко на душе.

Принесли напитки: чайник с черным чаем, две чашки и бокал светлого пива. Барабан тут же попросил принести второй бокал. После того как официант отошел, он в три глотка выпил все пиво.

— Ты мне тут эти упаднические мысли брось, — начал говорить я, понимая, что все это бесполезно. Если человек выдохся, то как его ни подбадривай, толку не будет. Внутренний костер потух, уголька не

осталось. Так что подбадривания делу не помогут. А ему, между прочим, свой отряд на операцию вести. И как в таком состоянии ему доверить командование. Неужели Шахматист этого не видел? Или видел, но решил, что Барабан справится. Кто я, чтобы спорить с Шахматистом?

— Тут нет упаднических мыслей. Ты не смотри, Гладиатор, что я тут пиво пью, разговоры всякие плохие разговариваю. Думаешь, сдулся Барабан. Думаешь, думаешь. По лицу твоему это видно. У тебя, как в Букваре, все на лице написано. Только неправда это. Я себя настроить пытаюсь. И хотя хреново получается, но я все же сделаю это. Только вот чувство у меня такое, что это моя последняя операция. Не знаю уж почему, но вот чувствую так. И если жив останусь, то отправлюсь на покой. У меня недавно даже мысль была, не поверишь, нейрофон купить да подключить. А потом заразить себя чем-нибудь тяжелым, но чтобы вылечиться. Глядишь, твой бы подвиг повторил. И стал бы таким же, с нейрофоном, шепотом этим мерзким, но живым, не «куклой», понимаешь?

Барабан принялся за вторую кружку, которую минутой ранее поставил перед ним на стол официант. А еду нам так еще и не принесли.

Смотрел я на него и не видел в нем больше боевого командира. Надо бы Шахматисту все-таки позвонить да рассказать обо всем.

Мы сидели больше часа. Разговор не клеился. Я хотел обсудить предстоящую операцию, поделиться впечатлениями от охоты на Кузнеца, только Барабан ничего не слушал, он как заведенный жаловался на жизнь да рассуждал о том, как сейчас хорошо

в Гурзуфе. Прикончив вторую кружку, он заказал себе третью и, похоже, останавливаться не собирался. Я быстро расправился со своим ужином и попросил у официанта счет, пока Барабан не напился окончательно. Он все понял, проводил официанта грустным взглядом и сказал:

— Не думай, Гладиатор, на операции все пройдет гладко. Я перед ребятами не опозорюсь. Не имею права.

На улице мы холодно попрощались. В Барабане чувствовалась неудовлетворенность от встречи. Я был разочарован. К моему удивлению, он не стал вызывать такси, сам сел за руль своего «Доджа». Похоже, этому парню уже нечего терять. Я пообещал себе утром позвонить Шахматисту и рассказать о поведении Барабана. Нельзя ему сейчас доверять командование ребятами. Пусть его заменят хотя бы на время операции. Кто-то из его ребят примет командование на себя, а он простым оперативником в поле пойдет.

Но утром я о Барабане не вспомнил, а жаль. Быть может, если бы я все-таки поговорил с Шахматистом, Барабан остался бы жив. Но что сделано, то сделано. Прошлого не переиграть, хотя иногда очень хочется.

До площади Конституции я доехал за пятнадцать минут. В магазинчике «24 часа» купил себе два литра пива. Раззадорил Барабан душу, аж жажда замучила. Машину оставил напротив парадной и вошел в квартиру. На кухне нашел чистый граненый стакан, с тоской окинул взглядом полную грязной посуды раковину и расположился в гостиной на диване.

Я взял планшет, полученный от Шахматиста, и включил его. Загружался он долго, я успел выпить

стакан хмельного. Наконец, появился рабочий стол, на котором на фоне цветочного поля красовались три иконки. Первая называлась «Инструкция», вторая «Объекты». Обе в формате pdf. Третья иконка названия не имела. Только серое лицо пришельца с большими глазами, как его показывают в многочисленных фантастических фильмах. Первым делом из любопытства я ткнул на морду пришельца, и ничего не произошло. Приложение было неактивным или планшет битый. Я попробовал открыть файл «Инструкция», и он загрузился. Я наполнил себе бокал и погрузился в чтение.

На нашу долю приходилась одна точка. Находилась она на Варшавской улице сразу за зданием Конституционного суда. Там начиналась длинная вереница общежитий разных университетов. В одном из зданий и обосновался Кузнец. Операцию назначили на пятницу, так что оставалось всего два дня до часа «Х». Что называется, негусто. С другой стороны, если бы мы узнали об этом за неделю, то информация могла бы просочиться на ту сторону, и Кузнецы бы снялись с насиженных мест. А два дня достаточно, чтобы подготовиться к работе.

Инструкцией нам предписывалось выдвинуться к объекту в час дня, чтобы к двум быть готовым начать штурм. О начале операции нас предупредит специальный сигнал, который поступит на планшет. Таким образом операция начнется синхронно по всему городу.

Нам надо бесшумно войти на этаж, где засел Кузнец, и нейтрализовать его любым способом. Была особая приписка для самых смелых: в плен объект не

брать и даже не пытаться. При устранении объекта разрешалось применять любое оружие. Так что мы получили карт-бланш на стрельбу в людном месте. Хотя когда нас останавливали запреты! Только вот меня настораживало место проведения операции. Общежитие. Там же «охваченных» в каждой комнате с десятков наберется. Если «кукловод» их всех призовет на защиту Кузнеца, нам мало не покажется.

В файле также находилась детальная схема продвижения по территории общежития, с пометками по этажам и комнатам. Кузнец находился на третьем этаже в комнате 312. Три соседних помещения занимала его охрана. В четвертом находился склад оружия, если верить приложенной схеме.

Не нравилось мне все это. Только приказ есть приказ. Если штаб считает, что именно так надо действовать, то я должен подчиниться и постараться отработать максимально эффективно и аккуратно. Как говорил Суворов, ввяжемся в бой, а там по обстановке.

Я закрыл инструкции и открыл файл «Объекты». Вот тут уже начиналась конкретика. С первой же страницы на меня уставился массивный мужчина лет сорока, с большим открытым лбом, короткой стрижкой ежиком, мясистым чуть приплюсненным носом и кривыми толстыми губами в обрамлении черных усов и бороды. Отталкивающая внешность. Сразу за фотографией короткая биографическая справка.

Иван Исеев, сорок четыре года. Кузнец, распространитель нелегального оружия неизвестного происхождения. Место работы неизвестно. Место жительства неизвестно. Женат. Двое детей (данные из соцсетей). Образование высшее. Закончил Политех. Факультет

какой-то технический, для меня полная абракадабра. Да это и не важно. Два года службы в армии. Войска связи. И больше ничего. Не густо, но для работы вполне достаточно.

Дальше пошли портреты близкого окружения Кузнеца. Наша разведка хорошо постаралась. Видно было, что они долго следили за Исеевым. Им удалось нарыть больше, чем мне с ребятами на Кормчего. Из двадцати портретов «охваченных», которые крутились постоянно вокруг Кузнеца, я запомнил четверых.

Номер первый Борис Никонов по прозвищу Паспарту. Бывший профессиональный спортсмен. Вольная борьба. Десять лет в охранных структурах. На фото большой мужик, с огромными руками и массивной головой кирпичом.

Номер два: Дмитрий Гордеев по прозвищу Дуплет. Биография чистая, никаких сведений нет. Ребятам ничего не удалось нарыть. И только фотография — светловолосый мужик средних лет с карими глазами и кривым носом.

Номер три: Евгений Кораблев по прозвищу Капитан. Бывший моряк. Три года по призыву и пять лет по контракту. Служил простым матросом, дослужился до старшины. После флота устроился на работу в коммерческую фирму, торговал катерами и яхтами. В Питере у нас тема актуальная. Был связан с криминальными кругами. Подробиностей нет. На фото смазливый чернявый мужик с вытянутым лицом, в костюме. Типичный новый претендент на роль Джеймса Бонда.

И последний, четвертый номер: Иван Костромской по прозвищу Ванька Конвейер. Тут все ясно. Из бандитов. Входил раньше в Окулевскую группировку.

Контролировал подпольное производство паленых алкогольных напитков. Был прозван Конвейером за то, что добился небывалых ранее производственных результатов. Полгорода завалил своей продукцией, пока цех по розливу не накрыли конкуренты и не перестреляли почти всех. Сам чудом спасся, залег на дно и спустя год всплыл в окружении Кузнеца.

Я еще долго читал файл с названием «Объекты». Там упоминалось много людей Были и фотографии. Но эта четверка — Паспарту, Дуплет, Капитан и Ванька Конвейер — числилась в ближнем круге.

Пиво закончилось. Я все еще читал, но вскоре и сам не заметил, как заснул с активным планшетом в руке.

Проснулся я рано. На часах шесть утра. Давно уже я в такую рань не вставал. Планшет валялся рядом на кровати разряженный. В голове гудело, словно я не два литра пива уговорил, а минимум пару бутылок водки.

Сперва я поставил планшет на зарядку. Потом прошел на кухню и налил себе стакан воды. Выпил залпом. Налил второй. Выпил половину и отставил в сторону. Теперь надо позаботиться о завтраке. В холодильнике я нашел парочку яиц и тут же разбил их на горячую сковородку. Заварил пакетик черного чая в чашке и стряхнул яичницу себе на тарелку. Во время завтрака я активировал нейрофон. Перед глазами появился полупрозрачный рабочий стол с иконками. Я вышел в информационную сеть и загрузил игровые новости. Первым делом я просмотрел турнирные таблицы по миру «Рим-онлайн». Ничего интересного для себя я не нашел. Как и ожидалось, победил Коршун. Он давно шел к этому, выигрывал уже третий регулярный турнир. И ровно столько же я в них не уча-

ствую. Полистал аналитику, тоже ничего интересного. Сплошная толчея воды в ступе. Затем я переключился на общие игровые новости и тут увидел любопытное. В «Темном мире» произошел новый дворцовый переворот. Владыку Харваниэля свергли, и на престол взошла прежняя владычица Лафаниэль. Ай да Катька, ай да молодец. Вот кто бы подумал, что она все-таки отыграет свой престол назад. Жаль, что она среди «охваченных». Таковую бы девчонку к нам в сопротивление, мы бы горы своротили, давно бы до «кукловода» добрались, да глаз ему на мягкое место натянули бы.

Я искренне порадовался за Катьку. Хоть одна хорошая новость с утра.

Покончив с игровыми новостями, я пролистал обычные, но ничего интересного для себя не увидел. Все как всегда. Битва за нефтяной рынок, передел сфер влияния в большом бизнесе, новые отставки в правительстве.

Я слышал шелест. Я давно перестал на него реагировать. Этот тихий, вкрадчивый шелест, который программировал на определенные действия всех, кто носил нейрофон, но только не меня. Я давно научился отстраняться от этого шелеста, низводить его до уровня комариного писка, чтобы потом полностью нейтрализовать. Вот и сейчас я его даже не слышал, хотя он присутствовал.

Я приглушил нейрофон и вернулся к реальности. В тишине доел яичницу, запил ее чаем и уже собирался принять душ перед тем, как отправиться на встречу с командой, как заиграла знакомая мелодия вызова на сотовом. Я год назад поставил основной мотив из «Терминатора» и теперь каждый раз наслаждался.

Трубку я нашел возле кровати, принял вызов и услышал знакомый меланхолический голос Шахматиста.

— Не разбудил?

— Я только что закончил делать зарядку, — с ехидством произнес я.

— В таком случае самое время заняться делом. Я нашел Прапорщика.

Вот так поворот событий. От неожиданности я даже забыл на пару секунд, как дышать.

— Записывай адрес. Он залег на улице Куйбышева, тридцать второй дом, сороковая квартира. Это рядом со старым кинотеатром «Гефест». Трешка принадлежала его покойной жене. Он ее три года назад похоронил. Не спрашивай, откуда знаю. У меня по всему городу нити натянуты, вот одна из них и зазвонила, сообщив мне, где Трофимов залег. Сейчас отправляйся к своим ребятам, бери их и на задержание Прапорщика. Братъ желательно живым. Он должен многое нам объяснить. По выполнении задания доложить мне.

Шахматист разорвал соединение.

ГЛАВА 31

— Прапорщик старый тертый калач. Его так просто не взять, — заявил Боксер.

После легкого ремонта у Лекаря он сиял, словно новенькая коллекционная монета.

— Он, говорят, раньше в спецназе служил, — поделилась слухами Василиса.

— Вранье. Простой прапор где-то в области под Питером. Ничего серьезного. Справимся, командир, — обнадежил Кощей.

Вся команда была в сборе. Сидели в гостиной и обсуждали уничтожение ренегата. Только Петра Евгеньевича не хватало. Я все время оглядывался на дверь, ожидая, что в проеме покажется рыжая голова и предложит сварганить нам чаю.

Максим Рогов вывел перед нами на экран компьютера спутниковые снимки логова Павла Трофимова. Как далеко продвинулись технологии! Теперь не обязательно разведывать территорию на месте, достаточно только включить специальную программу и изучить в деталях место проведения операции.

— Как будем пень выкорчевывать? Какие соображения? — спросил я.

Понятное дело, Трофимов дверь нам не откроет, по крайней мере добровольно. Вероятно, он уже знает, что сопротивленцы ищут ренегата в своих рядах, поэтому держится настороженно. Увидев меня на пороге, он скорее всего предпримет попытку к бегству. Уверен, что на этот случай у него предусмотрены варианты, и тогда мы останемся с дыркой от бублика. Тут надо действовать хитро, только вот как?

Я поделился своими сомнениями с командой. Четверть часа мы обсуждали различные варианты проникновения в квартиру, но ни один из них мне не понравился. Выломать дверь — разве это вариант? Пока мы будем ее крушить, соседи успеют вызвать полицию, а Трофимов сбежит. Прикинуться сотрудниками правоохранительных органов? Тоже не вариант. Прапорщик тертый калач, раскусит нас в мгновение. Проникнуть через окно — третий этаж, не высоко. Но пока мы будем как скалолазы карабкаться по стене, нас срисуют те же соседи, и опять визит полиции.

— Я пойду, — неожиданно предложили Василиса. — Представлюсь соседкой с нижнего этажа. Скажу, что у меня протечка в ванной. Попрошу посмотреть его ванную. Думаю, он не заподозрит ничего и впустит.

— Плохо. Он наверняка знает, кто живет под ним. Так что раскусит тебя сразу же, и тогда мы точно его упустим, — забраковал идею Кощей.

— Но квартира-то не его, а жены. Он и не жил там совсем, — возразила Василиса.

— Да ладно. Такой волк, как Прапор, и не осмотрелся на месте, прежде чем логово себе оборудовать? Не верю, — настаивал Кощей.

А меня эта идея зацепила. Что-то в ней было. Конечно, соседка снизу не пройдет. Трофимов и правда может знать, кто под ним живет. Не обязательно в лицо. Жена могла рассказывать раньше. Может, она с соседями дружила. Такой вариант со счетов сбрасывать нельзя. Но вот не факт, что он знает соседей сверху.

— Рогов, покажи-ка нам этот домик в полный рост, — попросил я.

Большой домик, семь этажей, старый фонд. Раньше там в основном коммуналки были, потом их расселили, люди въехали новые, богатые. Они могут не знать, кто живет у них над головой. Так что этот вариант может сработать. К тому же у нас не было ничего лучше.

— Мне нравится идея Василисы. Только мы ее слегка отредактируем. Ты будешь соседкой с седьмого этажа. Надо придумать хорошую легенду. Что тебе могло от него потребоваться? Думай. Все думайте.

Я пытался представить себе эту сцену, только ничего толкового в голову не шло. Ну, не за спичками же она спустилась с восьмого этажа. В самом-то деле.

— Надо его нахрапом брать. Резко, чтобы он опомниться не успел, — заявил Боксер. — А легенда чем бредовее, тем лучше. Что, если Васька сыграет сцену семейного насилия. Мол, муж с утра пораньше нажрался, как свинья, полез на рожон с кулаками. Она, как смогла, отбилась и бросилась помощи искать. В горячке мобилу дома оставила. И побежала по соседям, чтобы позвонить, вызвать полицию. Вот вам и легенда.

— А не далеко ли она забралась-то с седьмого на третий? — усомнился Кощей.

— Нормально. Как раз пока выскочила, пока слетела вниз, пока очнулась, вот уже и третий этаж. Соседей вокруг никого. Все на работе. Потыркалась по дверям. Пусто и глухо. И наткнулась на Трофимова, — развил тему Боксер. — Сыграть такое сможешь?

— А то как же, — ответила Василиса. — Я просто создана для этой роли.

— Отлично. Прапорщик растеряется. Плачущая девушка в разорванной футболке на грани истерики, просит помощи. Он не сможет отказать. Он просто обязан открыть дверь, — резюмировал Боксер.

— Тогда так и поступим. Выдвигаемся на точку. Василиса, тебе минут сорок на вхождение в образ. Пока до места доедем, ты должна быть готова. Макс, ты остаешься на связи, — распорядился я.

На этот выезд мы экипировались основательно. Помня о неудаче с Кормчим, я приказал взять с собой помимо стандартного набора — ножи да пистолеты —

еще по «Вихрю» каждому. Автоматы в этом деле нам не помешают. Мало ли что пойдет не так. В последнее время это становится распространенным явлением.

На точку мы отправились на двух машинах. В моем «Мерседесе» ехали Василиса и Кощей. Боксер поехал отдельно на своей «Ладе». Мое предложение отправиться вместе на одних колесах отверг категорически. Аргументировал, что вторая машина никогда лишней не будет. Неизвестно еще, как будет развиваться ситуация, быть может, придется разделиться. Я себе не мог представить такой расклад, но спорить не стал.

Улица Куйбышева находилась в историческом центре города, на Петроградской стороне. Я до сих пор не могу понять, почему в городе остались улицы, носящие имена революционных вождей. Заячий остров, Малая Посадская и тут же улица Куйбышева. Сочетание несочетаемого. Но в нашем мире столько странных вещей, что на все удивления не хватит.

До места назначения мы добрались за час. Пришлось ехать через центр. Мы потолкались в пробке на Московском проспекте, потом на Невском, быстро пролетели по Троицкому мосту и, не доезжая мечети, свернули на улицу Куйбышева.

Машины припарковали напротив нужного нам дома, где на первом этаже красовалась вывеска «МОЛОКО». Кто бы мог подумать, что так будет называться салон красоты. Справа от него находилась квадратная арка во двор с черными грязными воротами и открытой калиткой. Слева входная дверь в парадную и рядом на стене синяя табличка с номерами квартир.

Кощей сходил на разведку. Когда вернулся, доложил: — Нам, по всей видимости, во двор.

Мы перешли дорогу и вошли под арку. Василиса держалась от нас в стороне, погруженная в себя. Похоже, и правда в образ входила.

Мне всегда было жалко людей, живущих в историческом центре. Повсюду тебе памятники архитектуры, рестораны и кафе и ни одной достойной игровой площадки, где можно было бы детей выгулять. Все скверы и парковые зоны, если такие имеются, заняты памятниками или платными парковками. В городе переизбыток всех видов транспорта, так что даже для детей места нет. Но этот двор меня приятно удивил. Уютная новая площадка: качели, игровой комплекс, песочница, две скамейки друг напротив друга. С десятков ребятишек мал мала меньше носятся по площадке, катаются с горки и бегают по подвесному мостику. Три мамочки заняли скамейку и о чем-то увлеченно разговаривали. Напротив две старушки греются на солнышке. Идиллическая картинка. Если мы тут устроим стрельбу, двор надолго это запомнит.

Мы нашли нужную парадную. Василиса скинула кожаную куртку на руки Кощей и осталась в заранее разорванной футболке со звездами. Я и Боксер вошли первыми. Мы поднялись на четвертый этаж и заняли позицию. Кощей должен был остаться между вторым и третьим этажом. Как только дверь нужной нам квартиры откроется благодаря чарам Василисы, мы должны были успеть прийти ей на помощь. Трофимов раскусит ее, стоит только двери открыться. Тут я несколько не сомневался. Боксер прав, главное — это напор. Под натиском он сделает ошибку, но тут же попытается ее исправить. Так что какое-то время, хоть и короткое, Василиса окажется на линии огня.

Сыграла девчонка отлично. Очень убедительные слезы и паника. Я даже стал подозревать, что у нее правда был раньше муж, который любил распускать руки. Уж очень натурально, со знанием темы она играла.

Прапорщик купился. Он не мог устоять. У него не было шансов. Заскрежетал открываемый дверной замок. Я бросился по ступенькам вниз. За мной пыхтел Боксер. На ходу я вытащил пистолет из плечевой кобуры.

Дверь распахнулась прямо перед зареванной Василисой. Из квартиры на лестничную площадку шагнул Трофимов, и тут он нас увидел. Матерый волк. Вряд ли в скудном свете он смог меня узнать, но то, что два перепрыгивающих через ступеньку мужика с оружием в руках ничего хорошего ему не сулят, он сообразил сразу же. И стал действовать.

Я понимал, что не успеваю. Видел это. Но все равно рвался вперед. У меня не было другого выхода. Снизу показался Кощей. Я еще успел подумать, почему он так долго. Ведь он страховал Василису. Должен был первым успеть. Потом, когда все закончится, Кощей расскажет, что этажом ниже подвыпившая парочка средних лет собралась на прогулку и, увидев его, вознамерилась устроить допрос, кто он да в какую квартиру направляется. Кощею с трудом удалось от них отделаться, но все равно лицо он засветил. Это факт. Правда, утренние похмелянты могли и не вспомнить его к вечеру.

Прапорщик тем временем выхватил пистолет правой рукой, а левой схватил Василису за плечо и рванул на себя. Одновременно с этим он открыл огонь.

Все происходило слишком быстро. Пуля чиркнула у меня справа над ухом. Вторая шваркнула в стену в паре сантиметров от головы Боксера. Третья клюнула меня в левое плечо. Я даже это сперва не заметил. Боль пришла минутой позже, только мне было не до нее.

Я не мог стрелять. Прапорщик прикрывался Василисой и тащил ее в квартиру. Она упиралась, пыталась вырваться, но он вцепился в нее мертвой хваткой.

Все происходило очень быстро. Еще несколько секунд, и Трофимов окажется внутри квартиры. Дверь захлопнется, а он получит заложницу. Положение хреноее не придумаешь. Но тут Василиса каким-то чудом вывернулась из объятий Прапорщика, завладела его левой рукой, рванула на себя и впечатала ему колено в пах, затем ударила раскрытой ладонью в лицо. Нос хрустнул и съехал на сторону.

Прапорщик согнулся, но пистолет не выронил. Он отступил на шаг в квартиру и собирался уже выстрелить в Василису, когда она впечатала ему ногу в голову. Трофимов дернулся и рухнул на спину, пистолет улетел в сторону.

Я первый подбежал к Василисе. Девочка держалась молодцом. Дрожала как натянутая струна, но не от страха или нервов, а от возбуждения. Кажется, она даже жалела, что все так быстро закончилось. Только вот закончилось ли? Это еще вопрос.

Прапорщик тем временем был уже на ногах. Стойкий оловянный солдатик. Он бросился в глубь квартиры, забыв про пистолет. У него в логове, вероятно, и другое оружие имеется. Я откинул Василису себе за спину и бросился за Трофимовым.

Он встретил меня на пороге гостиной сильным ударом справа. И тут же попытался пробить серию в живот. Я увернулся, но челюсть свело, словно я с вагоном метро поцеловался.

Разорвав дистанцию, я попытался дотянуться до Трофимова. Но Прапорщик с легкостью уклонялся от моих выпадов и отступал в сторону спальни. Я слышал тяжелое дыхание Кощея за моей спиной и грохот шагов Боксера. Все пути отступления были отрезаны. Трофимову некуда деваться. Оставалось только сдать-ся на милость победителя.

Но Прапорщик так не считал. Он бросился в спальню и захлопнул дверь прямо перед моим носом. Я схватился за дверную ручку, потянул ее на себя, и тут раздались выстрелы. От двери полетели щепки во все стороны. Одна из них рассекла мне щеку. Я пригнулся и отпрянул от двери, через которую стрелял Прапорщик. Кощей и Боксер тут же открыли огонь по двери, в надежде, что одна из пуль хоть случайно, но заденет Трофимова. Прапорщик огрызнулся в ответ, так что Кощей вынужден был отпрыгнуть в сторону, чтобы не столкнуться с пулей. Дверь в спальню медленно, но верно превращалась в решето.

В первый раз за все время в сопротивлении я сражался не с «охваченным», а с таким же человеком, как я или Василиса. «Охваченных» можно было понять. В тот момент, как они стали рабами нейрофонов, они потеряли свободу воли, перестали выполнять свои решения и жить по своему разумению, теперь за них все решали невидимые «кукловоды». Но тут свой человек, кому они так долго доверяли, по неясным обстоятельствам продан, стал работать на врага. Как

это понять? Неужели все из-за денег? В это верить не хотелось. Но если не в этом причина, то истина тогда намного неприятнее и гаже.

Играть в эту нелепую игру можно было долго, пока у одной из сторон не кончатся патроны. Но я не хотел терять время. Надо было идти на штурм. И я придумал как. Конечно, это был риск, но куда в нашем деле без него.

По моей команде Боксер и Кощей открыли шквальный огонь. Прапорщику даже головы не поднять от пола, настолько плотно мы его накрыли. Внезапно огонь прекратился, я выбил дверь и нырнул в спальню. Рассчитано было, что Трофимов не успеет воспользоваться затишьем, и я возьму его врасплох. Так и получилось.

Прапорщик как раз поднимался из-за кровати с пистолетом в руке, когда в дверях появился я. Его лицо исказила гримаса злости. Счет пошел на секунды. Либо ты, либо тебя. Он еще только поднимал руку с пистолетом, чтобы убить меня, но я оказался быстрее. «Макаров» два раза кашлянул, и на рубашке Трофимова проступили красные пятна. Он не поверил в то, что произошло. Рванул вперед, чтобы дотянуться до меня, и я выстрелил еще раз, и еще.

Прапорщик остановился, замер на мгновение и рухнул лицом на кровать.

Я убил ренегата.

ГЛАВА 32

В штаб возвращались в молчании. Никто за всю дорогу ни слова не проронил. Я аккуратно вел машину, следил за дорогой, но мыслями был в квартире

Прапорщика. Раз за разом прокручивал всю сцену от начала и до конца. Вот он хватает Василису, вот она вырывается и в квартиру врывается мы, вот я стреляю в Трофимова. Вроде бы все сделано правильно. Вроде все на месте. Только отчего на душе так гадко, не могу понять.

Шахматисту я позвонил, когда мы приехали в контору. Ушел на кухню, заварил себе черный чай и позвонил. Ребята в это время делились впечатлениями в гостиной. Я слышал звонкий голос Рогова, нудный бас Боксера и хрипоту Кощея.

— Все сделано. Мы устранили ренегата, — сказал я, как только трубка отозвалась голосом Шахматиста.

— Я просил взять его живым.

— Он оказал сопротивление. От квартиры остались одни руины, — попытался я оправдаться.

— Благодарю за проделанную работу. Теперь отдыхайте. Готовьтесь к часу «Х». Осталось всего ничего. Вы должны быть в лучшей форме. Я рассчитываю на вас.

— Сделаем все в лучшем виде, — пообещал я.

— Роман, рекомендую вашей команде не покидать контору вплоть до наступления дня операции. Во избежание, так сказать, непредвиденного. В магазин сходить можете. Но только чтобы в сопровождении одного-двух ребят. Мало ли что успел передать Трофимов. Эта операция начинала разрабатываться при его непосредственном участии, но после того как была уничтожена ваша группа, мы отстранили его от разработки. Возможно, именно тогда он заподозрил неладное и стал устранять всех, кто мог так или иначе его выдать.

— Хорошо, так и сделаем. До начала операции мы остаемся на квартире, — ответил я.

— Удачи вам. Конец связи. Следующее общение только после окончания операции «Наковальня». В экстренном случае связь по протоколу «двенадцать».

Шахматист отключился. Я остался в раздразе мыслей и чувств. Делать ничего не хотелось. Водку пить нельзя. А прогонять вновь и вновь план уничтожения нового Кузнеца совсем не улыбалось. Этим мы займемся завтра. Сегодня я был под сильным впечатлением от смерти ренегата. В его устранении не было ничего героического, душа не торжествовала от справедливости. Только серость и грязь какая-то, тоска непроходимая.

Я вышел в гостиную, плюхнулся в кресло и сообщил ребятам, что ближайшие два дня мы проведем в этой конторе все время, практически безотлучно. Спросил Рогова, как там с продуктовыми запасами. Максим ответил, что на двухдневное сидение он не рассчитывал, поэтому в магазин надо бы прогуляться. Я приказал сделать это немедленно и снарядил ему в сопровождение Боксера, который выглядел злым и расстроенным. Я предложил им поход в магазин не откладывать на потом, а сделать все сразу же, но только основательно все просчитать, чтобы не бегать дважды. Лишний раз высунулся — себя подверг риску. Накануне серьезной операции мы не имели права на такую роскошь.

Рогов и Боксер еще некоторое время обсуждали на кухне список продуктов, сверяясь с содержимым холодильника. Вскоре хлопнула входная дверь, и они ушли.

Чтобы отвлечься от дурных мыслей, я включил телевизор. Но ничего интересного не увидел ни на одном из каналов. Сплошные новости, не радующие разнообразием. Тогда я сел за компьютер Рогова и вышел в сеть. Сейчас пользоваться нейрофоном для этих целей я посчитал рискованным. Мало ли, вдруг «кукловоды» опомнились после смерти ренегата и теперь устроят большую зачистку по своим каналам.

Пока было время, я решил заняться «Лоджитеком». «Наковальня» — «Наковальной», только вот я от своей дороги отступать не собирался. Надо разработать это направление, потому что именно за ним будущее. Я открыл официальный сайт компании. На первой странице в верхней шапке находилась фотография небоскреба на площади Конституции, занятого центральным представительством компании. Я много раз видел это здание, квартиру я снимал неподалеку, к тому же наша цель Кузнец торговал нелегальным оружием в общежитии, которое находилось в двух кварталах от «Лоджитека». Мне показалось это совпадение весьма подозрительным. Вряд ли Кузнец отправляет отчеты по продажам прямо в офис «Лоджитека», но с кем-то из них он связан, перед кем-то из них отчитывается. Тут сомнений быть не может. Нам бы попробовать эту ниточку раскрутить, а не устранять ценного свидетеля. Ведь Кормчего убили не просто так, боялись, что он расскажет, кто за всем стоит.

Итак, что я имею на «Лоджитек»? В сущности, ничего серьезного. Я знаю, что эта компания стоит за продажами нейрофонов. Вот, собственно, и все. Но разумно предположить, что компания-поставщик, как минимум знает, где производится продукт и кто его разработал.

Я был уверен, что наши невидимые «кукловоды» либо сидят в «Лоджитеке», либо там можно найти их следы.

Брать штурмом офис компании — глупо. Это нам ничего не даст. Надо искать обходные пути. А лучший способ — это внедрить своего человека в компанию, а там уже через него начать действовать. И тут меня озарило. Я где-то уже видел людей, работавших на «Лоджитек», из числа наших, сопротивленцев.

Я сходил в коридор за рюкзаком, достал из него досье, подготовленные Щегловым, и принялся его пролистывать. Точно. Вот оно. Степан Корнилов, бывший сотрудник компании «О-Кей», после увольнения устроился в компанию «Лоджитек» в охрану. По сути наш человек в логове врага. Погиб в пожаре.

Я решил посмотреть досье дальше. Александр Бурляк, владелец интернет-компании, торгующей гаджетами, отказался работать с нейрофонами. Пару месяцев назад был вынужден продать свой бизнес и устроился в компанию «Лоджитек» в отдел аналитической безопасности. Как только я раньше этого не заметил? Ну, да, мой мозг был занят поиском ренегата, поэтому на эти детали я просто не обращал внимания. Еще один наш человек в логове врага. И снова мертв. Убит в постели вместе со своей девушкой.

И последний мой подозреваемый, оказавшийся искомым предателем, Павел Трофимов, Прапорщик. До кризиса работал в металлопрокатной фирме. Настоящее его место работы неизвестно. Он вообще был скрытным мужиком. Получается, со смертью Корнилова и Бурляка все следы, ведущие в «Лоджитек» оказались стерты с лица земли. Очень удобный расклад. Прапорщик постарался на славу.

Я очень сомневался, что у нас осталось время на внедрение нового агента. Чтобы проникнуть в высшие управляющие круги компании, нам потребуется человек с нейрофоном, других до столь высоких постов не допустят. Кроме меня в сопротивлении больше нет «охваченных». Стало быть, это отпадает. Обычный же человек сможет устроиться разве что в охрану, или программистом, или в низовые обслуживающие звенья. У нас нет возможности ждать, пока он вырастет по карьерной лестнице и получит доступ ко всем тайнам «Лоджитека».

Получается, идея с внедрением накрывается медным тазом и остается только открытый штурм. Но что делать, когда мы окажемся в компании? Мы должны добраться до документации, которая связана с происхождением нейрофонов, а также с каналами распространения и центром управления сетью. Где могут содержаться эти данные? Только на центральном сервере. Остается выяснить, где у «Лоджитека» центральный сервер, проникнуть в контору, подключиться к серверу и скачать эти данные. Всего-то ничего. С тем же успехом я мог планировать штурм Пентагона.

Я сходил на кухню, заварил себе чай. Василиса и Кощей смотрели сериал по телевизору. Там двое американских полицейских гонялись за террористом, устраивавшим взрывы в уличных кафе. Фильм им, видно, нравился, поскольку они не отрываясь глядели в экран и увлеченно обсуждали увиденное.

Пришли Рогов с Зарецким, груженные продуктовыми пакетами. Я тут же озадачил Максима. Он должен был за оставшиеся сутки войти в сеть «Лоджитека», узнать, где находится их центральный сервер, а также

внутреннее расположение помещений. Мы должны были проникнуть внутрь, по возможности бесшумно добраться до сервера и снять все нужные нам данные, после чего так же незаметно покинуть здание компании. Разработку этой операции я поставил в приоритет после операция «Наковальня».

Рогов, конечно, возмутился, что такие дела быстро не делают и к сети «Лоджитека» ему так просто подключиться не удастся. Там такая защита стоит, о которой можно только мечтать, на ее взлом могут уйти годы. «Этим временем мы не располагаем, — отрезал я, — На все про все у нас есть неделя максимум». Рогов выпал в осадок и до конца дня ходил, погруженный в свои мысли. Мне удалось его конкретно озадачить.

Ближе к вечеру я отправил Зарецкого расставить датчики слежения возле парадной и на лестничной площадке. Я не хотел повторения Бухарестской улицы. Василиса тем временем оборудовала нам постельные места. Мне досталась одна комната с Боксером. Рогов должен был спать в гостиной вместе с Кошечем. Вторая спальня отошла Василисе. Когда все было сделано, я со всеми попрощался и отправился спать, предупредив команду, что завтра займемся детальной проработкой плана уничтожения Кузнеца.

ГЛАВА 33

День не заладился с утра. Надо было оглянуться и принять это как предупреждение. Только я не имел права отступать. Подумаешь, утром разбился кофейник и мы остались без кофе. Потом не завелась моя машина, и Зарецкий проторчал под капотом лиш-

них пятнадцать минут, после чего признал свое поражение и мы решили ехать на его колесах. Да еще к тому же Максим Рогов поставил ультиматум, что на этот раз он идет с нами. Поскольку все члены группы должны в ней участвовать. Он может посидеть за рулем в ожидании нашего отступления. Если потребуется экстренная эвакуация, машина под парами будет очень в тему. И вообще ему надоело, что его постоянно оставляют в конторе следить за компьютерами.

«Лада» Боксера оказалась тесновата для нашей компании, а сидеть приходилось при полном железе. Кошей на переднем сиденье рядом с Боксером, я, Василиса и Рогов на заднем. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

Накануне мы подробно разобрали план проникновения в общежитие. Рогов вывел на большой экран схему здания, и мы детально проработали прохождение. В теории все получалось легко и слаженно, но на практике все могло пойти не так, поэтому и требовалось максимально отработать шаги, постараться предусмотреть любой поворот событий. Я раз за разом прогонял всю операцию, проговаривая последовательность действий, и, когда Кузнец оказывался убит, мы возвращались назад к проходной и начинали все сначала, пока нас не начало тошнить от этого.

Утро выдалось прохладное, затянутое грозowymi тучами. Типичное сентябрьское утро в Питере. Зарецкий уверенно гнал машину из Купчино к Московскому проспекту. Я смотрел в окно на проплывающие серые многоэтажки, где жили обычные люди, готовились к последнему рабочему дню и долгожданному вечеру пятницы, не подозревая о том, что творилось

у них под самым носом. Не ведая о проклятом губительном действии нейрофонов, о том, как хорошие люди превращаются в «куклы» и становятся машинами для убийств, о неведомых зловещих «кукловодах» с таинственными целями. Они мирно жили в своих домашних райках, и многие из них были инфицированы нейрофонами. Не ведая, они были вовлечены в эту страшную игру за наш привычный мир. И мы были в этом муравейнике чужаками, которые тайно проникли с целью уничтожить его. Если же нас заметят, то схарчат, не задумываясь, в считанные секунды.

Если бы «кукловоды» знали, что мы вот тут, едем по проспекту с миссией уничтожения, то бросили бы на нас всех «кукол», всю эту невиданную мощь, и раздавили бы нас, даже не заметив, как это произошло. Но на то мы и партизаны, на то и сопротивленцы, что «кукловоды» могут знать об одной группе и уничтожить ее, но они не знают обо всех, поэтому мы им пока не по зубам. И мы должны выжать по максимуму из этой ситуации.

Общежитие на Варшавской улице в это время было пустынно. Только одинокий сторож на проходной, которому, похоже, все нипочем, разгадывает кроссворд. Безлюдность здания вполне понятна. Студенты все разъехались по лекциям и приедут строго после обеда, часам к четырем. Операция назначена на два часа, так что у нас еще была пара часов в запасе, чтобы осмотреться на месте.

Кощей сходил на проходную, побеседовал со старичком. Звали его Сергей Петрович Голубев, раньше он работал учителем труда в школе, вот уже семь лет как вышел на пенсию, подрабатывал здесь и еще на

одной точке посменно. Хорошая получалась прибавка к пенсии. Голубева нисколько не удивил тот факт, что пришел какой-то посторонний мужик, подозрительный, да стал расспрашивать обо всем, что связано с общагой. Правда, Кошей сказал, что дочка у него в следующем году поступает, собирается в общагу переехать, вот он и интересуется чисто с практической точки зрения, что тут да как. Не опасно ли девочку его единственную отпускать в чужое место. Голубев поспешил его успокоить, что, мол, разное, конечно, бывает, и пьянки, и гулянки, но если человек хороший и спокойный, да на учебу настроенный, то его никто трогать не будет.

Кошей вернулся и доложил, что старик Голубев через центральную проходную их, конечно, не пропустит, так что придется воспользоваться пожарным ходом, который, если верить плану Шахматиста, был открыт. Старик Голубев из «неохваченных» и к этим новомодным штучкам любви не питает. Так что если случится шухер, то он точно вызовет полицию, а не подмогу в виде новых «кукол».

Я в сопровождении Василисы прошелся вдоль Варшавской, осматривая здание общежития и подходы со всех сторон. По дороге мы мило болтали о последних посмотренных кино, прослушанных новых альбомах рок-музыки. Вкусы наши во многом совпадали, но чувствовалась разница в возрасте. Половину музыкальных коллективов, что она называла, я не слышал даже в названии.

Вернувшись к машине, мы еще полчаса обсуждали классический рок, делились впечатлениями о любимых песнях и исполнителях.

Без пяти минут два планшет разразился сиреной, которую разве что глухой бы не услышал. Иконка с мультяшным изображением инопланетянина развернулась, и показалась красная тревожная кнопка. Час «икс» пробил. Мы выбрались из машины, перешли группой дорогу и направились к общежитию. Уже тут, на первых шагах операция пошла не по плану. Старик-сторож вышел на крыльцо покурить и тотчас нас заметил. Кощей сказал, что сейчас все уладит, и направился к нему. Голубев шел к нам навстречу. Ему явно не понравилось появление подозрительной группы людей, которая направлялась куда-то за здание, куда им вход был запрещен без его авторитетного мнения.

Кощей подошел к Голубеву и заговорил с ним. Он так увлеченно размахивал руками, обволакивая словами старика, что через минуту Голубев уже забыл о нас, позволил себя увлечь в сторону проходной. Не знаю уж, о чем они там разговаривали, но у Кощей явный талант замечать следы.

Пожарный вход, неприметная железная дверь красного цвета, раскрошившиеся бетонные ступеньки, сквозь которые проросла жухлая желтая трава. Зарецкий дернул дверь. Как и ожидалось, она была открыта. Первым вошел я, за мной Василиса, замыкал группу Боксер. Кощей мы ждать не стали. Пусть поступает по ситуации, либо догонит, либо будет прикрывать отступление, забалтывая старика.

Третий этаж, комната 312. Иван Исеев, Кузнец, наша цель. Подняться, убить и отступить из здания, не привлекая лишнего внимания. Что может быть проще? Это если не брать во внимание его многочис-

ленную свиту. Поднимаясь по черной лестнице, я перетасовывал в голове портреты его ближнего круга. Вчера вечером на всякий случай я грузанул их в память нейрофона. Сейчас он был запущен, но работал в фоновом режиме. Надо сказать, фон здесь был грязный. Отовсюду слышался навязчивый шепот, принуждавший к чему-то мерзкому, требующий исполнить чужой приказ. Я не слышал подробности и не мог их слышать. Стоит мне разобраться, что к чему, как я тут же попаду под влияние нейрофона, но фоновый шелест говорил о многом. В этом здании «охваченных» очень много, несмотря на учебное время.

Лестница была прокурена насквозь, студентам лень бегать на улицу каждый раз, когда хочется подымить, а в комнатах курить запрещено, вот они и спасались на пожарной лестнице, а администрация закрывала на это глаза. То тут, то там попадались пустые бутылки из-под пива и водки, развернутые презервативы и даже иногда шприцы. Хорошо молодежь отрывается, с душой и надрывом, нечего сказать. На втором этаже возле стены на ступеньках сидел парень в джинсовой куртке. Голову он положил на руки, которые лежали на коленках. Я остановился. Не хотелось поднимать шум раньше времени. Парнишка был из «охваченных», об этом красноречиво говорил заляпанный нейрофон в его ухе с полустертым смайликом. Но, похоже, мальчишка был в полном отрубе, студенческая жизнь его сильно укачала.

Я прошел мимо него. Парень даже не пошевелился. Остальные члены команды миновали его без проблем. Дверь на третьем этаже была раскрашена граффити. Один рисунок меня привлек — ручная граната.

Он был выполнен с таким знанием дела, что чувствовалось, что художнику доводилось держать эту штуку в руках. Вероятно, таким нехитрым способом «охваченные» пометили этаж, где работал оружейник, или это была его вывеска. Но мне она не понравилась, насторожила меня, и я вытащил из-под плаща «Вихрь».

Открыв дверь, я первым бесшумно скользнул в коридор. Василиса и Кощей последовали за мной. Видя мою предосторожность, они тоже достали оружие. Теперь надо добраться до нужного нам помещения, произвести зачистку и удалиться. Стрелять я не собирался, для устранения Кузнеца достаточно и ножа, но стрелять все-таки пришлось.

Нас уже ждали. Я это понял, как только переступил порог комнаты 312. Никакого Кузнеца здесь не было. Я четко помнил портрет Ивана Исева, эту отталкивающую внешность бандита с большой дороги трудно было с кем-то спутать. В комнате стоял большой рабочий стол, в кресле за ним сидел светловолосый мужик средних лет с карими глазами и кривым носом. Я знал его. Это Дмитрий Гордеев, Дуплет, один из людей Кузнеца. Рядом с ним замерли в боевом напряжении четверо «охваченных», с виду громилы из частной охранной конторы, что пасла меня в последние дни.

Все эти мысли промелькнули в моей голове за считанные секунды, что прошли с того момента, как я открыл дверь и застыл на пороге комнаты. Я успел увидеть «макаров» в руках Дуплета и затем услышал выстрелы. Две пули четко легли мне в грудь. Дыхание перехватило, в глазах потемнело, и я вывалился за дверь, чем, вероятно, спас жизнь Боксеру и Василисе.

Они так и не успели нарваться на засаду, оставаясь в коридоре. На ногах я устоял, было чертовски больно, и если бы не броник, что я надел на операцию, то сейчас я бы уже садился на прямой экспресс на тот свет, а так отделался сломанным ребром, может, и не одним. Хорошо, что мне удалось заставить надеть броники остальных, теперь они видели их пользу на деле, а как спорили в начале!

Скрючившись возле стены, я силился унять боль и наблюдал, как из комнаты появились первые «охваченные», вооруженные автоматами Калашникова. Несмотря на пожар во внутренностях, я все же нашел в себе силы, чтобы открыть огонь. «Вихрь» в моих руках заговорил, выплевывая пулю за пулей. Первую «куклу» буквально размазало по стене. Вторую отбросило назад в комнату. Третью прикончила Василиса. Четвертая с дыркой во лбу осталась валяться в коридоре, это было дело рук Боксера.

— Это подстава. Уходим. Здесь нет Кузнеца, — выкашлял я слова, когда смог восстановить дыхание.

Но ребята это понимали уже и так.

В коридоре вдруг стало не продохнуть от «охваченных». Двери со всех сторон коридора распахнулись, и на нас хлынула грязевая лавина «кукол». Они были вооружены клинками и пистолетами. Завертелось.

Когда все закончилось, я помнил этот бой, как набор разрозненных фрагментов, словно режиссер киноленты вырезал кадры, оставив только самые важные. Вот я стреляю из «Вихря», и двое «кукол» самого решительного вида падают изрешеченные на бетонный пол. Вот на меня летит озверевший мужик с намерением разорвать голыми руками, я стреляю

ему в лицо. Глаза как нет, но это его не останавливает, и только выстрел в голову отправляет его на тот свет. Следующий кадр: я вижу, как Василиса мечется из стороны в сторону, отражая мечом удары и нанося свои. Вокруг нее уже растет гора искалеченных «кукол» с отрубленными кистями рук, посеченными ногами, с изуродованными лицами. Я вижу, как Боксер расстреливает последнюю обойму, откидывает в сторону ненужный «Вихрь», выхватывает меч и бросается в бой. В моем автомате кончаются патроны. Я тоже выхватываю меч из-за спины. В одной руке клинок, в другой пистолет. Слышу позади шаги, разворачиваюсь и стреляю в лицо подбегающей женщине с крысиным хвостиком и видом провинциального библиотекаря. Следующий кадр: я отвожу чужой удар клинка в сторону, подныриваю под него и стреляю два раза в упор. Помню четкую мысль: надо вернуться в кабинет, вдруг Кузнец все-таки там. И я бросаюсь к дверям. Следующий кадр: я вижу Дуплета. Он все так же сидит за столом, но теперь смотрит вглубь себя. Благодаря нейрофону он видит весь бой, словно сам принимает в нем участие. Моего появления он явно не ждал, и когда я хладнокровно расстреливаю его, Дуплет продолжает улыбаться, радуясь удачной ловушке, в которой мы оказались. Новый кадр: я в коридоре. «Кукол» слишком много. Нам не справиться. Удивительно, что мы все еще живы. Отделались только легкими ранами. У Василисы разорвана щека, левая штанина пропиталась кровью. У Боксера левая рука в крови. Я вижу массивного мужика с огромными руками. Он бежит ко мне. В его руках клинок. Я узнаю его. Это Борис Никонов по прозвищу Паспар-

ту. Один из подручных Кузнеца. Я бью его в лицо мечом. И снова бью. Он пропускает и падает мертвый. Кровь повсюду. Следующий кадр: я вижу того спящего парня в джинсе, что мы встретили на лестнице, он целится в меня. Я успеваю первым. Его голова взрывается. И снова провал, и я вижу, как мы бежим, перепрыгивая через ступеньки, по главной лестнице общежития. По пути нам попадаются «охваченные». Мы убиваем их. Вот и первый этаж. Новый кадр: я вижу мертвого Кощея, он лежит у стены с дыркой в голове, и вид у него такой потерянный. Рядом лежит старик Голубев, охранник общаги, и Ванька Конвейер.

Мы все-таки спаслись. Перебежав дорогу, я ворвался в машину как ураган, чуть дверь не выломал. Максим Рогов сидел испуганный на водительском кресле. Он все понял без слов. Мотор взревел, и мы отчалили от поребрика. На удивление нас никто не преследовал. Василису трясло, как в лихорадке, зубы выбивали барабанную дробь. Она видела мертвого Кощея. Она уже знает, кого потеряла.

— Гладиатор, куда? — крикнул Рогов.

— Покружи по району, а затем к площади Конституции.

Я назвал точный адрес моего логова. В контору нам сейчас соваться было нельзя. Люди Кузнеца нас ждали, стало быть, это была ловушка, в которую нас четко привели. Но как же так, ренегат же убит?! Прапорщик мертв. Стало быть, либо ренегатов несколько, либо я промахнулся, казнив Трофимова. Об этом надо было подумать, но сначала я должен узнать, как дела у других командиров, что с операцией «Наковальня»

ГЛАВА 34

Операция «Наковальня» провалилась с треском. Никакого Кузнеца в общежитии не было, да и откуда ему там было взяться? Для нас расставили ловушку и аккуратно завели в нее. То, что мы вырвались, было настоящим чудом. Я до сих пор не мог поверить в это. Но это мы, а что там у других ребят?

Я пробовал связаться с командирами, но их телефоны молчали. Андрей Кожухов, Семен Карпов, Миша Пospelов, Армен Айвазян, Леша Бреславец по прозвищу Боцман, Рустам Бови, Светлана Огонек, Барабан — все молчали. Неужели их уже нет? Верить в это не хотелось. Я попробовал выйти по протоколу «двенадцать»: секретный телефонный номер, на котором сидело подставное лицо, ни о чем не знающее и даже не подозревающее. Этаким попка-дурачок, в чью задачу входило передавать данные. Мне ответил молодой голос. Я продиктовал сообщение и оставил номер, по которому надо перезвонить. Мужчина пообещал все сделать в лучшем виде, но, судя по обреченным ноткам в голосе, надежды призрачные.

Меня трясло от нервов и злости. Адреналин зашкаливал. И главное, я не понимал, как быть дальше. Кто-то гениальный играл против нас. Он придумал схему, по которой смог накрыть всю повстанческую организацию разом. Я должен был что-то делать, как-то предупредить ребят. Только вот руки у меня связаны. Я не могу никого предупредить. Это не в моих силах. Хотя есть вариант. Очень крохотный шанс, можно сказать, последний.

Я набрал номер майора Щеглова. Первое время в трубке раздавались длинные гудки, и когда я уже вконец отчаялся, раздался усталый знакомый голос:

— На проводах.

— Дмитрич, у нас полная засада. Операция провалена. Есть основание полагать, что это была ловушка. Нас завели в нее, как баранов на заклание, — выпалил я.

— Что ты такое говоришь? — переспросил Щеглов.

Майор хоть и присутствовал на большом совете сопротивления, но непосредственного участия в операции «Наковальня» не принимал. По старой дружбе Шахматист пригласил его на совещание. К тому же, мало ли, в экстренной ситуации потребуется помощь Щеглова. И вот ситуация наступила. Я коротко пересказал майору события сегодняшнего дня со всеми подробностями. По крайней мере то, что помнил. Он выслушал меня не перебивая, после чего сказал:

— Не стоит делать поспешные выводы. Я попробую прозвонить ребят по своим каналам. Может, это у тебя такая черная полоса по жизни. Пока же заползи со своими ребятами под какое-нибудь бревно и не высывайся.

— Хорошо. Я попробую позвонить Шахматисту. Я уже звонил. У него трубка не работает. Но я еще попробую.

— Я сказал, сиди тихо и не высывайся. Как только я узнаю, что к чему, я тебе отзвонюсь.

Пришлось пообещать не дергаться без команды Щеглова. Только вот на душе у меня было беспокойно. Чувствовал я, что это не моя личная черная полоса, а грамотно разыгранная шахматная комбинация,

в которой мы оказались на грани поражения. Быть может, еще не все потеряно, если не для сопротивления, то для сопротивления.

— Макс, скажи, что тебе удалось нарыть на «Лоджитек»? — неожиданно для всех спросил я.

Мы въехали во двор моей съемной квартиры на площади Конституции. Машинами были заставлены все свободные места, только рядом с переполненной помойкой был пустой пятачок. Рогов втиснулся на него, заглушил мотор и повернулся ко мне. На бледном мертвом лице лихорадочно горели глаза фанатика.

— Я проник в их систему. Там все сложно, но мне удалось узнать, что основной сервер находится на сороковом этаже. Практически под самой крышей.

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы вскрыть его и скачать нужные нам данные?

— Гладиатор, ты свихнулся? Мы только что из пекла, и ты хочешь снова в пекло нырнуть? — возмутился Зарецкий.

— Я хочу, чтобы сегодняшние жертвы не были напрасны, — огрызнулся я.

Боксер хотел было сказать что-то еще, но смолчал.

— Так все же, сколько тебе нужно времени?

— Это тебе никто не скажет. Может, час, может, пять минут, а может, несколько дней. Все зависит от того, как быстро я найду нужную мне область. Я уже предварительно осмотрелся, но все равно вопрос сложный, — уклончиво ответил Рогов.

— Макс, это не праздное любопытство. Я хочу попробовать ломануть «Лоджитек» сейчас, пока все заняты на ликвидации «Наковальни», — сказал я. —

Быть может, удача нам улыбнется и мы найдем способ отключить нейрофоны. Сколько народу сразу тогда спасем.

— Если ты прав в своих подозрениях и «кукловоды» сидят в «Лоджитеке», то там от «охваченных» будет не продохнуть. А нас всего четверо, из которых один совсем мальчишка. А другая — одуревшая от горя девушка, которая только что потеряла своего близкого друга. Какие у нас шансы? Мизерные, — резко отозвался Боксер.

— Если я прав, то сейчас все силы «кукловодов» брошены на выжигание сопротивления, и база ослаблена, оставлена без должной охраны. Поэтому у нас появился шанс проникнуть в башню, которого в другое время нам, быть может, и не представится. Мы можем все проверить бескровно. Относительно, конечно.

— Мне это все не нравится, черт побери! Не нравится. Но я согласен с Гладиатором, мы должны попробовать. По замыслу этих уродов, мы все должны были лечь там, в общежитии, так что, быть может, это и правда наш шанс, — сказал Зарецкий.

Было видно, что это решение далось ему с трудом.

— Быть может, я и убита горем, но от этого еще больше хочу крови, — неожиданно подала голос Василиса. — Мы должны попробовать, хотя бы во имя памяти Кощея.

— Есть возможность войти «Лоджитек», не привлекая внимания? — спросил я у Рогова.

— В принципе, это обычное офисное здание, заполненное разными службами и служащими. Если мы прикинемся одними из них, то не вижу проблем.

— А как мы пройдем через охрану, ты об этом подумал? — возразил Боксер.

— Тогда мы не будем прикидываться служащими, мы выдадим себя за посетителей. Большая часть здания сдается арендаторам. Разные крупные и мелкие компании имеют там офисы. Мы прикинемся клиентами одной из таких контор и войдем в здание. Мало ли кто по каким делам приехал в одно из многочисленных ООО, а уж когда мы окажемся на месте, там легче будет сориентироваться. Только я с вами пойду. Я на расстоянии в данном случае не смогу работать, — твердо заявил Рогов. — Инструмент у меня с собой.

Я ничего не мог ему возразить, да и не хотел.

— Хорошо.

— Только в таком виде дальше холла первого этажа мы не уйдем, — заявила Василиса. — Вы, ребята, взгляните как оборванцы в лучшем случае. Да и морды у вас битые, все в шрамах да крови.

— И что ты предлагаешь? — спросил я.

— Перекраситься. Мы должны выглядеть как они. Для этого надо заглянуть в магазин и приодеться.

— Пока наших друзей на куски кромсают, мы шопингом займемся, — проворчал Зарецкий.

Ему эта идея не нравилась, но он чувствовал, что Василиса права.

— По крайней мере, тебе и Гладиатору обновить гардероб не мешает. Макс всю дорогу в машине просидел, а у меня все в полном порядке.

— Хорошо, раз ты так считаешь, тогда приказывай. Куда едем за покупками? — распорядился я.

— Тут неподалеку торговый центр есть, «Французский бульвар». Там мы купим вам по костюму, чтобы все было по высшему разряду.

Я поморщился, словно мне предложили съесть на завтрак недоваренную холодную манную кашу с комками.

— Не переживай. Никто не заставляет тебя ходить в костюме постоянно. Но вот сейчас ни один «кукловод» не ожидает вашего появления на сцене, к тому же в таком виде, — Василиса заговорщицки подмигнула.

Рогов завел мотор и вырулил со двора.

В последний раз я надевал костюм на выпускной вечер в школе. К тому же он был с чужого плеча. Достался от какого-то дальнего родственника. Родители посчитали, что ради одного выхода в свет тратиться не стоит, и торжественно вручили мне это чудо массового пошива коричневого цвета. С тех пор я на дух не переносил весь этот официоз.

За покупками ходила Василиса и Рогов, ввиду того, что мы с Боксером выглядели как бандиты с большой дороги. Одежду они купили для нас на глаз: пиджак с брюками и пальто для каждого. Вычистили одну из банковских карточек подчистую.

Костюм на мне сидел как на вешалке. Брюки длинные, пришлось подворачивать. Галстук как удавка. Пальто скрыло все недостатки. У Боксера та же песня. Только пиджак немного узок, да брюки чуть коротки. Но на первый взгляд незаметно, а на охране никто приглядываться не станет. Мы удачно попадали в волну офисных клерков, большего от нас и не требовалось.

Мы уже ехали назад к площади Конституции, когда позвонил майор Щеглов. Голос у него дрожал от нервного возбуждения.

— Рома, ты где?

— Пытаюсь найти безопасное дно, — соврал я.

— Ты был прав. Это ловушка. Всех, кто сегодня вышел на операцию, покروшили. Точных данных я не знаю. Мне удалось поговорить с Пospelовым, да я дозвонился до Бoцмана. Они вырвались. В целом все так же, как и у тебя. Их ждали на месте. Шахматист молчит, как сквозь землю провалился. И да, есть точные данные, что полностью уничтожена группа Барабана. Он сам погиб.

Это было ожидаемо. Я тотчас вспомнил, что хотел предупредить Шахматиста о Барабане, да запутался с головой в своем расследовании, а вот теперь ничего уже нельзя исправить.

— По городу творится полный ужас. Вся полиция поставлена на уши. Одновременно более чем в двадцати точках начались практически боевые действия. Гражданское население в ужасе.

— Ты понимаешь, что кто-то очень умный одним ударом уничтожил только что зародившееся сопротивление. Нашей организации больше нет. И пока мы зализем раны, соберемся вновь, время будет упущено. Мы ничего не сможем сделать против нейрофонов. И не найдем «кукловодов». Все. Это конец. Если сейчас ничего не предпринять.

— Ты к чему это, Гладиятор? — насторожился майор Щеглов.

— Я собираюсь проникнуть в «Лоджитек» и вывести этих тварей на чистую воду. Если мне повезет,

я найду способ отключить нейрофоны. Должна быть единая передающая станция. Если же нет, то хотя бы узнаю, кто стоит за всем этим. Что представляют собой эти гребаные «кукловоды».

— Ты сбрендил, Ромка. Ты окончательно крышей поехал. Вчетвером против всей махины.

— У нас есть преимущество. Они нас не ждут. Они уверены, что с нами покончено, — заявил я.

— Так. Одним вам соваться нельзя. Я попробую подтянуть Пospelова да Боцмана, может, кто еще из выживших придет на помощь, — стал соображать Щеглов.

— Дмитрич, ты, главное, не суетись. Помни, что ренегат все еще где-то среди нас. Мне не хватило мозгов его вычислить, хотя теперь я, кажется, знаю, кто он. Но уже поздно. Дай нам фору в полчаса, а потом подтягивайся с ребятами к парадному входу и ждите сигнала. Без него ничего не предпринимать, — распорядился я.

— И что это будет за сигнал? — уточнил Щеглов.

— О! Вы его точно узнаете, — заверил я, хотя на тот момент и сам толком не знал, как он будет выглядеть и сможем ли мы его подать.

Для меня главное, чтобы не мешали, не лезли под ноги. Я не рассчитывал ни на людей Пospelова, ни на бойцов Боцмана. Справлялся до этого момента сам, вот и сейчас справлюсь. Но подстраховаться не мешает.

Я попрощался с майором Щегловым.

В это время Максим Рогов парковался напротив центрального входа в бизнес-центр «Лоджитек».

ГЛАВА 35

Приемный холл поражал своими масштабами. Большое количество пустого пространства, три одиноких диванчика темно-зеленого цвета, автомат с напитками и закусками, разноцветная грядка терминалов различных банков, возле которых толпились служащие, желающие снять наличные, и стойка охраны, на которой скучали двое охранников в синей форме с нашивками ЧОП «Барс».

Мы выглядели как дельцы, явившиеся на важные переговоры, как владельцы крупной компании, пришедшие заключить сделку года. Но это обманчивое впечатление. Стоило копнуть глубже, присмотреться повнимательнее, и вся наша маскировка трещала по швам и слезала, как выгоревшая на солнце краска. Разве респектабельный деловой человек станет надевать пиджак, который смотрится на нем как парашют на корове, или подворачивать чересчур длинные штанины. Другой же делец, с лица обыкновенный бандит, отчего-то сутулится и жметя, словно влез в форму старшеклассника. Все это выглядело подозрительно. Только вот охранникам на посту было плевать. Они не обращали ни на что внимания, погруженные в искусственные нейронные миры.

Седой мужик с густыми рыжими от табака усами поинтересовался, куда мы направляемся. Получил ответ: «В страховую компанию «Парус», и на этом успокоился. Охранники окинули нас быстрым взглядом. Не знаю уж, что при этом они видели: высокомерных эльфов, древних греков в хитонах или благородных рыцарей в ржавых доспехах. Один из них записал

наши паспортные данные в журнал регистрации и пропустил через вращающийся турникет.

Вот Василиса их внимание явно привлекла. Один из охранников, слащавый мальчик с блестящими от лака волосами и дорогими наручными часами, попробовал флиртануть, но тут же был умело поставлен на место ледяным взглядом снежной королевы.

Пока что все шло по плану. Мы беспрепятственно вошли на объект. Теперь надо подняться на сороковой этаж, помочь проникнуть Максу Рогову с его чемоданчиком хакера в серверную и обеспечить ему нормальную безопасную работу. Что, вероятнее всего, будет сделать не так уж просто. Я сомневался, что наше проникновение останется незамеченным. Оставалось только надеяться, что «Лоджитек» вычислит нас не сразу. Я очень рассчитывал на четверть часа форы, но никто не может предсказать, каким местом повернется к нам реальность.

Возле лифтовой площадки толпились люди. Девушки с бумажными кофейными стаканчиками, бородастые мужчины в пиджаках и кофтах. Некоторые дымили электронными трубками, отчего все пространство вокруг время от времени заполнялось ароматными белыми облаками. Некоторые ядовито морщились и отмахивались от казавшегося им вонючим дыма. Разбившиеся на группы люди увлеченно обсуждали рабочие вопросы, делились свежими игровыми впечатлениями, пересказывали друг другу новости из сети.

Когда пришел лифт, толпа всосалась в кабину. Мы зашли последними, о чем тут же пожалели. Лифт останавливался на каждом этаже. Люди с веселыми шуточками проталкивались наружу, отчего создава-

лась давка, в которой больше всех доставалось нам, стоящим у выхода. К сороковому этажу в кабине никого кроме нас не осталось.

Я расстегнул пиджак, так чтобы при необходимости был легко достать пистолет или дотянуться до меча, который был спрятан на спине. Я не верил в то, что у нас все выйдет легко и безобидно. Последние события показали, что на любой наш довод у противника находится свой аргумент. Заметив мои приготовления, Зарецкий тоже подготовился к неожиданностям. Тесный в плечах пиджак он не застегивал, поэтому пистолет нес в кармане, как носовой платок, а короткий меч он прятал в кожаной сумке с расстегнутой молнией, чтобы было удобно достать оружие в случае необходимости.

Лифт известил звоночком о прибытии на сороковой этаж. Двери раскрылись, и мы вышли в пустой коридор с оливкового цвета стенами. Я пропустил вперед Рогова. Он точно знает, куда нам идти. Макс резво зашагал вперед, внимательно разглядывая встречающиеся двери. На каждой висела табличка с набором цифр и букв на латыни. Для меня полная абракадабра, но Рогов, похоже, понимал, что за этим стоит, потому что раз за разом он вчитывался в символы на табличке, качал головой и шел дальше. Ему требовалась конкретная дверь к конкретному серверу.

Наконец он остановился возле черной металлической двери и довольно улыбнулся. Справа висела коробочка с кнопками и дисплеем, цифровой замок, но Макса это не огорчило. Он облизнулся, словно кот на сметану, достал из чемоданчика какой-то прибор, приставил к замку и принялся увлеченно колдовать.

Я отвернулся. Каждый должен заниматься своим делом. Мое — обеспечивать прикрытие, вот я и занялся коридором. Этот этаж редко посещали, только когда что-то выходило из строя, но по закону подлости сегодня здесь могло стать душно, как на Невском в час пик.

Наконец, Рогову удалось открыть дверь. Он радостно причмокнул губами, убрал свой прибор и вошел в серверную. Мы втянулись вслед за ним. Не стоит просто так в коридоре отсвечивать. Мы оказались в помещении, заставленном железными шкафами с разноцветными перемигивающимися лампочками.

Рогов быстро сориентировался на месте. Нашел нужный ему шкаф и открыл его. Внутри оказались ровные ряды компьютерных пластин, расположенных друг над другом, дисплей стандартного размера и клавиатура. Макс активировал дисплей, показался черный экран с ровными рядами букв и цифр. Он поставил на пол свой чемоданчик, раскрыл его и принялся оттуда доставать какие-то приспособления. Последним на свет появился маленький ноутбук. Рогов сел прямо на пол, сложил ноги по-турецки и приступил к работе. Тут ему мы ничем помочь не могли.

Я вернулся к дверям. Зарецкий расхаживал по предбаннику серверной с каменным лицом. Боксер человек действия, просто ждать ему тяжело. Только чувствовал я, что это временный простой, скоро у нас появится работа. Василиса молча стояла, разглядывая стенку перед собой, мыслями она была далеко отсюда. Пока все было тихо и мирно, только вот надолго ли.

Я отправил Василису приглядеть за Роговым. Она должна была наблюдать за его работой, чтобы контролировать время. Мы не могли здесь застрять наве-

ки, знаю я этих программеров, как увлекутся, забывают о дне и ночи, за уши от интересной проблемы не оттащишь. Я активировал нейрофон. Пока Василиса следит за Роговым, я послежу за нашим противником. Тут же меня накрыла волна шелеста. Он был повсюду, проникал отовсюду. Казалось, в мире нет ничего, кроме этого вездесущего шелеста. Я находился в самом центре осинового улья, и никуда не спрятаться, не скрыться от монотонного гудения ос. Я включил телевизор и вывел его в отдельном окошке, повисшем в верхнем левом углу зрения. На нем отражались мы в комнате. Теперь, если «кукловоды» узнают о нашем существовании, мы будем предупреждены.

И потекли тягучие минуты. Одна за другой. Я стоял неподвижно. Словно натянутая тетива, я готов был выстрелить в любую секунду. Зарецкий нервничал. Он ходил к Василисе узнать, скоро там мальчишка закончит, потом возвращался ко мне, чтобы через несколько минут повторить весь маршрут.

Мы были в двух шагах от конечной цели нашего путешествия. Последняя дверь, за которой мы увидим разгадку эпидемии нейрофонов, узнаем, кто такие таинственные «кукловоды», или обнаружим еще одну дверь, ведущую в никуда. Все может быть. Мы ни от чего не застрахованы. Но я хотел верить в успех, иначе все было напрасно. Все наши потери, все наши жертвы, принесенные на алтарь борьбы.

Рогов также должен был скачать данные по центрам продажи нейрофонов, установить, есть ли единый центр управления нейрофонами, и если он есть, то где находится, как туда проникнуть и вывести сеть из строя. Вот задачи номер два и три.

Пока «охваченные» добивают последние очаги сопротивления, мы готовим контрудар, от которого зависит исход всей битвы. Понятно поэтому нетерпение Зарецкого, только его брожение из стороны в сторону утомляло похуже самого ожидания.

Василиса доложила, что Макс нашел необходимые документы и начал закачку. Надо потерпеть минут пятнадцать — двадцать, и можно будет уходить. Новости хорошие. Казалось, что такое пятнадцать минут в обычное время, незаметный пустяк, одна кружка чая с бутербродом, газетная статья в метро, а сейчас для нас целая вечность, в течение которой может произойти все что угодно.

Я стоял и ждал, внутренне готовясь к неприятностям, и они нас нашли.

«Кукловоды» нас вычислили. Чужаки нарушили периметр безопасности и проникли в самое сердце их империи. Сеть всколыхнулась от возмущения. Шепот в голове усилился. Я почувствовал нарастание напряжения.

— Приготовились, — скомандовал я.

Зарецкий бросил на меня тревожный взгляд. Он все прочитал в моих глазах и тут же успокоился. Боксер снял пиджак, сковывающий его движения, достал из кожаной сумки меч, вытащил пистолет и приготовился к бою. Я тоже избавился от пиджака и вооружился.

На экране тепловизора появились несколько красных точек. Они двигались от лифтовой площадки в нашу сторону. «Кукловоды» бросили солдат в игру, словно пешек на шахматной доске подвинули. Они уверенно приближались к нам, словно знали, за какой дверью мы находимся. Это неудивительно. Если

бы «кукловоды» могли, они бы отключили серверы, да запустили ядовитый газ в помещения, чтобы мы передохли как тараканы. Но остановка серверов повлечет за собой прекращение работы предприятия, а это многомиллионные убытки. Они решили, что так будет сделать проще и дешевле.

«Куклы» были уже на пороге, когда я распахнул дверь и бросился в бой. Короткий взмах мечом, и голова седого мужика летит с плеч, тело падает на пол и сбивает с ног длинноволосого паренька с серьгой в правом ухе. Парень увлекает за собой девушку в джинсовом костюме, вооруженную японской катаной. Я увидел две цели слева, вскинул пистолет и прицельно выстрелил раз, другой. Две пули точно в цель. Двое офисных клерков выбыли из игры и из этой реальности навсегда.

В коридор шагнул Зарецкий. Он зарубил поднимающегося на ноги парня с серьгой, и был атакован девушкой с катаной. Замелькали в воздухе клинки. Они вспарывали воздух, чтобы столкнуться друг с другом и вновь разойтись в поисках уязвимого места у противника.

Я выпустил из виду Боксера. Он мужик взрослый, сам разберется. Меня больше всего заботило появление новых «охваченных», которые двигались от лифта в нашу сторону, если верить тепловизору. Я насчитал двенадцать человек. Много, но если представить, сколько «кукол» сейчас находится в здании, капля в море.

Из серверной появилась Василиса и встала рядом со мной. Мы встретили появление «кукол» прицельным огнем. Одного за другим мы убивали их, только,

казалось, меньше их не становится. Зарецкий расправился со своим противником, исчез на время в серверной и вернулся с «Вихрем» в руках. У меня как раз кончились патроны, и я выщелкнул пустую обойму из пистолета.

Боксер открыл огонь по набегавшим «куклам». Очередь за очередью он выкашивал «охваченных», надолго, если не навсегда выводя их из строя. Тут кому как повезет. Кто-то отделялся простреленной ногой, а кто-то получал дырку в голову, превращаясь в мертвый мешок с костями.

Пока Зарецкий контролировал ситуацию, я нырнул в серверную проверить как там Рогов. Макс уже сворачивал оборудование.

— Как дела? Все успел? — спросил я.

— Полный порядок. Как там? — бросил испуганный взгляд в сторону коридора Рогов.

— Мы контролируем ситуацию. Пошли.

Я вытащил из сумки Боксера автомат и несколько запасных обойм, которые рассовал по карманам.

Перед проникновением в «Лоджитек» я внимательно изучил схему здания. Нам нужны были дополнительные пути для отступления. И я упорно искал их и нашел. Путь к лифтам прегражден «охваченными». Значит, надо выбираться другим путем.

Зарецкий продолжал держать коридор под напряжением. Он поливал «охваченных» огнем, и весь пол устилали трупы врагов.

— Василиса, — позвал я. — Хватай Рогова и бегом отсюда. План «Б».

Она поняла меня. Теперь главное — вывести Макса с данными из здания «Лоджитек». Ради этого мы

сюда пришли, мы не могли себе позволить все потерять. Самое ценное — это информация, которую ему удалось добыть. С ее помощью мы сможем выйти на «кукловодов», центр управления нейрофонами и закончить со всем разом.

Я и Боксер остались прикрывать отступление. «Охваченные» перли на нас, но мы стойко держали оборону.

Я не знаю, сколько прошло времени. По моим внутренним ощущениям, несколько часов, хотя на деле, вероятно, минут пятнадцать. Последняя «кукла» рухнула на пол с простреленной башкой. Больше врагов в коридоре не было. Остались только мы с Боксером. Зарецкий довольно посмотрел на меня и подмигнул. Мол, наша взяла.

На полу осталось лежать несколько десятков трупов «охваченных». Солидная цена за добытую информацию.

Я опустил автомат дулом к полу и утер пот с лица.
— Пошли, — позвал я.

Боксер кивнул, и мы направились в сторону лифта.

Я думал, что все закончилось, хотя бы на время, пока мы не спустимся в вестибюль. Там нас, наверное, ждут. Но я ошибался.

ГЛАВА 36

В конце коридора появился Шахматист. Вот уж кого я не ожидал увидеть, так это его. Он уверенно шагал навстречу нам. Деловой, собранный и невозмутимый как всегда. Не человек, а робот, присланный для выполнения важной задачи. За его спиной

виднелись двое — девушка в длинном черном платье и в сапогах на высоких каблуках и мужчина лет сорока в широких штанах и коричневой кофте. У нее длинные волосы, собранные в тугую косу. У него короткий жесткий ежик и двухнедельная борода. Этих людей я не встречал в сопротивлении. Я про себя назвал их Алиса и Абрек. Очень она была похожа на повзрослевшую героиню кэрролловской сказки, а он на разбойника из «Тысячи и одной ночи».

Я внутренне собрался. Появление Шахматиста в логове «кукловодов» ничего хорошего не сулило. К тому же я не мог избавиться от смутных подозрений. После того как операция «Наковальня» с треском провалилась, я понял, что Прапорщик даже если и был крысой, то не единственной. Кто-то более могущественный работал против нас. Именно он спланировал операцию по уничтожению Кузнецов так, чтобы одним ударом избавиться от всех повстанческих групп города. Только один человек был способен на такую хитрую комбинацию. Он долго водил меня за нос, подставляя то под один удар, то под другой, пуская то по одному ложному следу, то по другому. И вот теперь все окончательно встало на свои места. Все кусочки пазла сошлись, и ясна картина мира. Я знал, кто предал всех нас. Сомнений быть не могло. Я видел этого человека перед собой.

Шахматист, координатор повстанческих групп, оказался простым ренегатом, работающим на «кукловодов».

Хорошо, что Василиса и Рогов уже ушли. Информация, добытая Максом, слишком важна для продолжения нашей работы, чтобы мы могли им так рисковать.

Зарецкий тоже увидел Шахматиста, но в отличие от меня он обрадовался ему и шагнул навстречу. В следующее мгновение Шахматист поднял правую руку, в которой неожиданно оказался пистолет, и дважды выстрелил. Я не ожидал такого поворота событий. Зарецкий тоже, и он тем более удивился, что обе пули предназначались ему. Только удивление это продолжалось недолго. Первая пуля ударила ему в грудь. Вторая в голову. Боксер умер еще до того, как упал на пол.

Я не успел даже вскинуть руку с «Вихрем». Мне в голову смотрели дула пистолетов Абрека и Алисы.

— Не шевелись, Гладиатор, не в твоих это интересах, — тихо произнес Шахматист, но я его услышал.

— Мишка, как же так? — только и смог я выдавить из себя.

— У меня не было другого выхода. Зарецкий ничего бы не понял и не смог бы принять нас. К тому же он нам не нужен. Это пустая отработанная структура. Она уже свое отслужила, — бесцветным голосом произнес Шахматист.

Чудно он говорит, только у него другая логика, пока мне непонятная.

— Чем они тебя купили? Неужели ты погубил столько людей ради денег? Все дело в бабках? — я не мог в это поверить.

Судя по тому, как шикарно одевался Шахматист, с деньгами у него проблем не было. Тогда я не мог понять, ради чего он мог предать своих ребят. Я не видел в этом логики.

— Ты знаешь, что ты уникальный человек, Гладиатор. Ты установил нейрофон, запустил его, активно

использовал, и в то же время не стал одним из «охваченных». Когда я увидел тебя, то не мог поверить в это. Ведь все было так четко рассчитано, сбоек в программе не должно было быть. И вот ты наглядное тому свидетельство, что даже в тщательно продуманном плане могут быть непредвиденные дырки. Когда ты появился у нас, я стал присматривать за тобой. Пытался понять, почему так произошло. По моей просьбе Лекарь осматривал тебя. Я не мог поверить в то, что простое заболевание смогло нарушить вживание нейрофона. Слишком уж просто. К тому же на Земле огромное количество людей попало под влияние нашего гаджета в период заболевания. Даже были случаи чудесного излечения. По моей просьбе Лекарь предлагал тебе лечь на обследование. Но ты не соглашался. Я должен был выяснить, чем ты так уникален. Ты — сбой в системе. Ты — уник. И я должен разобраться, почему так произошло. Мое руководство постоянно теребило меня, требовало результата. Я был внедрен в штаб сопротивления с целью собрать всех воедино и уничтожить, чтобы вы не путались под ногами. Но ты надолго отвлек меня от главной цели. Теперь цель достигнута. Сопротивления больше нет. Те жалкие остатки, кто выжил после «Наковальни», угрозы не представляют. Мы знаем их всех поименно и уничтожим в ближайшее время. Теперь нашим планам ничто не угрожает. Кроме тебя. Только ты и такие как ты могут спутать нам все карты. Я не исключаю возможность появления других уников. Если один смог подчинить себе нейрофон, то, возможно, это удастся и еще кому-то.

— Кто ты? — выдохнул я вопрос.

У меня от слов Шахматиста волосы по всему телу встали дыбом. Он говорил причудливо, страшно, но от его слов все вставало на свои места. Похоже, передо мной стоял один из «кукловодов», и это пробивало почище, чем электричество.

— Некоторые из вас называют нас «мусорщиками». Те, кто знает истинную картину мира, — напустил еще больше дыма Шахматист. — Посмотри на меня через нейрорфон, ты все увидишь сам.

Я крутанул колесико настройки. Реальный мир подернулся дымкой и отошел на задний план. Я увидел рабочий стол с россыпью приложений, в центре которого красовалась новая иконка — паучья сеть. Раньше я такую не видел. Похоже, пока я сражался, началось обновление. Я чувствовал, что должен нажать ее, но если я запущу это приложение, привычная картина мира будет разрушена. Я уже никогда не смогу вернуть ее. И я нажал.

Ничего не изменилось, за исключением облика Шахматиста и его спутников. Передо мной возвышались странные существа, порождение других, чужих для нас миров, окутанные силовыми коконами. Они стояли совсем по-человечески, опираясь на массивные лапы, их руки как конечности богомоллов, но главная жуть — это голова, похожая на трухлявый пенек с множеством паучьих глаз без век и хищной пастью, усеянной острыми зубами. К горлу подступила тошнота, я чудом сдержался, взял себя в руки и выдавил из себя:

— Кто вы? Зачем вам все это?

— Мы пришли из другого мира. Земля для нас полигон для наших экспериментов. Сейчас мы ис-

пользуем ее как свалку высокотехнологичных отходов. Нам нужно послушное население, исполняющее нашу волю. И нейрофоны — уникальный способ завоевать ваш мир без крови и шума. Только ты и такие как ты являются препятствием на нашем пути. Не сопротивляйся. Идем с нами. Мы изучим тебя, найдем ошибку и исправим ее. Ты сможешь зажить обычной жизнью. И это будет богатая жизнь. Мы позаботимся об этом.

Предложение Шахматиста звучало очень заманчиво — для кого-то другого, не для меня. И я вынужден был отказаться.

— Тогда мы убьем тебя. Нам все равно, будешь ты живой или мертвый. Мы все равно достигнем своей цели, — равнодушно произнес Шахматист.

Я не стал дожидаться, пока он воплотит свои угрозы в жизнь, вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. «Вихрь» разразился очередью, которая попала прямо в голову Шахматиста, вернее, того чудища, которым он оказался. Силовой кокон пошел волнами, но выстоял. Убить эту тварь не так уж и просто. Но я продолжал стрелять в надежде, что рано или поздно кокон лопнет и я смогу прикончить монстра.

Абрек и Алиса обогнули Шахматиста и направились ко мне. Уверенные в своих силах, они особо не торопились.

Помощь пришла неожиданно. Позади «мусорщиков» открылись двери лифта, я краем глаза зацепил несколько фигур, в одной из которых, мне казалось, я узнал майора Щеглова. И в следующую секунду один из гостей что-то метнул в сторону тварей. Граната плюхнулась между ними и взорвалась. Волной мон-

стров раскидало в стороны. Я почувствовал толчок в грудь, но на ногах устоял.

Абрек и Алиса оказались на полу. Их силовые коконы лихорадило. Не лучше дело обстояло у Шахматиста. Он уже поднимался на ноги, когда я отбросил в сторону опустевший «Вихрь», выхватил из-за спины меч и кинулся на него. Взмах и удар. Защитное поле не пропустило клинок. Я снова ударил, и снова, и снова. Шахматист распрямлялся, а я бил его, пока мог. Я был похож на лесоруба, пытающегося в одиночку завалить вековое дерево в три обхвата. Но все было напрасно.

Щеглов и его люди тут же пришли мне на помощь. Затарахтели автоматы, прижав к полу Абрека и Алису. Несколько пуль пришлось и на долю Шахматиста, но кокон держал удар.

Мне, вероятно, почудилось, но в чужих глазах твари промелькнуло удивление. Она не ожидала такого сопротивления. Самоуверенность их погубит. Это точно.

— Гладиатор, отступаем! — крикнул мне Щеглов.

Но я должен был убить эту тварь. Шахматист поднял богомольную лапу, намереваясь ударить, но его движения были вялыми, видно, все силы уходили на поддержание защитного поля. Я снова ударил мечом сверху, и в этот момент кокон поддался, пошел трещинами и лопнул. Новый удар, и клинок аккуратно вошел в голову твари. Из расколотого черепа хлынула какая-то вязкая гнойная жидкость, несколько глаз лопнули и вытекли на морду монстра. Он захлопал зубастой челюстью, словно пытался напиться воздухом, и рухнул на пол.

Я перескочил через мертвое тело «мусорщика» и бросился к майору Щеглову.

Дверцы лифта захлопнулись, когда я был уже в кабине.

Сердце бешено стучало в груди. Руки болели и мелко дрожали от напряжения. Пот по лицу стекал крупными каплями, но, несмотря ни на что, я был счастлив. Теперь я знал, кто такие «кукловоды», что им надо от нас. Никогда еще мир вокруг не был таким ясным и четким. И я знал, что теперь делать.

Мы должны восстановить сопротивление, воссоздать его по кусочкам. Надеюсь, информация, полученная Максом Роговым, поможет нам вычислить базу «мусорщиков» и центр управления нейрофонами. И тогда мы нанесем удар, который поможет нам покончить с этими тварями и их заразой раз и навсегда.

Я убрал меч за спину и выпрямился. На меня внимательно смотрел майор Щеглов. Рядом стояли трое бойцов из наших, сопротивленцев. Я был знаком с Мишкой Рокотовым и Давидом Гургенидзе. Третьего солдата я не знал.

— Что это было? — спросил Щеглов. — Почему от них пули отскакивали как от заговоренных?

Только я видел истинный облик «мусорщиков». Для остальных ребят они выглядели как простые люди. К тому же один из них был их координатором, знакомым Шахматистом, своим в доску. И пули их не брали, это вызывало удивление и растерянность.

— Их осколками должно было посесть от гранаты, а им хоть бы хны, — добавил Рокотов.

— Я все объясню. Потом, — пообещал я. — Сейчас нам надо убираться отсюда.

— В вестибюле наши люди. Мы прикрываем все пути отступления. Василиса и Макс уже в безопасности, — обнадежил Щеглов.

— Спасибо, — сказал я.

— За что? — удивился майор.

— Что вытащили меня.

— Это наша работа. Ты бы сделал то же самое.

Лифт достиг первого этажа, остановился. Двери открылись, и мы вышли в вестибюль. Здесь было непривычно много людей. И большая часть — знакомые лица сопротивленцев. Они были повсюду. Хмурые, готовые к бою. Их хватило бы, чтобы штурмом взять «Лоджitek», и «охваченные» знали об этом, поэтому не препятствовали нашему уходу. Тем более когда «кукловод» погиб, в их рядах, вероятно, царит хаос и паника, но это временно. Скоро придет другой «кукловод», и все начнется заново.

— Почему ты сражался с Шахматистом? — спросил Щеглов.

— Он был предатель. Это он ответственен за гибель наших.

— Как такое возможно? — удивился Давид Гургенидзе.

Это и правда не укладывалось в голове. Но они не видели того, что видел я.

— Нам еще предстоит это узнать. Пока же надо убираться отсюда. Надо залечить раны и начать работу заново.

— Принимай командование, Гладиатор. Кому как не тебе восстанавливать сопротивление. Это ребята так решили, единогласно, — ошарашил меня Щеглов.

Мы пересекли вестибюль и вышли на улицу.

Сквозь хмурое питерское небо проклюнулось осеннее солнце. Я видел перед собой такой привычный городской пейзаж, но кое-что в нем все-таки изменилось. Теперь я знал, что у нас есть могущественный враг, таинственные «мусорщики», мечтающие прибрать нашу планету к рукам. Мы не одни во вселенной. Только это знание не очень-то радовало. Многие знания — многие печали, так говорили древние.

Я направился к машине Боксера, за рулем которой сидел Рогов. Рядом виднелась Василиса. Вместе с майором Щегловым я забрался на пассажирское кресло, и мы тронулись в путь в сопровождении десятка автомобилей, заполненных нашими бойцами.

Я бросил взгляд на башню «Лоджитека». Там оставалось тело Боксера. Надо было бы забрать его, чтобы похоронить с почестями, только у нас не было такой возможности. Любое промедление смерти подобно. Ничего, мы отомстим за тебя, друг.

— Куда едем? — спросил Рогов.

— Бери курс на «Пионерскую». В штаб. Надо зализать раны, подсчитать потери и решить, как будем жить дальше. К тому же у меня для вас есть важная информация, — распорядился я.

Василиса внимательно посмотрела на меня. Она хотела спросить, что случилось с Зарецким, но передумала. Все и так было понятно, без слов.

Майор Щеглов связался с другими машинами по радиации и сообщил курс.

Я откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Я очень устал за последнее время. Укатали меня эти американские горки. Только не было времени на отдых. «Мусорщики» отдыхать не будут, пока не при-

берут всю нашу планету к рукам. Так что я мог себе позволить только немного вздремнуть по дороге на базу.

Через минуту я уже спал, но мозг продолжал даже во сне крутить ситуацию, прорабатывать схемы, анализировать информацию.

Гладиатор даже вне арены остается гладиатором. Такова, видно, моя судьба.

И, несмотря на все, я заснул счастливым, потому что теперь я знал, кто наш враг.

Я видел его лицо.

17 июня — 3 сентября 2017 года

Литературно-художественное издание

ГАДЖЕТ

Даль Дмитрий

ГАДЖЕТ. ЧУЖАЯ ВОЙНА

Фантастический роман

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»

Зав. группой *М. Сергеева*

Руководитель направления *В. Чекунов*

Выпускающий редактор *А. Калябина*

Технический редактор *О. Серкина*

Компьютерная верстка *Г. Клочковой*

ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: zhanry@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.09.2017. Формат 84х108^{1/32}.
Гарнитура «Мысль». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3000 экз. Заказ 967.

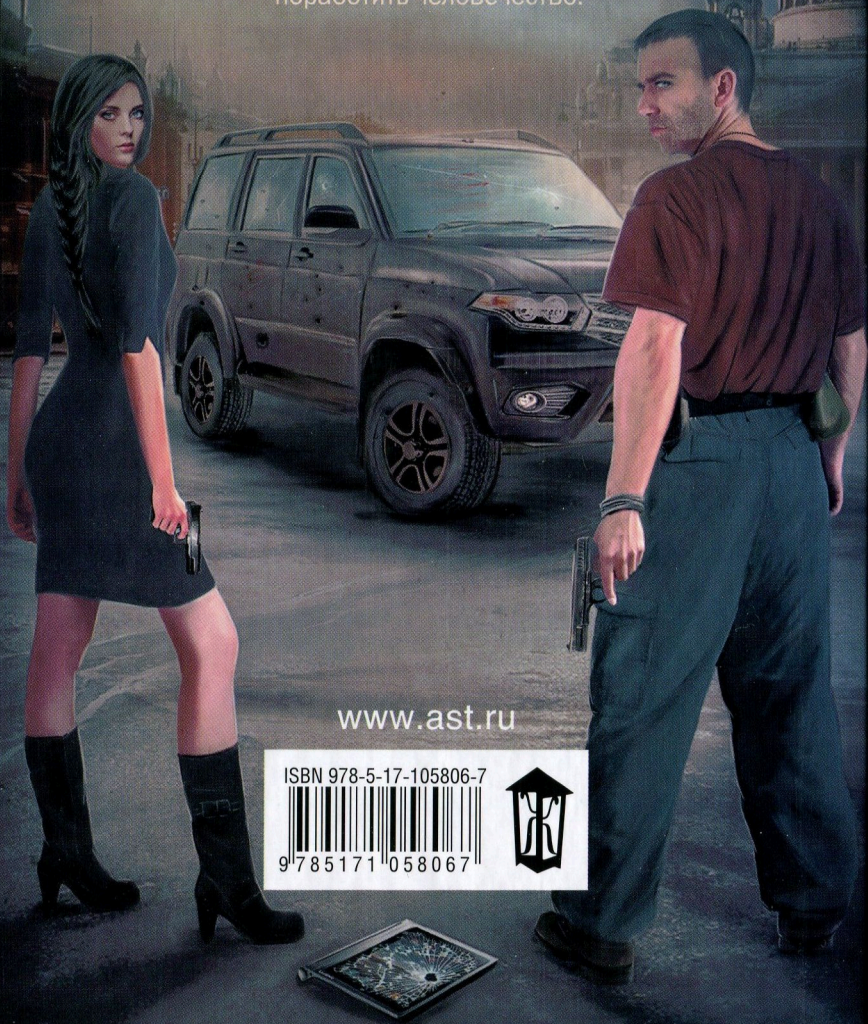

ISBN 978-5-17-105806-7

На улицах Петербурга развернулась настоящая война. Появление нейрофона, генерирующего виртуальные миры наяву, раскололо мир на два лагеря. «Охваченные», использующие новый гаджет, преследуют его противников, самые стойкие из которых объединились в отряды сопротивления.

Роман Корнев по прозвищу Гладиатор тоже «охвачен» нейрофоном, но что-то пошло не так. Роман использует гаджет в своих целях, так как нейрофон по неизвестной причине не может управлять им. Гладиатор становится командиром отряда повстанцев. Но среди них завелся предатель... Нужно выяснить, кто он. И кто является «кукловодом», планирующим при помощи нейрофонов поработить человечество.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-105806-7

9 785171 058067

